

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

2 (36)

2023

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 17 апреля 2021 г.) по следующим специальностям:

- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 2-е полугодие 2023 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

- Жильцов С.С.* – главный редактор, д-р полит. наук
- Егоров В.Н.* – заместитель главного редактора, канд. ист. наук
- Фаустова Н.А.* – заместитель главного редактора, канд. филол. наук
- Варфоломеев А.А.* – канд. полит. наук
- Закаурцева Т.А.* – д-р ист. наук
- Зверева Т.В.* – д-р полит. наук
- Иванов О.П.* – д-р полит. наук
- Ишин А.В.* – д-р ист. наук
- Карпович О.Г.* – д-р полит. наук, д-р юрид. наук
- Конопляник А.А.* – д-р экон. наук
- Косов Г.В.* – д-р полит. наук
- Липкин М.А.* – д-р ист. наук
- Мастепанов А.М.* – д-р экон. наук
- Неймарк М.А.* – д-р ист. наук
- Ногмова А.Ш.* – канд. полит. наук
- Пашенцев Е.Н.* – д-р ист. наук
- Сидорова Л.Н.* – канд. полит. наук
- Ткаченко М.Ф.* – д-р экон. наук
- Усманов Р.Х.* – д-р полит. наук
- Цвык В.А.* – д-р филос. наук
- Юнгблюд В.Т.* – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru
Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Костикова А.А., Спартак С.А.</i> Антироссийские санкции как инструмент цивилизационной, геополитической и экономической конкуренции	6
--	---

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Высоцкий П.А.</i> Эволюция энергетической политики России в Черноморском регионе.	20
<i>Жильцов С.С.</i> Энергетическая политика Казахстана: новые подходы.	32
<i>Мамедов А.В.</i> Каспийский регион как экономический центр «Большой Евразии»: перспективы международного сотрудничества особых экономических зон стран Прикаспия.	54
<i>Ткаченко М.Ф.</i> Китайская модель экономической глобализации	66
<i>Атлагич С.М.</i> Роль Косово в политической повестке Сербии	82
<i>Пономарев В.А.</i> Роль Госдепартамента США и Агентства США по международному развитию в национальной политике на постсоветском пространстве.	94
<i>Белов В.И., Ранджбар М.Д.</i> Анализ поведения Ирана в условиях санкционного давления	111
<i>Микаелян А.А.</i> Израиль – ОАЭ – Индия: перспективы сотрудничества	123

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Грудев В.Е.</i> Япония и становление научно-технической политики Республики Корея в 1960–1970 гг. XX века	137
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Сидорова Г.М.</i> Постколониальные нации в Азии и Африке	153
---	-----

К сведению авторов.	167
--------------------------------------	-----

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on April 17, 2021).

- 5.2.5. World economy;
- 5.5.2. Political institutions, Processes, Technologies;
- 5.5.4. International relations;
- 5.6.7. The history of international relations and foreign policy.

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue “Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 2nd half of 2023 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation.

The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief, PhD (History)

Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)

Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)

Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)

Tatiana Zvereva, DSc (Political Science)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Andrey Ishin, DSc (History)

Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)

Andrey Konoplyanik, DSc (Economics)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Evgeny Pashentcev, DSc (History)

Lidiya Sidorova, PhD (Political Science)

Marina Tkachenko, DSc (Economics)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsyvk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia,
53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg. No. ПИ № ФЦ77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2023

© Page make-up. «Kvant Media», 2023

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Anna Kostikova, Sergey Spartak. Anti-Russian Sanctions As
a Tool of Civilizational, Geopolitical and Economic Competition 6

REGIONAL PROBLEMS

Pavel Vysotsky. The Evolution of Russian Energy Policy in the Black Sea Region 20

Sergey Zhiltsov. The Energy Policy of Kazakhstan: New Approaches 32

Alexey Mamedov. The Caspian Region As an Economic Center of
“Greater Eurasia”: Prospects for International
Cooperation in the Special Economic Zones of the Caspian Countries 54

Marina Tkachenko. The Chinese Model of Economic Globalization 66

Sinisha Atlagich. The Role of Kosovo in the Political Agenda of Serbia 82

Vladimir Ponomarev. The Role of the U.S. State Department and
the U.S. Agency for International Development in National Policy in
the Post-Soviet Space 94

Vladimir Belov, Daniyal Ranjbar. Analysis of Iran’s Behavior
Under Sanction Pressure 111

Arman Mikaelyan. Israel – UAE – India: Prospects for Cooperation 123

HISTORY AND RELIGION

Vasily Grudev. Japan and the Formation of the Scientific and
Technological Policy of the Republic of Korea in 1960—1970, XX Century 137

ACADEMIC LIFE

Galina Sidorova. Postcolonial Nations in Asia and Africa 153

Notice to the authors 167

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Костикова Анна Анатольевна,

кандидат философских наук,
заведующая кафедрой философии языка и коммуникаций
философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
руководитель направления «Реклама и связи с общественностью», Москва.

Anna A. Kostikova,

PhD in Philosophy,
Head of the Department of Philosophy of Language and Communications,
Faculty of Philosophy of Moscow State University M.V. Lomonosov,
Head of Advertising and Public Relations program, Moscow.

E-mail: akostikova04@yandex.ru

Спартак Сергей Андреевич,

кандидат политических наук,
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

Sergey A. Spartak,

PhD in Political Science,
Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow.

E-mail: sspartak@yandex.ru

АНТИРОССИЙСКИЕ САНКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

ANTI-RUSSIAN SANCTIONS AS A TOOL OF CIVILIZATIONAL, GEOPOLITICAL AND ECONOMIC COMPETITION

Аннотация: в статье¹ рассматриваются последствия антироссийских санкций для мирового развития, геополитики и геоэкономики. Раскрыты особенности и направления современной санкционной войны коллективного Запада против России, приобретшей геополитический масштаб и глубоко проникшей в социокультурный пласт общества.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00508.
URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00508/>.

Для продвижения санкционной политики и давления на Россию США создали беспрецедентную для мирного времени коалицию своих сторонников, феномен которой хорошо объясняется теорией гегемонистской стабильности применительно к условиям неолиберальной глобализации, переживающей глубокий кризис. Цивилизационный характер современного противостояния России с Западом проявляется, прежде всего, в проводимой последним не имеющей аналогов в прошлом «политике отмены» целой страны, причем страны, являющейся важнейшей частью мировой истории и культуры. Благодаря санкциям и эскалации военного конфликта на Украине США упрочили свое геополитическое положение, укрепили экономические позиции относительно союзников и во всех аспектах теснее привязали их к себе. Антироссийские санкции позволили США потеснить Россию на ряде ключевых мировых рынков, в том числе фактически вытеснить Россию с европейского энергетического рынка, значительно в свою пользу ослабить ее позиции на мировом рынке вооружений, а уход под давлением США крупнейших агротрейдеров из России может расширить возможности американских фермеров на глобальном продовольственном рынке. Действия антироссийской коалиции и общий кризис существующего мирового порядка, усиление фрагментации процесса глобализации делают наиболее вероятным блоковый сценарий дальнейшего развития международной экономической и политической системы. В такой ситуации России необходимы стратегические альянсы с надежными партнерами из числа дружественных и нейтральных стран в рамках выдвинутого Президентом РФ концепта Большого Евразийского партнерства, способного обеспечить устойчивость его участников по отношению к внешним шокам, новым вызовам и угрозам.

Ключевые слова: санкции, запреты и ограничения, конкуренция, недружественные страны, гегемония, демонизация, культура отмены, человеческий потенциал, геополитика, блоковый сценарий, риски.

Abstract: the article examines the consequences of anti-Russian sanctions for global development, geopolitics and geo-economics. Features and areas of the modern sanctions war of the collective West against Russia, which has acquired a geopolitical scale and deeply penetrated the socio-cultural layer of society, are revealed. To promote the sanctions policy and pressure on Russia, the United States created an unprecedented for peacetime circumstances coalition of its supporters, the phenomenon of which is well explained by the theory of hegemonic stability for the conditions of neoliberal globalization, which is experiencing a deep crisis. The civilizational nature of the modern confrontation between Russia and the West, first of all, is manifested in the policy pursued by the latter, which has no analogues in the past, of «cancelling» an entire country with great history and culture. Thanks to sanctions and the escalation of the military conflict in Ukraine, the United States has enhanced its geopolitical standing, strengthened economic positions relative to its allies and in all aspects tied them closer to itself. Anti-Russian sanctions have allowed the United States to push Russia in a number of key world markets, including actually ousting Russia from the European energy market, significantly weakening its position in the global arms market in U.S. favor, and the withdrawal of the largest agricultural traders from Russia under pressure from the United States may expand the opportunities of American farmers in the global food market. The actions of the anti-Russian coalition and the general crisis of the existing world order, the increasing fragmentation of the globalization process make the block scenario of further world development the most likely. In such a situation, Russia needs strategic alliances with reliable partners from friendly and neutral countries in line with the proposed by the Russian President concept of the Great Eurasian Partnership, which can ensure the sustainability of its participants in relation to external shocks, new challenges and threats.

Key words: sanctions, bans and restrictions, competition, unfriendly countries, hegemony, demonization, cancel culture, human potential, geopolitics, block scenario, risks.

Масштабы и особенности санкционной войны коллективного Запада против России

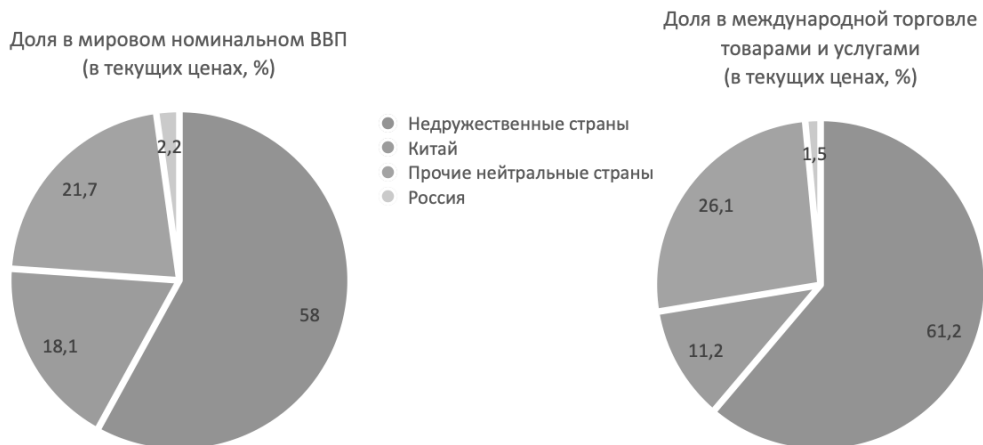
В последние десятилетия практика применения санкций для решения политических и иных задач получила широкое распространение среди западных стран во главе с США, которые в разные периоды задействовали санкционный инструментарий в отношении более 20 государств. Однако санкции, введенные против России, являются беспрецедентными по охвату, масштабу и количеству проводящих санкционную политику стран. Семерка стран с наибольшим числом применяемых против них санкций (в отношении физических и юридических лиц, без секторальных санкций) по состоянию на 5 апреля 2023 года выглядела следующим образом: Россия — 14 188 (в том числе 12 616 введены после начала специальной военной операции (далее — СВО), Иран — 4453, Сирия — 2660, КНДР — 2139, Беларусь — 1169, Мьянма — 865, Венесуэла — 651 [8]. Таким образом, общее число санкций, введенных в отношении России, существенно больше, чем для всех других стран — объектов санкций, вместе взятых. Под санкции попали практически вся российская управленческая и бизнес-элита, а также флагманские организации ключевых отраслей и секторов экономики.

После начала СВО интенсивность антироссийских санкцийкратно возросла, появились многочисленные и объемные секторальные санкции, в том числе блокирующего характера. Были установлены потолок цен на российскую нефть и нефтепродукты, ограничения и запреты на импорт из Российской Федерации нефти, газа и угля, золота, черных металлов, продукции, формирующей значительную экспортную выручку РФ, на экспорт в Россию товаров и технологий двойного назначения, оборудования и технологий для энергетики и нефтепереработки, морских навигационных товаров и технологий, товаров и технологий для авиационной и космической отраслей, предметов роскоши, товаров, которые могут содействовать промышленному развитию России, профессиональных услуг, ограничения на использование услуг морского транспорта для перевозки российской нефти, на заход российских судов в порты европейских и североамериканских стран, запреты на полеты над Европой и Северной Америкой, на деятельность российских СМИ

с госучастием, ограничения по доступу России к ресурсам МВФ и группы Всемирного банка, ограничения по обращению суверенного долга России, на использование российскими банками корреспондентских счетов за рубежом, по доступу российских банков к системе переводов SWIFT; Россию лишили режима наибольшего благоприятствования в торговле и др. Весь используемый против России санкционный инструментарий укладывается в понятия тотальной экономической войны и агрессивной недобросовестной конкуренции, причем разворачивающейся на широком геоэкономическом поле.

До 2022 года международная конкуренция развивалась в определенных рамках, временами была очень острой и жесткой, но не переходила «красные» линии, за которыми последовал бы развал существующего миропорядка [5]. Даже при Д. Трампе, когда США развязали полномасштабную торговую войну против Китая и под ограничения попали существенная часть взаимной торговли и отдельные высокотехнологичные китайские компании, общий контекст экономических и политических отношений между странами сохранялся достаточно ровным и открытым для переговоров. Созданная же под эгидой США широкая антироссийская коалиция государств, что произошло впервые, была призвана не только наказать Россию за «неправильное» поведение, но и принципиально изолировать Российскую Федерацию от мировой экономики и современных технологий, тем самым значительно ограничить перспективы развития производственного и человеческого потенциала страны. Совокупные возможности группы недружественных стран — 58% мирового ВВП в рыночных ценах и 61% международной торговли товарами и услугами в 2022 году — в теории позволяли это сделать, но на практике в силу целого ряда причин, включая критически значимые позиции России на ряде стратегических товарных рынков, изолировать Россию не удалось. Очень важную роль в этом сыграли Китай, Турция, Индия, Иран, а также партнеры России по ЕАЭС и СНГ (рис. 1).

Рис. 1. Экономический потенциал недружественных и нейтральных стран по состоянию на 2022 год¹

Санкционная война против России со стороны Запада имеет блоковый характер — в центре находится военно-политический блок НАТО во главе США, проводящий наиболее жесткую санкционную политику, и еще ряд стран и территорий, тесно сотрудничающих с участниками блока, присоединились к антироссийским санкциям (Ирландия, Швейцария, Лихтенштейн, Швеция, Финляндия, Кипр, Грузия, Япония, Республика Корея, Тайвань, Сингапур, Австралия, Новая Зеландия). Из стран НАТО фактически только Турция не применяет антироссийские санкции, хотя, начиная с марта 2023 г., под сильным внешним давлением она приостановила таможенное оформление подсанкционных грузов в направлении России. Практически все участники НАТО (кроме Австрии, Болгарии, Венгрии, Исландии, Кипра и Черногории) наряду с санкциями одновременно поставляют вооружение и военную технику Украине. Помимо членов НАТО в снабжении Украины оружием участвуют Швеция, Финляндия, Австралия. В общей сложности вооружением Украины занимаются 27 стран западной антироссийской коалиции.

НАТО и их союзники де-факто объявили полномасштабную гибридную войну России через введение тотальных антироссийских санкций, военно-техническое вовлечение в конфликт на Украине, политику отрицания традиций, ценностей, культуры российского

¹ Источник: [13; 19].

народа, демонизацию образа России и ее представителей в СМИ с безапелляционным искажением действительных событий, формированием фейкового медийного пространства, полностью подменившего объективные, отражающие реальность новостные потоки. Попытки демонизировать образ России были и в прошлом, причем неоднократно, особенно в российско-американских отношениях [6], но никогда это не было так тесно вплетено в «политику отмены» России, когда «культуру отмены» (cancel culture) впервые в истории применили против целой страны, причем страны, являющейся важнейшей частью мировой истории и культуры. Предпринимаемые коллективным Западом действия призваны максимально затруднить, дестабилизировать социально-экономическое развитие России, создать искусственные препятствия для самореализации российских граждан. Всё четче просматривается религиозный характер противостояния России с Западом, киевские власти усиливают гонения на Украинскую Православную Церковь при полном попустительстве западных стран, которые одновременно активно вооружают киевский режим.

Геополитические аспекты антироссийских санкций

Антироссийские санкции стали для США важным инструментом в решении долговременных геополитических задач. Согласно теории гегемонистской стабильности, сформулированной в русле политического реализма, наличие гегемона в международной экономической и политической системе выступает ключевым условием формирования и поддержания либерального устройства в общемировом масштабе. Уменьшение степени гегемонии или, тем более, конец гегемонии значительно снижают стабильность международной системы. Поэтому надо стремиться к сохранению гегемонии на надкритическом уровне через создание подконтрольных региональных/глобальных институтов, блоков и объединений для обеспечения гегемонии уже в коллективном формате в сотрудничестве с другими странами. Таким образом, гегемон использует союзы для продвижения своих интересов, разделения издержек, легитимизации собственной международной политики [9].

Утрата США существенной части экономической (а вместе с ней и политической) гегемонии в мире сопровождалась значи-

тельным ростом активности Соединенных Штатов на треке региональных торговых соглашений в первые полтора десятилетия нового века, где высшим достижением стали мегарегиональные торговые инициативы президентства Б. Обамы — Транстихоокеанское партнерство с участием США и еще 11 стран, а также Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство США — ЕС. Причем мегарегиональные торговые соглашения с участием США изначально рассматривались ими как инструменты борьбы за лидерство в глобальной экономике и торговле, продвижения американских ценностей и стандартов регулирования. Об этом написано достаточно много научных работ [3].

По ряду причин при президентстве Д. Трампа, когда в США обладали изоляционистские и протекционистские настроения, страна вышла из двух вышеуказанных мегапартнерств, но это не помогло ей «вновь стать великой», как призывал Д. Трамп. Однако восстановление американской гегемонии прочно закрепилось в политическом дискурсе и с приходом Дж. Байдена получило новые импульсы. Конфликт на Украине был нужен США для сдерживания России, а через Россию — Китая, но главное — он позволил США собрать коалицию из почти 50 стран, разделяющих неолиберальные экономические принципы и «близких по духу». Коалиционный характер отношений с партнерами — новое явление в политике США, отражающее конфронтационное блоковое видение мира. И это придется принимать во внимание. Возникло широкое экономическое НАТО, от которого совсем недалеко до политического альянса (напомним, что существующее НАТО включает в себя 30 стран, а также Финляндию и Швецию в качестве кандидатов).

Санкции в отношении России образца 2014 года в связи с украинским кризисом имели преимущественно экономический характер, но с началом СВО они очевидно приобрели геополитический масштаб и глубоко проникли в социокультурный пласт общества. Геополитический, геоэкономический, конкурентный и мировоззренческий контексты антироссийских санкций сегодня тесно переплетены, что отражает объективно развивающуюся тенденцию к разделению мира на блоки как следствие углубления кризиса существующего мирового экономического порядка, усиления процессов экономической, финансовой, технологической,

физической, военно-политической и информационно-сетевой фрагментации современного мира [4]. В условиях фактического движения к экономической биполярности, где полюсами силы выступают Китай и США, возглавляемая Соединенными Штатами антироссийская коалиция призвана не только ослабить или даже устранить Россию как значимого политического и экономическо-го игрока на международной арене, но и максимально затруднить создание любых альянсов с участием Китая и России на Востоке.

Китай добился феноменальных экономических успехов за последние десятилетия, но в отличие от США Китай пока не сумел сформировать вокруг себя коалицию из политических и экономических союзников, а существующие торговые соглашения и партнерства с участием Китая могут распасться в случае кризиса в отношениях с Западом. Важнейший и самый надежный партнер Китая в блоковом сценарии развития мировой экономики и политики — Россия, чье ослабление и максимальная изоляция будут одновременно означать невозможность формирования эффективного союза двух стран. А это — единственная конструкция, в которой может существовать биполярность, в противном случае США, опираясь на широкую коалицию союзников, получат стратегические преимущества [10]. В этом же контексте США и их союзники постоянно наращивают давление на нейтральные страны в плане принуждения их к соблюдению антироссийских санкций. Причем речь идет не только о том, чтобы сделать санкции еще более болезненными для России, но также о прекращении нейтральными странами нормальных торговых отношений с Россией, что нанесет ущерб экономическим интересам всех сторон и сделает крайне затруднительным выход на более высокие уровни взаимного сотрудничества. По заявлению главы Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен, 11-й пакет антироссийских санкций в основном направлен на борьбу с обходом уже установленных западными странами ограничительных мер [2].

Экономическое измерение антироссийских санкций

Экономическая составляющая у антироссийских санкций также очень серьезная. Через беспрецедентные по охвату и масштабу запреты и ограничения в отношениях с Россией и нагнетание военной ситуации на Украине лидер антироссийской коалиции —

Америка — стремится упрочить свои позиции в западном блоке, в большей степени привязать к себе союзников, совершить технологический рывок и избавиться от сильного конкурента на стратегически важных технологических рынках — вооружений, атомных и космических технологий.

В последние три десятилетия США значительно упрочили свои позиции в группе развитых стран: за 1991—2021 годы их доля в суммарном номинальном ВВП группы выросла с 31,3 до 41,0%, удельный вес в совокупных расходах на НИОКР увеличился за 1996—2020 годы с 37,2 до 49,3%, вклад в общее число заявок на патенты резидентов и нерезидентов повысился за 1992—2020 годы с 24,6 до 44,1%¹. Без конкретных цифр данный вывод был бы не вполне очевиден, но, действительно, США сегодня сосредоточили на себе основную часть ресурсов и возможностей всей группы развитых стран. Судя по развитию ситуации в связи с конфликтом на Украине и антироссийскими санкциями, их положение среди развитых стран еще более укрепитя. Согласно апрельскому прогнозу МВФ 2023 года, после первого года противостояния Запада и России ВВП США вырастет в 2023 году на 1,6%, тогда как экономика Еврозоны — только на 0,8% и фактически будет балансировать на грани рецессии². В период 2024—2028 годов предполагаемый среднегодовой прирост ВВП США составит около 2%, Еврозоны — 1,4%, Японии — 0,5% [12]. Огромные поставки накопленных вооружений Украине простимулируют перезапуск военно-промышленного комплекса США, и уже американские эксперты рассуждают о том, что это может привести к новому буму гражданских инноваций, как было после Второй мировой войны. В связи с этим Эрик Шмидт, бывший руководитель «Google», напоминает, что «если необходимость является матерью изобретений, то война выступает повивальной бабкой инноваций», и предлагает пересмотреть некоторые подходы в оборонной политике США для стимулирования нововведений [15].

Антироссийские санкции и связанный с ними рост товарных цен в принципе повышают конкурентоспособность амери-

¹ По данным МВФ и МБРР.

² Отрицательный или нулевой рост ожидается в 2023 году в Германии, Финляндии, странах Балтии. За пределами Еврозоны падение или нулевой рост ВВП прогнозируется в Великобритании, Швеции, Дании, Чехии, Польше.

канских нефтедобытчиков и фермеров, имеющих сравнительно высокую себестоимость производства, но одновременно не приводят к чрезмерной инфляции в силу слабой зависимости США от импорта подорожавших товаров, особенно из России. По оценкам ОЭСР (март 2023 г.), уровень потребительской инфляции в 2022 году составил в США 6,3 %, в Еврозоне — 8,4 % (в том числе в Германии и Италии находился на отметке 8,7 %), в Великобритании — 9,1 %; в 2023 году данный показатель ожидается в США на уровне 3,7 %, в Еврозоне — 6,2 % (в Германии и Италии — по 6,7 %), в Великобритании — 6,7 % [14]. Санкции очевидно ослабляют Европу, тогда как существенно меньше влияют на Соединенные Штаты. Более того, массивная военная помощь Украине со стороны большинства европейских государств приведет к последующим масштабным закупкам вооружений за океаном, что еще больше привяжет европейцев к США. Практически полное вследствие санкций свертывание российско-европейского сотрудничества в военно-технической, атомной и ракетно-космической сферах также будет способствовать повышению интенсивности европейско-американского сотрудничества в этих областях.

Под воздействием жестких антироссийских санкций и ограничений в энергетической сфере США фактически перехватили у России европейский энергетический рынок. По информации Евростата, в 2019 году отгрузки энергоносителей из США в ЕС по стоимости были в 4 раза меньше, чем из России, тогда как в IV квартале 2022 года объемы поставок примерно совпадали [11]. Американский экспорт сжиженного природного газа (СПГ) в ЕС в 2022 году вырос в натуральном выражении в 2,4 раза (с 23,5 млрд м³ в 2021 г. до 56,7 млрд м³ в 2022 г.), а продажи российского трубного газа сократились в 2,3 раза (со 140 млрд м³ в 2021 г. до 61,8 млрд м³ в 2022 г.). Положительная санкционная «маржа» США на рынке ЕС по СПГ (стоимостной прирост поставок в 2022 г. к 2021 г.) составила около 19 млрд долл. (рис. 2). Экспорт американской нефти в Европу с декабря 2021 года по декабрь 2022 года вырос более чем в 1,5 раза [18].

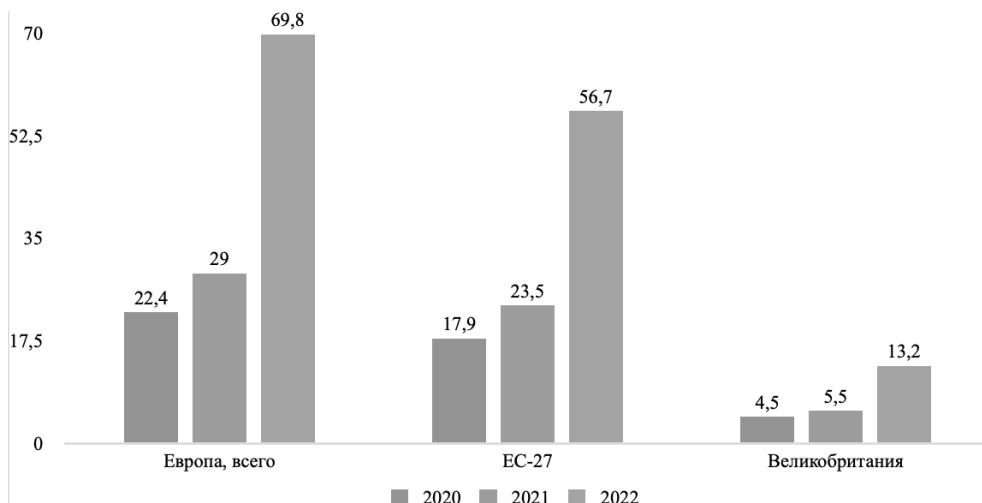

Рис. 2. Поставки СПГ из США в Европу (млрд м³)¹

В условиях санкций и СВО экспорт вооружений и военной техники (ВВТ) из России опустился до минимального в новом столетии уровня. Доля России в мировом экспорте ВВТ в 2022 году достигла минимума в новейшей истории — 8,8% по сравнению с 25,6% в 2018 г. оду Одновременно удельный вес США в экспортной торговле оружием вырос до 45,4% в 2022 году против 34,8% в 2018 году. В относительном выражении поставки американских ВВТ увеличились в 2022 году к 2021 году на 32% и были на максимальной отметке в XXI веке [16]. Обострение военно-политической ситуации на Украине позволило США нарастить продажи оружия европейским союзникам с 15,5 млрд долл. в 2021 году до 28 млрд долл. в 2022 году, или почти вдвое [7]. Увеличение военных бюджетов европейских государств на фоне антироссийской истерии обеспечит американский ВПК дополнительными заказами на долгие годы вперед.

Усиливается давление на системообразующую отрасль российской экономики — атомный комплекс, генерирующий прорывные технологические разработки для будущего страны. В 2022 году атомная отрасль не попала под ограничительные меры, но в 2023 году ситуация изменилась. 12 апреля США ввели санкции в отношении нескольких структур «Росатома», вклю-

¹ Источник: [18].

чая «Росатом Оверсиз», а немного позднее появилась информация, что пять стран G7 (Великобритания, Франция, США, Канада и Япония) договорились о совместных действиях с целью вытеснить Россию с международного рынка атомной энергетики, в том числе формировать единые цепочки поставок ядерного топлива без участия России [17].

Одно из значимых последствий тотальных антироссийских санкций и их прорастания в социокультурный пласт общества связано с фетишизацией так называемых репутационных рисков, когда формально та или иная деятельность не подпадает под санкции, но компании принимают самостоятельные решения о прекращении операций в России и с Россией. Причем это также имеет конкурентные аспекты. Например, торговля продовольствием выведена из-под санкций, но три крупнейших агротрейдера — американские Cargill и Archer Daniels Midland (ADM) и голландская Viteira в конце марта — начале апреля 2023 года приняли решение прекратить экспорт зерна из России. Напомним, что в 2010-х годах Россия значительно потеснила США на мировом рынке зерновых, прежде всего пшеницы. Исследование Центра стратегических разработок о деятельности иностранного бизнеса в России в условиях санкций обращает внимание на то, что основная причина ухода иностранных компаний из страны заключается не в прямых запретах и ограничениях, связанных с санкциями, а в стремлении зарубежного, прежде всего западного, бизнеса хеджировать репутационные риски. При этом страдают важные для России отрасли и сектора экономики, снижается конкурентоспособность страны на соответствующих направлениях [1].

Заключение

Современные антироссийские санкции и «культура отмены» целой страны, глубоко интегрированной в мировое сообщество и мирохозяйственные связи, — это, по сути, реинкарнация чужденоненавистнических практик Третьего рейха, адаптированных к эпохе заката неолиберальной глобализации, когда западный цивилизационный уклад пытается взять реванш и сохранить свою гегемонию, но объективные обстоятельства уже не позволяют сделать это в честной конкурентной борьбе. Украинский

конфликт стал провокацией Запада, позволившей развязать беспрецедентную по охвату и глубине гибридную войну против несогласных с западными ценностями и правилами стран, и главный удар закономерно пришелся на Россию. Очевидно стремление США окончательно поделить мир на своих и чужих, выдавив последних на периферию мирового экономического, научно-технологического, социогуманитарного развития. Такими действиями США и НАТО фактически реализуют жесткий блоковый сценарий мирового развития, при этом стремятся с использованием методов военно-политического и финансово-экономического давления воздействовать на нейтральные и колеблющиеся страны. Поэтому будущее России зависит не только от слаженной и эффективной работы по развитию собственной экономики и социально-гуманитарной сферы, общественных институтов, но также от выстраивания стратегических альянсов с доказавшими свою надежность партнерами, проявляя гибкость и готовность к компромиссам. В данной ситуации реализация российского проекта Большого Евразийского партнерства, озвученного Президентом В. Путиным еще в 2015 году, приобретает характер экзистенциального вызова для страны, становится абсолютно необходимым условием для обеспечения устойчивого развития России в высоковероятном сценарии разделения нынешней цивилизации на конкурирующие и конфликтующие друг с другом блоки.

Литература

1. Доклад Фонда «Центр стратегических разработок» (сентябрь 2022 г.). Картина иностранного бизнеса: уйти нельзя остаться. — URL: <https://www.csr.ru/ru/research/kartina-inostrannogo-biznesa-uyti-nelzya-ostatsya/> (дата обращения: 16.01.2023).
2. Коммерсантъ. — 24.03.2023. — URL: <http://www.kommersant.ru> (дата обращения: 11.04.2023).
3. Саламатов В.Ю. Мегарегиональные торговые соглашения // Мировая экономика и международные отношения. — Т. 60. — 2016. — № 9. — С. 17—27.
4. Спартак А.Н. Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // Российский внешнеэкономический вестник. — 2022. — № 7. — С. 7—29.
5. Спартак А.Н. Направления и методы международной конкуренции в начале XXI века: геоэкономические и торгово-политические аспекты // Российский внешнеэкономический вестник. — 2011. — № 9. — С. 3—15.
6. Спартак С.А. Исторические корни политического образа России в США: монография. — М.: Проспект, 2021. — 192 с.
7. Центр геополитических прогнозов. — URL: <https://geofor.ru> (дата обращения: 09.04.2023).
8. Castillum.AI — сервис отслеживания санкций. — URL: <http://www.castillum.ai> (дата обращения: 17.04.2023).

9. *Crone D.* Does hegemony matter? The reorganization of the Pacific political economy // *World Politics*. — 1993. — Vol. 45. — P. 501—525.
10. *Evan A. Feigenbaum, Adam Szubin.* What China Has Learned From the Ukraine War. Even Great Powers Aren't Safe From Economic Warfare. — If the U.S.-Led Order Sticks Together // *Foreign Affairs*. — February 14, 2023. — URL: <http://www.foreignaffairs.com> (accessed: 02.04.2023).
11. Extra-EU imports of energy products: falling shares for imports from Russia. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_international_trade_in_goods_-_latest_developments#Extra-EU_imports_of_energy_products:_falling_shares_for_imports_from_Russia (accessed: 05.04.2023).
12. IMF World Economic Outlook: A Rocky Recovery / International Monetary Fund, April 2023. — 184 p.
13. IMF World Economic Outlook Database, April 2023. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/April/> (accessed: 23.04.2023).
14. OECD Economic Outlook, Interim Report March 2023: A Fragile Recovery. — URL: <http://www.oecd-library.org> (accessed: 05.04.2023).
15. *Schmidt E.* Innovation Power. Why Technology Will Define the Future of Geopolitics // *Foreign Affairs*. — March/April 2023. — P. 38—52.
16. Stockholm International Peace Research Institute. SIPRI Arms Transfers Database. — URL: <http://www.armstrade.sipri.org> (accessed: 14.04.2023).
17. UK government official site. — URL: <https://www.gov.uk/government/news/new-nuclear-fuel-agreement-alongside-g7-seeks-to-isolate-putins-russia> (accessed: 25.04.2023).
18. U.S. Energy Information Administration. — URL: http://www.eia.gov/oil_gas/natural_gas/data_publications/natural_gas_monthly/ngm.html (accessed: 09.04.2023).
19. WTO Database. — URL: <https://www.stats.wto.org> (accessed: 23.04.2023).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Высоцкий Павел Андреевич,

научный сотрудник,
Центр региональных исследований, Москва.

Pavel A. Vysotsky,

Researcher,
Center for Regional Studies, Moscow.

E-mail: pvysotsckij@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

THE EVOLUTION OF RUSSIAN ENERGY POLICY IN THE BLACK SEA REGION

Аннотация: после распада СССР Россия пересмотрела подходы к реализации энергетической политики в Черноморском регионе. Основное внимание российская сторона стала уделять расширению сотрудничества с Турцией, реализовав с ней трубопроводные проекты. В результате российско-турецкое взаимодействие позволило России диверсифицировать маршруты поставок газа на внешний рынок. В условиях санкций, которые Запад стал активно использовать после февраля 2022 года и обострения отношений с Украиной, экспортные маршруты через территорию Турции позволили России сохранить возможности для поставок своих углеводородных ресурсов на внешний рынок. В статье делается вывод, что энергетическая политика России в Черноморском регионе отличается преемственностью. В последующие годы она будет добиваться сохранения поставок газа через турецкую территорию.

Ключевые слова: Россия, энергетика, экспорт, Турция, Черноморский регион.

Abstract: after the collapse of the USSR, Russia revised its approaches to the implementation of energy policy in the Black Sea region. The Russian side began to focus on expanding cooperation with Turkey by implementing pipeline projects with it. As a result, Russian-Turkish cooperation has allowed Russia to diversify gas supply routes to the foreign market. Under the conditions of sanctions, which the West began to actively use after February 2022 and the aggravation of relations with Ukraine, export routes through Turkey allowed Russia to retain opportunities to supply its hydrocarbon resources to the foreign market. The article concludes that Russia's energy policy in the Black Sea region is characterized by continuity. In the following years, it will seek to maintain gas supplies through Turkish territory.

Keywords: Russia, energy, export, Turkey, Black Sea region.

Введение

После распада СССР Россия была вынуждена фактически с «нуля» формировать свою энергетическую политику, в том числе в Черноморском регионе. Основные усилия были направлены на реализацию альтернативных трубопроводных проектов, которые выводили бы российские углеводородные ресурсы на внешний рынок. Одним из перспективных партнеров в энергетическом сотрудничестве рассматривалась Турция. Это причерноморское государство занимало выгодное географическое положение, которое позволяло не только импортировать углеводородные ресурсы из других государств — нефть и газ, но и осуществлять их поставки в другие страны.

Острое соперничество между Россией и Западом подталкивало российскую сторону к активизации энергетической политики в отношении Турции. В свою очередь, Анкара также принимала усилия, чтобы стать центром транзита энергоресурсов из Черноморского и Каспийского регионов в Европу. С этой целью Турция поддерживала инициативы по реализации трубопроводных проектов в Черноморском регионе.

Для России значение Черноморского региона возросло в 90-х годах прошлого века. Регион стал рассматриваться в качестве стратегически важного звена для поставок углеводородного сырья. Речь шла об экспорте российских нефти и газа.

Повышенное внимание России к Черноморскому региону возросло в условиях нарастания геополитического соперничества со странами Запада. Кардинальные изменения ситуации в регионе после распада СССР привели к появлению новых причерноморских государств — Украины и Грузии. Ранее, до распада СССР, произошел распад социалистического блока. В результате Румыния и Болгария стали формировать собственные интересы в Черноморском регионе, уже не ориентируясь на геополитические интересы СССР. Все эти факторы поставили перед Россией задачу формирования и реализации новой политики в Черноморском регионе, в том числе в энергетической сфере.

Политика России в Черноморском регионе формировалась в условиях активности Турции [2, с. 6—20]. После распада СССР и ослабления влияния России, Анкара стала рассматривать себя в качестве одного из ведущих игроков в регионе, претендуя

на ведущие позиции в определении геополитической ситуации. Именно Турция одной из первых попыталась усилить свое влияние в странах постсоветского пространства, в том числе в Черноморском регионе.

Российская политика в 1990-х годах должна была учитывать новую геополитическую конфигурацию в регионе. В частности, провозглашение Румынией и Болгарией курса на вхождение в НАТО. Помимо этого Грузия и Украина провозгласили курс на расширение сотрудничества с ЕС и НАТО, которые рассматривались в тот период времени в качестве приоритета внешней политики. Киев и Тбилиси ставили в качестве приоритета расширение сотрудничества с евроатлантическими структурами с перспективой обретения членства. Таким образом, расстановка сил в регионе стремительно менялась, а сам регион стал ареной столкновения интересов причерноморских стран и внерегиональных государств.

В 1994 году Турция без уведомления стран Черноморского региона и в одностороннем порядке ввела собственный регламент судоходства в проливах. Новые правила нарушали положения Конвенции Монтрё. Позиция турецкой стороны заключалась в том, чтобы перевести судоходство в проливах из международной юрисдикции в национальную. Исходя из данного подхода, Турция вводила ограничения для разных судов, прежде всего крупнотоннажных танкеров. В качестве аргумента, который обосновывал подобную политику, Турция приводила экологические проблемы, которые могут возникнуть в случае разлива нефти.

Транспортировка нефти

Россия пыталась усилить свои позиции за счет увеличения экспорта нефти. Основным пунктом вывоза нефти в Черноморском регионе выступал порт Новороссийск. После распада СССР терминал в Новороссийске был загружен. Через него проходило 30 млн т нефти. Кроме того, были сделаны прогнозы, что Азербайджан будет поставлять в Новороссийск до 50 млн т нефти.

В 1990-х годах в связи с корректировкой политики Турции, которая в одностороннем порядке изменила порядок прохождения судов через пролив Босфор, появился проект нефтепровода Бургас (Болгария) — Александруполис (Греция). Он был иници-

ирован еще в 1994 году российскими и греческими компаниями. Нефтепровод Бургас — Александруполис протяженностью 312 км имел начальную пропускную способность в 15—23 млн т. В перспективе мощность трубопровода планировалось увеличить до 35 млн т в год. Трубопровод проходил по территории Греции и Болгарии и, таким образом, обходил Черное море, тем самым снижая объемы поставок нефти танкерами через проливы Босфор и Дарданеллы. Решение Турции о введении ограничений поставок нефти в значительной степени было политическим.

После победы на выборах в 2000 году В. Путина российская политика в Черноморском регионе стала последовательной, были сформулированы задачи на перспективу. В целях обеспечения возможности поставок нефти на внешний рынок Россия, Греция и Болгария стали искать пути решения данной проблемы. Соответствующий документ о сотрудничестве, направленный на осуществления проекта, был подписан представителями России, Греции и Болгарии в апреле 2005 года¹. Затем, в сентябре 2006 года, главы России, Греции и Болгарии обсуждали проект межправительственного соглашения. Он касался строительства нефтепровода Бургас — Александруполис. В итоге 15 марта 2007 года соответствующий документ был подписан. Для России проект представлял значительный интерес. В мае 2007 года Госдума РФ ратифицировала трехстороннее соглашение о строительстве нефтепровода. В 2008 году была учреждена международная проектная компания Trans-Balkan Pipeline B. V. России принадлежал 51%, а остальная часть была разделена между Болгарией и Грецией.

Реализация трубопровода должна была сопровождаться строительством необходимой инфраструктуры, которую необходимо было построить на территории Греции и Болгарии. Речь шла о строительстве нефтехранилищ, которые должны были обеспечить энергетическую безопасность этих стран. По оценкам российского Президента, «в Александруполисе должны быть построены крупные хранилища до 600 тыс. Это значит, что при

¹ Доля российской стороны составляет 51%: НК «Роснефть», ОАО «Газпром нефть», АК «Транснефть». Данные компании подписали соглашение о создании объединенной компании ООО «Трубопроводный консорциум "Бургас — Александруполис"» (по 1/3 участия). С болгарской стороны должны были участвовать проектная компания «Бургас — Александруполис БГ», с греческой — Hellenic Petroleum, Thraki и правительство Греции. Болгария и Греция отдавали свои 49% нефтяным компаниям.

любых осложнениях на мировых рынках, имея такие запасы, и Болгария, и Греция обеспечивают стабильность и безопасность своей экономики» [5]. По оценкам российской стороны, проект позволил стране усилить позиции на европейском рынке, снизив зависимость от политики Турции. Как отмечал Президент России В. Путин, «нефтепровод Бургас — Александруполис даст России возможность в перспективе расширить через свою территорию поставки нефти из Каспийского региона» [5].

В случае реализации нефтепровода Бургас — Александруполис в России рассчитывали расширить взаимодействие с такими причерноморскими странами, как Болгария и Румыния. Помимо энергетического сотрудничества в Черноморском регионе Россия планировала увеличить торгово-экономическое взаимодействие, а также диверсифицировать маршруты транспортировки нефти на внешние рынки. По мнению официального представителя МИД России Михаила Камышина, «проект Бургас — Александруполис является одним из перспективных маршрутов экспорта нефти как с точки зрения диверсификации путей транспортировки углеводородов с мест добычи до мировых центров их потребления, так и с позиции обеспечения эффективного регионального развития» [16].

Шагом, который был направлен на укрепление позиций России в Черноморском регионе, стал визит В. Путина в Казахстан в мае 2007 года [15]. В центре внимания на переговорах были «вопросы сотрудничества в энергетике, в частности возможности расширения действующих и строительство новых мощностей для транспортировки углеводородов и электроэнергии» [15]. Во время встречи с казахстанским Президентом Н. Назарбаевым была достигнута договоренность о расширении транзитных возможностей Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) одновременно со строительством нефтепровода Бургас — Александруполис.

Основания рассчитывать на то, чтобы связать вместе два проекта были. «В 2006 году Казахстан добывал более 60 млн т нефти в год и при этом транспортировал 52,3 млн т нефти, из которых 42 млн т пошли через Россию» [8]. «Первоначально считалось, что объем добычи нефти в Казахстане к 2015 году может достигнуть 170—180 млн т в год» [14]. При этом нефтеперерабатыва-

ющие заводы Казахстана «были рассчитаны на 20 млн т нефти. Затем эти прогнозы были скорректированы в сторону уменьшения. Согласно более осторожным оценкам, к 2015 году Казахстан должен увеличить добычу до 120—150 млн т нефти и 30 млрд м³ газа» [9]. Дополнительные объемы углеводородного сырья предполагалось поставлять трубопроводу Бургас — Александруполис, который контролировался Россией.

Ожидалось, что строительство трубопровода начнется в октябре 2009 года и будет закончено за несколько лет. Однако в Болгарии в июле 2009 года сменились власти, что изменило позицию по участию страны в проекте, и уже в 2010 году болгарская сторона заявила о том, что не будет участвовать в строительстве трубопровода. Официальная позиция Болгарии заключалась в том, что необходимо дождаться оценки воздействия проекта на экологию. Однако значительное влияние на позицию Болгарии оказывали западные страны. В результате в конце 2011 года Правительство Болгарии заявило о выходе страны из проекта. В 2019 году по решению акционеров компания Trans-Balkan Pipeline B. V. была ликвидирована [8].

Отсутствие прогресса в реализации проекта нефтепровода не снизило интереса России к использованию порта Новороссийск, который приобрел ключевое значение в реализации энергетической политики в Черноморском регионе. В итоге в конце 2022 года благодаря предпринятым усилиям мощности порта были расширены. По словам главы компании «Транснефть» Н. Токарева, компания «расширила мощности экспорта малосернистой нефти из порта Новороссийска до 40 млн т и ведет работы по увеличению экспорта до 52 млн т» [17].

Россия стремилась связать реализацию проекта Бургас — Александруполис с деятельностью КТК. В случае строительства трубопровода Бургас — Александруполис заинтересованность в расширении мощностей КТК, по которому поставлялась нефть от месторождения Тенгиз (Казахстан) до Новороссийска, значительно возросла бы.

Новые проекты газопроводов

Рост конкуренции на газовом рынке, в том числе среди черноморских государств, усилили заинтересованность России

реализовать проекты газопроводов, которые обеспечили бы поставки голубого топлива на внешний рынок. В итоге в декабре 1997 года началась реализация проекта газопровода «Голубой поток». Россия и Турция заключили контракт, согласно которому российский газ должен был поставляться в течении 25 лет. В 1999 году компания «Газпром» (Россия) и компания «Eni» (Италия) подписали Меморандум о реализации проекта, который стал осуществляться в феврале 2000 года. Уже в июне 2002 года строительство трубопровода было завершено. В 2005 году состоялось официальное открытие газопровода.

Общая протяженность газопровода составляет 1213 км, из которых 2/3 проходят по суше: в России — от города Изобильное (Ставропольский край) до моря (373 км) и в Турции — от Самсуна до Анкары (444 км). Газопровод был рассчитан на прокачку 16 млрд м³ газа в год. В 2021 году по газопроводу было поставлено 15,98 млрд м³ газа, что стало максимумом с момента начала эксплуатации газопровода с 2003 года [7].

Строительство газопровода укрепило позиции России и Турции, создало дополнительные условия для сотрудничества двух стран. Россия стала одним из основных поставщиков газа в Турцию, а Анкара «укрепила свои позиции в качестве поставщика газа на европейский рынок» [4, с. 93—107].

Газовые конфликты с Украиной в 2006 и 2009 годах, когда украинская сторона приостановила транзит газа на европейский рынок, усилили интерес России к реализации новых трубопроводных проектов. Одним из них должен был стать проект газопровода «Южный поток», проходящий по дну Черного моря. Кроме того, российская сторона была заинтересована расширить уже существующие мощности. Так, в 2009 году Россия и Турция стали обсуждать проект газопровода «Голубой поток — 2». Его реализация должна была привести к росту экспорта газа в Турцию, тем самым укрепив позиции России. Речь шла о строительстве одной или двух «ниток» газопровода в Турцию. Анкара проявляла интерес к данному проекту, поскольку это могло усилить ее позиции на европейском газовом рынке. Однако России не удалось договориться с турецкой стороной, несмотря на то что Турция рассчитывала стать газовым хабом на пути российского, азербайджанского, а в перспективе и центральноазиатского газа.

Как отмечалось ранее, наряду с обсуждением проекта «Голубой поток — 2» Россия была заинтересована в прокладке газопровода «Южный поток». Этот проект рассматривался в контексте общей ситуации, которая складывалась вокруг поставок российского газа на внешний рынок. Обострение отношений с Украиной, которая инициировала пересмотр газовых контрактов, заключенных ранее, и срыв на рубеже 2005–2006 годов поставок российского газа в Европу, усилили интерес России к реализации альтернативных проектов, связанных с доставкой газа на внешние рынки. В 2006 году Россия и Италия заявили о готовности реализовать проект газопровода «Южный поток». Позднее направление трубопровода было изменено в сторону Болгарии, что должно было расширить российские возможности по экспорту природного газа.

Учредителями на паритетной основе выступили «Газпром» и итальянская компания «Eni». 23 июня 2007 года они подписали соглашение о строительстве морского газопровода. Прокладка нового трубопровода должна была снизить вероятность реализации другого проекта газопровода — «Набукко». Он лоббировался европейскими странами и был направлен на то, чтобы создать условия для транспортировки азербайджанского и туркменского газа на внешний рынок. Президент компании «Eni» Паоло Скарони отмечал, что «не считает “Южный поток” и “Набукко” соперниками, поскольку в ближайшие 20 лет импорт газа в Европу увеличится почти в 2 раза и всем поставщикам голубого топлива найдутся рынки сбыта» [13].

В январе 2008 года «Газпром» и Eni создали совместную компанию для реализации проекта. По словам Паоло Скарони, «общий объем инвестиций в реализацию проекта может превысить 10 млрд долларов» [18]. Ожидалось, что строительство газопровода начнется в конце 2009 года.

Было два варианта прохождения трубопровода «Южный поток» по суше. Первый предполагал, что «труба» пройдет через территорию Греции, Албании и далее — на юг Италии. Вторым вариантом предусматривал, что трубопровод пойдет через Румынию и Венгрию и далее — в Баумгартен (крупный газовый хаб в Австрии).

На первом этапе проектная мощность трубопровода должна была составить 30 млрд м³. В январе 2009 года заместитель

председателя правления «Газпрома» Александр Медведев заявил, что «мощность трубы может быть увеличена до 47 млрд м³ в год» [6]. Однако уже в мае того же года мощность газопровода вновь предполагалось увеличить. После встречи главы «Газпрома» Алексея Миллера с главой итальянской компании «Eni» было заявлено об увеличении пропускной способности «Южного потока» до 63 млрд м³ в год. Как отметил глава российской компании, «это было сделано по просьбе итальянской стороны» [11].

В 2008—2009 годах Россия вела переговоры с причерноморскими странами, через акваторию которых должен был проходить «Южный поток». Они шли сложно. Тем не менее Россия подписала с Болгарией, Сербией, Венгрией и Грецией межправительственные соглашения, которые определили формат взаимоотношений.

Активное продвижение проекта газопровода «Южный поток» усилило геополитическое соперничество с между Россией и Западом в Черноморском регионе. США и ЕС активно продвигали проект «Набукко», «в рамках которого планировалось организовать экспорт центральноазиатских энергоносителей в Европу в обход России» [12]. Кроме того, ЕС выдвинул в 2007 году «Черноморскую синергию» — инициативу, которая была направлена на укрепление позиций в Черноморском регионе западных государств и вытеснение из него России.

Особенную позицию занимала Турция. С одной стороны, она поддерживала усилия России, направленные на прокладку новых газопроводов. Анкара приветствовала прокладку газопровода «Южный поток», усматривая в этом возможность усилить собственные позиции в Черноморском регионе. С другой стороны, Турция активно участвовала в обсуждении европейского проекта «Набукко». Для Турции было неважно, какой проект в итоге будет реализован. В июле 2009 года в Анкаре (Турция) было подписано межправительственное соглашение. Его подписали Турция, Венгрия, Румыния, Болгария и Австрия. Документ должен был ускорить реализацию проекта газопровода «Набукко».

Газопровод «Южный поток» был рассчитан на 63 млрд м³ газа в год. Газ должен был поступать по четырем «ниткам». Реализация данного инфраструктурного проекта позволила бы избежать поставки газа через украинскую территорию. Однако ЕС выступила против реализации данного проекта, оказывая давление

на страны, которые предполагали участвовать в его осуществлении. В итоге в декабре 2014 года Россия отказалась от реализации проекта «Южный поток».

В 2015 году началось обсуждение проекта газопровода «Турецкий поток». Предполагалось построить трубопровод мощностью в 63 млрд м³ газа в год, однако потом в планах остались лишь две «нитки» общей мощностью 31,5 млрд м³ газа. Газопровод должен был позволить России снизить зависимость от поставок газа в Европу. В 2017 году началась реализация проекта. В январе 2020 года газопровод был введен в строй.

Заключение

Создание новых трубопроводов в Черноморском регионе позволило России минимизировать риски, которые стали нарастать в первом десятилетии XXI века при поставках газа на европейский газовый рынок. Газопроводы «Голубой поток», а впоследствии и «Турецкий поток» частично заменили украинское направление поставок российского газа. Однако из-за невысокой мощности трубопроводов, а также в силу удаленности Турции от европейского газового рынка Россия лишь частично компенсировала снижение поставок углеводородных ресурсов на рынок Европы.

После февраля 2022 года, когда ЕС усилил санкционное давление на Россию, в том числе в сфере энергетики, южный вектор поставок углеводородных ресурсов приобрел для России особое значение. Поставки природных ресурсов через Турцию стали иметь для России большое значение. Исходя из этого, Россия выдвинула идею создания нового газового хаба в Турции для поставок газа в Европу.

Роль Черноморского региона, прежде всего поставок газа на европейский рынок, возросла после подрыва газопроводов «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2» в сентябре 2022 года. Соответственно, Черноморский регион стал рассматриваться в качестве одного из основных транзитных путей для экспорта российских углеводородных ресурсов.

Россия, реагируя на диверсию на «Северных потоках», выдвинула инициативу о создании в Турции газового хаба. Его создание должно было компенсировать объемы газа, которые ранее поставлялись по дну Балтийского моря. 12 октября 2022 года,

выступая на форуме «Российская энергетическая неделя», Президент России В. Путин заявил, что «утраченный объем транзита по “Северным потокам” по дну Балтийского моря мы могли бы переместить в регион Черного моря и сделать таким образом основными маршрутами поставки нашего природного газа в Европу через Турцию, создав в Турции крупнейший газовый хаб для Европы, если, конечно, в этом заинтересованы наши партнеры» [3]. Как заявил в октябре 2022 года вице-премьер-министр А. Новак в рамках Российской экономической недели, «Россия может потенциально экспортировать в Европу через Турцию и Черное море около 63 млрд м³ газа в год» [1].

В последние годы становится очевидным, что действующая мощность газопроводов достаточна для экспорта добываемых ресурсов. Прорыва в добыче газа в Азербайджане и нефти в Казахстане не предвидится. Сложившаяся в последние годы динамика добычи показывает, что сложно ожидать появления на рынке дополнительных объемов углеводородов.

Стратегической целью Российской Федерации при реализации энергетической политики в Черноморском регионе выступает компенсация выпавших объемов экспорта на европейский рынок. Санкционная политика привела к резкому снижению поставок на европейский рынок. Соответственно, энергетическое взаимодействие России с Турцией позволяет российской стороне сохранять лидирующие позиции в Черноморском регионе, не допуская усиления позиций внерегиональных игроков.

В целом конкуренция проектов по добыче и поставкам углеводородных ресурсов на внешние рынки в последние годы значительно возросла. Это связано с усилением активности со стороны США и ЕС, которые стремятся вытеснить Россию из Черноморского региона, усилить в этом районе свое присутствие. В санкционную политику вовлечены причерноморские государства.

Литература

1. А. Новак сделал ряд важных заявлений на полях РЭН. — 2022. — 17 окт. — URL: <https://neftegaz.ru/news/finance/754601-a-novak-zayavil-chto-rossiya-ne-zainteresovana-v-vysokikh-tsenakh-na-gaz/?ysclid=lhxi0z3sku798242516> (дата обращения: 17.04.2023).
2. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Коридоры турецкого влияния: евроазиатский путь Анкары // Геоэкономика энергетики. — 2022. — № 3 (19). — С. 6—20.
3. Алифирова Е. Россия не будет оплачивать чужое благополучие. — 2022. — 12 окт. — URL: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/754202-rossiya-ne-budet-oplachivat-chuzhoe>

- blagopoluchie-v-putin-oboznachil-klyuchevye-energeticheskie-inte/ (дата обращения: 17.04.2023).
4. *Борисова О.А., Реймбаев И.И., Холов С.Х.* Потенциал и риски сопряжения интересов стран евразийского пространства с турецкими энергетическими проектами // *Геоэкономика энергетики*. — 2023. — № 1 (21). — С. 93—107.
  5. В. Путин: в строительстве нефтепровода Бургас — Александруполис заинтересован весь мировой энергетический рынок. — 2007. — 15 марта. — URL: <http://www.finmarket.ru/news/580621?ysclid=lhesg3q6v1796694294> (дата обращения: 17.04.2023).
  6. *Габуев А.* «Газпром» потерял кресло премьера // *Коммерсант*. — 2009. — 23 марта. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1142635?ysclid=li4qhw1kdd559482499> (дата обращения: 17.04.2023).
  7. «Газпром» сообщил о возобновлении поставок в Турцию по «Голубому потоку». — 2022. — 30 мая. — URL: <https://www.rbc.ru/business/30/05/2022/62946fca9a79479a4fb2a49a> (дата обращения: 17.04.2023).
  8. *Жильцов С.С.* Каспийско-черноморская рулетка. — 2007. — 11 сент. — URL: https://www.ng.ru/energy/2007-09-11/11_ruletka.html?ysclid=lhevnpufxb670222708 (дата обращения: 17.04.2023).
  9. Казахстан планирует довести объем добычи нефти к 2015 году до 130 млн тонн в год, а не до 150 млн, как предполагалось ранее. — 28.11.2006. — URL: https://www.kt.kz/rus/economy/kazahstan_planiruet_dovesti_obyem_dobichi_nefti_k_2015_godu_do_130 mln_tonn_v_god_a_ne_do_150 mln_kak_predpolagalosj_ranee_1153404523.html (дата обращения: 17.04.2023).
  10. Ликвидирован консорциум для несостоявшегося проекта «Бургас — Александруполис». — 2021. — 9 февр. — URL: <https://www.interfax.ru/business/750076> (дата обращения: 17.04.2023).
  11. Миллер: Москва и Анкара договорились о строительстве морского газопровода в Турцию. — 2014. — 1 дек. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/1615321?ysclid=li4qj6m9cr582157999> (дата обращения: 17.04.2023).
  12. *Наджафов Д.* Стратегия в обход России. — 2008. — 13 марта. — URL: <https://kapital.kz/archive/16541/strategiya-v-obkhod-rossii.html> (дата обращения: 17.04.2023).
  13. *Наумов И.* Nabucco уперся в «Южный поток» // *Независимая газета*. — 2008. — 21 янв. — URL: https://www.ng.ru/economics/2008-01-21/5_gaz1.html?ysclid=li4qeqrfqr883653968 (дата обращения: 17.04.2023).
  14. Объем добычи нефти в Казахстане к 2015 г. может быть доведен до 170—180 млн тонн — министр энергетики и минресурсов РК. — 2005. — 5 окт. — URL: <https://oilcapital.ru/news/2005-10-05/ob-em-dobychi-nefti-v-kazahstane-k-2015-g-mozhet-byt-doveden-do-170-180-mln-tonn-ministr-energetiki-i-minresursov-rk-998876?ysclid=lhevq1h3vz800287844> (дата обращения: 17.04.2023).
  15. Официальный визит в Казахстан. — 2007. — 10 мая. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/39339> (дата обращения: 17.04.2023).
  16. Сотрудничество между РФ, Болгарией и Грецией в области энергетики. — 2007. — 13 марта. — URL: <https://ria.ru/20070313/61912081.html?ysclid=lhev99u28830782327> (дата обращения: 17.04.2023).
  17. *Свинцова Е.* Экспортные мощности порта Новороссийска расширены до 40 млн т малосернистой нефти. — 2022. — 20 дек. — URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/763440-eksportnye-moshchnosti-porta-novorossiyska-rasshireny-do-40-mln-t-malosernistoy-nefti/?ysclid=lheqldcgia960701884> (дата обращения: 17.04.2023).
  18. ENI: В «Южный поток» инвестируют более \$10 млрд. — 2007. — 22 нояб. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/11/2007/5703c9fe9a79470eaf767f4d?ysclid=lhevz9dhpui768119612> (дата обращения: 17.04.2023).

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук,
заведующий кафедрой политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences,
Head of the Department of Political Science and Political Philosophy
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: serg.serg56@mail.ru

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

THE ENERGY POLICY OF KAZAKHSTAN: NEW APPROACHES

Аннотация: в статье исследуется эволюция энергетической политики Казахстана. На протяжении длительного времени Казахстан предпринимал усилия, направленные на диверсификацию маршрутов экспорта углеводородных ресурсов на внешний рынок. Большое внимание Казахстан уделял развитию энергетического коридора в западном направлении, рассчитывая поставлять нефть и газ на европейский рынок. В последнее время Казахстан предпринял шаги, направленные на развитие экспортных возможностей для транспортировки своей нефти на внешний рынок. Данные усилия в перспективе могут привести к увеличению поставок. В то же время в ближайшие годы сложно говорить о кардинальных изменениях в поставках казахстанской нефти на внешний рынок. Основным направлением экспорта по-прежнему будет выступать российское направление, через которое поставляется подавляющая часть углеводородных ресурсов Казахстана.

Ключевые слова: Казахстан, нефть, Россия, европейский рынок, ЕС, Азербайджан, энергетический коридор.

Abstract: the article examines the evolution of Kazakhstan's energy policy. For a long time, Kazakhstan has been making efforts aimed at diversifying the routes of export of hydrocarbon resources to the foreign market. Kazakhstan paid great attention to the development of the energy corridor in the western direction, hoping to supply oil and gas to the European market. Recently, Kazakhstan has taken steps aimed at developing export opportunities for transporting its oil to the foreign market. These efforts may lead to an increase in supplies in the future. At the same time, it is difficult to talk about cardinal changes in the supply of Kazakh oil to the foreign market in the coming years. The main export direction will continue to be the Russian direction, through which the vast majority of Kazakhstan's hydrocarbon resources are supplied.

Key words: Kazakhstan, oil, Russia, European market, EU, Azerbaijan, energy corridor.

Введение

Современная энергетическая политика Казахстана начала формироваться еще до распада СССР. В 1987 году СССР, который проводил курс на улучшение отношений с США, обсуждал возможность создания совместного предприятия для освоения

нефтегазового месторождения Тенгиз в Казахстане. Советский Союз был заинтересован привлечь иностранные нефтегазовые компании, располагающие необходимыми технологиями для освоения сложных месторождений углеводородного сырья. Социально-экономические и политические проблемы советское руководство предполагало решать за счет увеличения иностранных кредитов и помощи зарубежных нефтегазовых компаний. В то же время союзное руководство стремилось сохранить контроль над переговорами и не давало право союзным республикам напрямую обсуждать возможное сотрудничество с зарубежными нефтегазовыми компаниями. В итоге в 1988 году Министерство нефтяной промышленности СССР и американская компания «Шеврон» подписали протокол. Речь шла о создании совместного предприятия «Совшевройл» [40, с. 331]. В том же году «Шеврон», СССР и республиканские власти начали переговоры о совместной разработке и эксплуатации месторождения Тенгиз. Однако к практической реализации разработки месторождения компания не приступила.

Распад СССР ускорил обсуждение совместной деятельности американской корпорации и Казахстана, который был заинтересован в скорейшей разработке нефтегазовых месторождений. В итоге уже в 1992 году Президент Казахстана Н. Назарбаев в ходе своего визита в США подписал соглашение с «Шеврон» о совместной эксплуатации Тенгиз-Королевского месторождения. Затем, в 1993 году, в Алма-Ате было подписано новое соглашение — о создании совместного предприятия «Тенгизшевройл». Партнером американской стороны выступило предприятие «Тенгизнефтегаз».

После распада СССР Казахстан стремился не только увеличить объем добычи углеводородных ресурсов, но и получить доступ к энергетическим рынкам. Чтобы этого добиться, казахстанская сторона стремилась диверсифицировать направления поставок нефти и газа. Вместе с этим Казахстан рассматривал варианты, которые позволили бы увеличить объем добычи углеводородных ресурсов. Однако амбициозные планы Казахстана сталкивались с объективно существующими трудностями. Прежде всего, сказывалась географическая удаленность месторождений от основных потребителей углеводородных ресурсов. В итоге подавляю-

ший объем казахстанской нефти в начале 90-х годов прошлого века экспортировался через территорию России.

Новые проекты

В то же время Казахстан прорабатывал разные проекты, которые позволили бы диверсифицировать маршруты экспорта углеводородного сырья. Так, прорабатывался вариант поставок нефти в направлении Азербайджана. Речь, прежде всего, шла о прокладке трубопровода по дну Каспийского моря. Этот проект представлял для Казахстана значительный интерес, поскольку в перспективе мог дать возможности для выхода нефти на мировой рынок, минуя территорию России. Переговорный процесс между Казахстаном и Азербайджаном проходил в условиях острой борьбы между Россией и западными нефтегазовыми компаниями.

В 1997 году Казахстан и Азербайджан утвердили Соглашение о сотрудничестве в области нефтяной промышленности. Документ был подписан ранее, в сентябре 1996 года. Одновременно обсуждался проект трубопровода, который должен был пройти по дну Каспия: между Мангышлаком — Тенгизом (Казахстан) и Апшероном (Азербайджан). Протяженность нефтепровода должна была составить 320 км. Данный трубопровод должен был соединить в единую систему месторождения, разрабатываемые на каспийском шельфе Азербайджана и Казахстана. В тот период времени обсуждался вопрос о финансировании строительства транскаспийского нефтепровода [32, с. 4—6]. Казахстан не располагал необходимыми финансовыми ресурсами, а нефтегазовые компании видели в проекте значительные политические и экономические риски. Тем не менее Казахстан, несмотря на трудности, не отказывался от идеи прокладки по дну Каспия трубопровода. Ожидалось, что добыча нефти возрастет в несколько раз и возникнет потребность в инфраструктуре, которая обеспечит транспортировку углеводородных ресурсов, добываемых американской компанией «Шеврон» на месторождении Тенгиз. Так, в мае 1997 года Президент Казахстана Н. Назарбаев вел переговоры с Президентом Азербайджана Г. Алиевым о реализации трубопроводного проекта. Он отмечал, что «по российскому маршруту, если учесть ограниченные возмож-

ности порта Новороссийск, вряд ли можно будет обеспечить вывоз всей казахстанской нефти на мировой рынок» [15, с. 24].

Подобные устремления Казахстана основывались как на собственных прогнозах будущих объемов добычи нефти, так и на оценках, которые делались на Западе. Американский эксперт Ден Стейси отмечал, что «в ближайшее десятилетие (имея в виду период после 1997 года. — *Примеч. авт.*) ожидается многократное увеличение добычи нефти в бассейне Каспия» [36, с. 7].

В итоге Казахстан и Азербайджан сблизили свои позиции по вопросу будущего трубопровода. В ходе официального визита в Казахстан Президента Г. Алиева, который прошел в июне 1997 года, стороны договорились о реализации проекта, направленного на прокладку нефтепровода по дну Каспийского моря. Будущий трубопровод должен был пройти из Актау (Казахстан) в Баку (Азербайджан). Президенты отмечали совпадение позиций по данному вопросу. По словам Г. Алиева, «море разделялось еще в эпоху Советского Союза, у каждой Прикаспийской страны был свой сектор, на это и ориентируются оба государства» [3, с. 5]. Помимо этого азербайджанский Президент подчеркнул, что «маршруты и направления экспорта каспийской нефти определены. Баку станет перевалочным пунктом при вывозе нефти из Казахстана, Туркменистана и Каспийского бассейна. Большую перспективу имеет подводный трубопровод, соединяющий два берега Каспия — азербайджанский и казахстанский. По нему предполагается транспортировать тенгизскую нефть с последующей перекачкой до терминалов Черного и Средиземного морей» [14, с. 7]. Президент Казахстана также отмечал важность инфраструктурного проекта, «выразил надежду на скорейшую прокладку подводного трубопровода до Баку» [38, с. 1].

Переговоры о прокладке транскаспийского нефтепровода и предварительные договоренности происходили на фоне критики Каспийского трубопроводного консорциума (КТК). Более того, с ноября 1997 года США начали саботировать финансовые решения. Компании «Шеврон» и «Мобил» не скрывали своего недовольства КТК. Подобная позиция совпадала с подходами Казахстана. К.-Ж.К. Токаев, который в тот период времени занимал пост министра иностранных дел Казахстана, отмечал, что

«до настоящего времени (середина 1997 года) в стремлении экспортировать свою нефть за рубеж проект серьезно не продвинулся вперед. Надежды на КТК не оправдались, поскольку проект не работал» [23, с. 3].

Подобные оценки со стороны представителей США и в Казахстане отражали расхождения, которые существовали по вопросу маршрутов транспортировки нефти и газа из Каспийского региона. Геополитическое соперничество в середине 90-х годов прошлого века было связано с выбором маршрутов экспорта казахстанской нефти. Соответственно, в этом контексте и обсуждались вопросы, связанные с прокладкой новых трубопроводов.

В этот период Казахстан активизировал проведение работ на шельфе Каспия, рассчитывая увеличить добычу. В апреле 1997 года иностранные участники международного консорциума «Казахстанкаспийшельф» создали рабочую группу для «подготовки нового международного консорциума для проведения буровых работ на казахстанской части шельфа Каспийского моря» [10].

Энергетическая политика Казахстана была направлена не только на развитие отношений с Россией, но и на диверсификацию поставок углеводородных ресурсов. В частности, Казахстан обсуждал с Ираном возможность поставок 2 млн т нефти с последующим увеличением экспорта. Поставки планировалось «осуществить по Каспийскому морю танкерами» [30]. Соглашение с Ираном было подписано в 1996 году и предусматривало поставки нефти в объеме от 2 млн до 6 млн т нефти в год.

Казахстан прилагал значительные усилия, чтобы экспортировать нефть в западном направлении. В марте 1997 года американская компания «Шеврон» начала транзит казахстанской нефти через территорию Грузии. Поставки осуществлялись в смешанном сообщении. Тенгизская нефть поставлялась танкерами по Каспийскому морю (Тенгиз — Мангышлак — Баку), а затем — цистернами по железной дороге до порта Батуми (Баку — Тбилиси — Батуми). Таким образом, Казахстан рассчитывал обеспечить транспортировку своей нефти в обход российской территории. В свою очередь, Грузия рассматривала разные варианты увеличения транзита казахстанской нефти через свою территорию. Такой вариант «должен был быть представлен на рассмотрение АМОК» [21, с. 1]. В 1997 году постав-

ки тенгизской нефти составили 2,2 млн т, а в 1998 году — более 4 млн т нефти.

Казахстан стремился привлекать к нефтедобыче не только западные компании, но и Китай. В июне и августе 1997 года были проведены тендеры, на которых победила Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа. Она получила контрольные пакеты двух предприятий, отвечающих за добычу и транспортировку нефти, — «Актобемунайгаза» и «Узеньмунайгаза». В сентябре 1997 года было подписано два межправительственных казахстанско-китайских соглашения, которые касались транспортировки нефти и газа Казахстана в Китай. Таким образом, казахстанская сторона привлекла Китай к разработке углеводородных ресурсов.

Транскаспийский энергетический коридор

Казахстан стремился реализовать проекты новых трубопроводов, которые обсуждались под влиянием прогнозных оценок о добыче нефти и газа. В частности, Казахстан поддерживал идею строительства нефтепровода Баку — Джейхан, рассчитывая в перспективе поставлять в него свою нефть. Исходя из подобных планов, Казахстан обсуждал с Азербайджаном строительство Транскаспийского энергетического коридора. Эта идея обсуждалась в ходе визита Президента Казахстана в США (17—18 ноября 1997 г.). Н. Назарбаев согласился «учредить рабочую группу для развития транскаспийских трубопроводов и создания коридора “Восток — Запад”» [34, с. 15]. Для Казахстана это было важно, поскольку «инвестиционные и другие ресурсы направлялись на грузино-турецкий вариант» [32, с. 4—6]. Собственно, именно этому варианту оказывалась политическая поддержка со стороны Запада.

Во время визита Н. Назарбаева в США было подписано два документа. Это соглашения о разделе продукции месторождения Карачаганак и о разделе продукции по Северному Каспию. Документы открыли путь зарубежным компаниям к освоению каспийских месторождений. Кроме того, была подписана Хартия об экономическом партнерстве между Казахстаном и США. Этот документ создал предпосылки для расширения экономических отношений Казахстана с западными странами, способствовал приходу в страну

зарубежных нефтегазовых компаний. В свою очередь, США получили возможность для расширения торгово-экономического и энергетического сотрудничества с Казахстаном.

В целом прикаспийские государства, в том числе Казахстан, и США всё настойчивее стремились «реализовать проекты новых трубопроводов» [13]. Их обсуждение происходило на фоне появления прогнозов о наличии на каспийских месторождениях огромных запасов нефти и газа. Так, в 1998 году Президент Казахстана говорил, что «уже приняты решения о реализации проектов экспортных трубопроводов с западных месторождений страны в Новороссийск (сооружаемый КТК), а также в направлении Китая. Однако по ним суммарно Республика сможет транспортировать до 70 млн т нефти в год, а это недостаточно» [1, с. 14—16]. При этом в 1997 году Казахстан добывал только 26 млн т нефти [2].

В середине 1998 года Казахстан намеревался приступить к бурению первой разведочной скважины в своей части Каспия. Международный консорциум, куда вошла компания «Казахстанкаспийшельф» и крупнейшие зарубежные компании «Аджип», альянс «Бритиш Петролеум/Статойл», «Бритиш газ», «Мобил», «Шелл», «Тотал», должен был завершить сейсмическую разведку на море.

Не забывал Казахстан и про восточное направление. В мае 1998 года во время визита в Китай правительственной делегации во главе с премьер-министром Н. Балгимбаевым обсуждались вопросы строительства нефтепровода Западный Казахстан — Китай. Трубопровод был рассчитан на транспортировку 55—60 млн т нефти в год. Для этого Казахстан рассчитывал увеличить добычу нефти на шельфе Каспия.

Планы Казахстана расширить энергетическое сотрудничество с внерегиональными государствами и диверсифицировать поставки углеводородных ресурсов находили поддержку за пределами страны. Например, 13 марта 2001 года Президент США направил Н. Назарбаеву послание, в котором отмечалось, что «Вашингтон выступает за транспортировку казахстанской нефти по маршруту Баку — Тбилиси — Джейхан» [37].

Российский вектор поставок

Россия была заинтересована в том, чтобы Казахстан поставлял нефть только по северному маршруту, через российскую

территорию. Помимо выгод экономического характера это имело огромное политическое значение. Трубопроводы оставались ключевым инструментом влияния на прикаспийские страны. По этой причине Россия ускорила строительство нефтепровода Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) (Тенгиз — Новороссийск). В ноябре 2001 года состоялась церемония подписания акта о передаче в эксплуатацию первой очереди нефтепровода КТК [22]. Его введение в строй стало геополитической победой России на Каспии за право транспортировать казахстанскую нефть. Данный трубопровод не только усиливал российское присутствие на Каспии, но и способствовал укреплению отношений с Казахстаном. В тот же период времени была достигнута договоренность о расширении мощности КТК до 67 млн т нефти в год. Позже было подписано долгосрочное межправительственное соглашение, по которому казахстанской стороне гарантировалась возможность транспортировать не менее 15 млн т нефти в год по направлению Атырау — Самара.

Помимо договоренностей о прокачке углеводородных ресурсов Россия и Казахстан достигли соглашения об освоении каспийских месторождений. В начале 2002 года Россия и Казахстан обсуждали соглашение, которое касалось освоения каспийских месторождений. Речь шла о разграничении прав на недропользование в северной части Каспия. Страны достигли договоренности, в соответствии с которой «если на срединной линии находится нефтяное месторождение, то оно осваивается с привлечением компаний двух стран» [31, с. 10]. Речь шла о месторождениях Курмангазы, находившемся под юрисдикцией Казахстана, и Хвалыньское, которое было под российской юрисдикцией. В мае 2002 года президенты России и Казахстана подписали протокол о разграничении дна северной части Каспия, что дало «правовые основания для разработки каспийских недр» [4].

Активная политика России и подписание ряда документов создали условия для расширения деятельности на Каспии российских компаний. В мае 2002 года «Лукойл» обсуждал с руководством Казахстана реализацию проектов по освоению месторождений Кумколь, Тенгиз и Карачаганак. Компания рассчитывала участвовать в перспективных нефтяных блоках на Каспии, которые примыкали к Казахстану. Уже в июле 2002 года про-

шла российско-казахстанская встреча на высшем уровне. На ней обсуждали вопросы крупномасштабных совместных проектов на Каспии и транспортировки казахстанского газа через российскую территорию.

Договоренности с Россией не снизили интереса Казахстана к поиску альтернативных проектов. Казахстан по-прежнему рассматривал возможность прокладки транскаспийских трубопроводов. Этот проект по-прежнему обсуждался с Азербайджаном. В декабре 2002 года Казахстан обратился к руководству Азербайджана с просьбой начать переговоры и подготовку межправительственного соглашения. К подобным инициативам казахстанскую сторону подталкивали прогнозы о приближении даты начала добычи нефти на месторождении Кашаган. Ожидалось, что добыча начнется в 2005 году. Подобные ожидания усилили у руководства Казахстана интерес к поиску дополнительных маршрутов экспорта своих углеводородных ресурсов. В свою очередь, в январе 2003 года президент Государственной нефтяной компании Азербайджана (ГНКАР) Натик Алиев заявил о намерениях «казахстанской и азербайджанской рабочих групп в феврале—марте 2002 года продолжить обсуждение вопроса о присоединении Казахстана к проекту строительства нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан» [5]. С Китаем были достигнуты договоренности о строительстве нефтепровода Актау — Алашанькоу. Трубопровод рассматривался в качестве первого этапа в реализации масштабного и амбициозного трубопроводного проекта Казахстан — Китай.

Казахстан рассчитывал начать разработку своего нефтяного месторождения Кашаган в 2005 году и не исключал возможности экспортировать свою нефть по трубопроводу Баку — Тбилиси — Джейхан. Объем поставок на первом этапе должен был составить 5—8 млн т в год. Нефть предполагалось доставлять танкерами из казахстанского порта Актау. В 2006—2007 годах нефтяной транзит из Актау в Баку должен был превысить 10 млн т в год. Однако для «полноценной загрузки трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан этого всё равно было бы недостаточно» [8, с. 78—79].

Несмотря на проблемы с освоением углеводородных месторождений, как в западной части Каспия, так и в восточной части моря, Казахстан и Азербайджан обсуждали возможности расши-

рения двустороннего сотрудничества в энергетической сфере. В мае 2005 года страны подписали договор о стратегическом партнерстве и союзнических отношениях. Президент Казахстана заявил о «присоединении своей страны к проекту Баку — Тбилиси — Джейхан, отметив, что теперь нефтепровод надо называть Актау — Баку — Тбилиси — Джейхан» [19, с. 71]. В июне 2006 года Президент Н. Назарбаев подписал соглашение о поставках казахстанской нефти в данный нефтепровод, рассчитывая таким образом в перспективе диверсифицировать поставки углеводородных ресурсов. Заместитель начальника Каспийского морского пароходства Т. Мансуров утверждал, что «уже в 2008 году азербайджанскими судами совместно с казахстанскими танкерами будет перевезено 50 млн т казахстанской нефти» [19, с. 71]. Таким образом, Казахстан заявлял о планах принять участие в реализации всех трубопроводных проектов, которые позволили бы диверсифицировать направления поставок.

Помимо западного направления экспорта углеводородных ресурсов Казахстан большое внимание уделял восточному направлению, в Китай. В 2006 году Казахстан и Китай подписали соглашение о реализации второго этапа проекта Казахстан — Китай. Он предполагал строительство нефтепровода Кенки-як — Кумколь.

Казахстан опирается на старые проекты

Несмотря на отсутствие прорывов в добыче углеводородных ресурсов, Казахстан не снизил интереса к прокладке новых трубопроводов, способных обеспечить дополнительный выход углеводородных ресурсов на внешний рынок. Речь по-прежнему шла о создании транспортного коридора, который соединил бы восточный и западный берега Каспия. В 2014 году был образован Координационный комитет по развитию Транскаспийского международного транспортного маршрута. В него вошли железнодорожные, портовые администрации и представители судоходных компаний Казахстана, Азербайджана, Грузии и Турции. Одновременно начало действовать паромное сообщение Баку (Алят — паромный терминал Бакинского порта) — Актау (Казахстан).

Казахстан создавал на побережье Каспия инфраструктуру для поставок углеводородных ресурсов в Азербайджан. Речь

шла о расширении транзитных перевозок через Каспийское море. Для этого была проведена модернизация порта Курык, через который предполагалось экспортировать нефть в Азербайджан. Ранее, в 2010 году, в глубоководной бухте Согандык, к северу от Актау, был построен нефтяной терминал с проектной мощностью 20 млн т в год. Его предполагалось соединить с нефтепроводом Каламкас — Актау. Он был рассчитан на поставку нефти с месторождения Кашаган, на котором в тот момент добыча не осуществлялась.

Одновременно с этим Казахстан стремился расширить поставки нефти в Китай. В сентябре 2015 года Президент Казахстана совершил визит в Китай. В ходе встреч был подтвержден интерес к развитию сотрудничества в энергетической сфере. В свою очередь, «китайская сторона стремилась получить доступ к нефтегазовым ресурсам Казахстана, для которого увеличение добычи и экспорта углеводородных ресурсов являлось первоочередной задачей. Сотрудничество с Китаем рассматривалось в Казахстане как возможность получить технологии и знания для последующего развития собственной нефтехимии и нефтепереработки» [35, с. 4].

В конце 2016 года в Казахстане начал действовать порт Курык, расположенный на берегу Каспийского моря. С введением его в строй Казахстан получил потенциальные возможности для увеличения поставок нефти в западном направлении, через Каспийское море. Вместе с тем в 2020 году через порты Актау и Курык было перевезено лишь 2 млн т нефти [33].

На протяжении длительного времени Казахстан выступал в качестве государства, где добывают только нефть. В последние десятилетия по мере развития нефтяных месторождений всё более активно стала развиваться добыча газа. В 2014 году была утверждена «Концепция развития газового сектора Республики Казахстан до 2030 года» [27]. С октября 2017 года Казахстан приступил к поставкам газа в Китай. Ежегодно поставки должны были составлять 5 млрд м³ в год [11, с. 159—171] с перспективой увеличения до 10 млрд м³ в год.

В энергетической сфере Казахстан продолжал развивать сотрудничество с Россией. Стороны вернулись к вопросу освоения месторождений, которые «ранее стали предметом двусторонних

договоренностей» [20]. В частности, был подписан дополнительный протокол к протоколу к Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 года. «Стороны подтвердили заинтересованность в совместном освоении углеводородных ресурсов структуры “Курмангазы” (до 1991 г. “Кулалинская”) в северо-западной части каспийского шельфа Казахстана». Страны «договорились об увеличении контрактной территории, предусмотренной соглашением о разделе продукции от 6 июля 2005 года». В апреле 2019 года в ходе официального визита Президента Казахстана К.-Ж. К. Токаева в Россию «обсуждались вопросы энергетического сотрудничества на Каспии». Президент России В. В. Путин отметил, что «через Россию идет основной транзит казахстанской нефти на внешние рынки, а важным компонентом топливно-энергетического сотрудничества является совместное освоение трансграничных месторождений» [12].

Россия была заинтересована поставлять казахстанскую нефть через свою систему трубопроводов. Основное внимание было направлено на Каспийский трубопроводный консорциум, который был основным направлением экспорта казахстанских углеводородных ресурсов, тем более что в тот период наблюдался рост добычи на месторождениях Тенгиз, Карачаганак и Кашаган. На последнем месторождении добыча началась в 2016 году. В 2018 году добыча нефти на этом месторождении достигала 13,2 млн т. Однако затем она стала снижаться, и в 2022 году добыча составила 12,6 млн т [28].

Новые ориентиры энергетической политики

В последнее десятилетие энергетическая «политика Казахстана реализуется в контексте внешнеполитического курса, который зафиксирован в ряде ключевых документов. Так, в январе 2014 года Президент Казахстана утвердил Концепцию внешней политики Республики Казахстан на 2014—2020 годы (“О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014—2020 годы”)» [25]. В документе говорилось, что Казахстан «продолжит вносить вклад в региональную и глобальную энергетическую безопасность. Выступает за достижение балан-

са интересов стран-производителей, стран транзита и стран-потребителей энергетических ресурсов, создание системы диверсифицированных, стабильных и безопасных маршрутов их экспорта» [25].

В том же году была утверждена «Концепция развития топливно-энергетического комплекса Республики Казахстан до 2030 года» (утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 июня 2014 года № 724). В документе отмечалось, что «на данный момент транспортировка нефти, добываемой в Республике Казахстан, осуществляется тремя основными методами: 1) нефтепроводный транспорт, являющийся основным каналом транспортировки (за 2012 год по трубопроводам АО «КазТрансОйл» транспортировано 53,5 млн тонн сырой нефти); 2) морская транспортировка из порта Актау (7,1 млн тонн за 2012 год) — силами АО НМСК «Казмортрансфлот» транспортировано из порта Актау в направлении портов Баку и Махачкала 5,9 млн тонн за 2012 год; 3) железнодорожный транспорт (7,0 млн тонн за 2012 год) — в основном транспортировано в направлении Восточной Европы и портов Черного моря. Основными экспортными трубопроводами являются: 1) нефтепровод Атырау — Самара (17,5 млн тонн в год), по которому осуществляется дальнейший экспорт через территорию Российской Федерации по нефтепроводам ОАО АК «Транснефть» в направлении Восточной Европы и портов Черного и Балтийского морей; 2) Каспийский Трубопроводный Консорциум (пропускная способность на казахстанском участке 28,2 млн тонн в год), по которому осуществляется транспортировка казахстанской нефти до порта Новороссийск; 3) нефтепровод Казахстан — Китай (пропускная способность участка Атасу — Алашанькоу 20 млн тонн в год), обеспечивающий экспорт казахстанской нефти в КНР». Таким образом, основной объем нефти, которая добывалась в Казахстане, шел через территорию России.

Повышенное внимание к энергетической сфере определялось возросшим значением добычи углеводородных ресурсов, трудностями в освоении месторождений, а также отсутствием успехов в диверсификации маршрутов поставок нефти на внешние рынки. В этот период Казахстан столкнулся с определенными трудностями при освоении месторождений углеводородных ресурсов.

В 2014 году «добыча нефти в Казахстане составила 80,8 млн тонн нефти, в том числе 67,9 млн тонн сырой нефти и 12,9 млн тонн газового конденсата, что на 1,2% меньше, чем в 2013 году. Отставание от плановых показателей произошло в связи с более длительным сроком капитального ремонта на месторождении Тенгиз и снижением эксплуатационных характеристик старых месторождений» [17]. «В среднесрочной и долгосрочной перспективе нефтепромышленный комплекс останется системообразующей отраслью экономики Казахстана, что актуализирует потребность в расширении ресурсной базы страны» [29, с. 34—52].

К числу основных приоритетов внешней политики Казахстана относятся отношения со странами Центральной Азии, которые находятся в фокусе внимания Астаны, а также сотрудничество с Россией. Москва являлась стратегическим партнером Казахстана, в том числе и рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В то же время Казахстан стремится найти оптимальные подходы к расширяющемуся сотрудничеству с Китаем, который в последнее десятилетие значительно укрепил свое влияние на страны Центральной Азии в целом и на Казахстан в частности.

Большое влияние на внешнюю политику Казахстана оказывает ситуация с добычей углеводородных ресурсов на месторождениях нефти и газа. Расчеты, сделанные в 90-х годах прошлого века, и ожидания в получении устойчивой прибыли от разработки нефтегазовых ресурсов в начале XXI столетия пока не оправдались.

Новая ситуация в энергетической политике

В 2020 году был принят документ «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020—2030 годы» [26]. В указанном документе говорится, что в числе приоритетов Казахстана — «содействие укреплению региональной и глобальной энергетической безопасности, достижению баланса интересов стран-производителей, транзитёров и потребителей энергоресурсов, созданию диверсифицированных, стабильных и безопасных маршрутов их экспорта» [26].

В середине 2022 года Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев провел совещание, на котором отметил «особую роль транспортно-логистической отрасли в казахстанской экономи-

ке. По его словам, эта сфера имеет важное значение для активизации взаимодействия регионов. Тем не менее геополитическая ситуация и санкционное противостояние привели к разрыву традиционных транспортно-логистических цепочек» [7]. В ходе совещания была «подчеркнута необходимость проработать альтернативные маршруты коммуникации и доставки грузов, а также диверсификацию поставок». В частности, речь шла о развитии морских перевозок. Как сказал глава государства: «...перед Правительством я ставлю стратегическую задачу — трансформировать наши порты, превратив их в один из ведущих хабов Каспийского моря. Концептуально согласен, что требуется укрепить морской флот и создать контейнерный хаб в порту Актау» [7].

При этом К.-Ж. К. Токаев подчеркнул, что необходимо диверсифицировать поставки нефти. «Приоритетным направлением является Транскаспийский маршрут, который пролегает через Китай, Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию, Турцию и Черное море» [39]. «Поручаю “КазМунайГазу” проработать оптимальный вариант его реализации, в том числе с возможностью привлечения инвесторов Тенгизского проекта. — отметил Президент Казахстана. — Правительству совместно с “Самрук-Казына” следует принять меры по увеличению мощностей нефтепроводов Атырау — Кенкияк и Кенкияк — Кумколь» [39].

Затем, 21 ноября 2022 года, Правительство выпустило постановление № 931, которым были внесены изменения в постановление Правительства Республики Казахстан от 28 июня 2014 года № 724 «Об утверждении Концепции развития топливно-энергетического комплекса Республики Казахстан до 2030 года». Было принято решение применить следующую редакцию: «Об утверждении Концепции развития топливно-энергетического комплекса Республики Казахстан на 2022—2026 годы». Как отмечалось в принятом документе, «порядка 80 % добываемой нефти в Казахстане отгружается на экспорт. По итогам 2021 года экспорт нефти составил 67,6 миллиона тонн (2019 год — 72,2 миллиона тонн, 2020 год — 68,6 миллиона тонн). Экспорт казахстанской нефти производится по нефтепроводам Каспийского трубопроводного консорциума (далее — КТК), Атырау — Самара — в страны Европы, на терминалы Черного и Балтийского морей, по Казахстанско-Китай-

скому трубопроводу — на китайский рынок, а также через морской порт Актау. При этом КТК остается основным экспортным маршрутом казахстанской нефти, по которому транспортируется порядка 80 % всей экспортной нефти, что влечет за собой зависимость от одного направления» [24].

Добыча нефти в Казахстане в последние годы не растет и фактически застыла на одном уровне. Так, в 2020 году в стране было добыто 85,7 млн т, в 2021 году — 85,9 млн т, в 2022 году — 82,4 млн т [9]. По итогам 2023 года Министерство энергетики Казахстана ожидает, что добыча составит 90,5 млн т [9]. В Казахстане отмечают, что «одной из основных причин падения уровня добычи нефти помимо естественного истощения основного фонда нефтяных месторождений страны является недостаточное инвестирование в капитальные затраты и геологоразведку. Наблюдается отрицательная динамика инвестиций в дальнейшее развитие и повышение эффективности разработки месторождения» [24].

При этом ситуация с добычей и поставками газа на внешний рынок также оставалась сложной. В 2022 году Казахстан добыл 53,3 млрд м³ газа. При этом на экспорт в последние годы шел незначительный объем газа. Так, в 2021 году экспорт газа составил 7,2 млрд м³, в 2022 году экспорт снизился до 4,6 млрд м³ газа. По прогнозам, зимой 2023—2024 годов Казахстан может отказаться от поставок газа за рубеж, поскольку может столкнуться с его дефицитом на внутреннем рынке [6].

Казахстан хочет поставлять нефть в Европу

В 2022—2023 годах Казахстан постоянно обращается к вопросу поставки нефти на европейский рынок. Одним из направлений выступают поставки нефти в западном направлении.

Казахстан планирует воспользоваться трубопроводом Баку — Тбилиси — Джейхан в качестве «альтернативного» маршрута — минуя транзит через систему КТК, который соединяет месторождения на западе Казахстана с портом Новороссийска.

Подобные планы не являются новыми. После распада СССР Казахстан не исключал возможности поставлять нефть в направлении Азербайджана. Проекты предлагались разными компаниями, но так и не были реализованы. В результате Казахстан ежегодно поставляет через Каспий 2 млн т нефти. Данный объ-

ем очень незначителен и не может рассматриваться в качестве успешной диверсификации поставок.

В последние годы Казахстан уделяет большое внимание развитию Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ), прежде всего, с точки зрения диверсификации экспорта углеводородных ресурсов. Обсуждение возможных поставок нефти через азербайджанскую территорию происходит на уровне государственных структур, а также между национальными компаниями. Пока с обеих сторон выражена лишь политическая поддержка обсуждаемым планам, связанным с поставками нефти через ТМТМ.

В поставках нефти из Казахстана не была заинтересована азербайджанская сторона. Серьезные различия наблюдаются в качестве нефти, которую добывают в Азербайджане и Казахстане. Баку добывает нефть высокого качества и, соответственно, не хочет смешивать свою нефть с казахстанской нефтью. Последняя значительно уступает по качеству углеводородному ресурсу из Азербайджана. Качество нефти отражается на ценовых параметрах.

Азербайджану и Казахстану сложно договориться по тарифам на транспортировку. Экспорт через трубопровод Баку — Тбилиси — Джейхан получается дороже, чем по российскому маршруту, через Новороссийск. Для экспорта казахстанской нефти через Баку необходимо еще построить два морских терминала на Каспии, закупить танкерный флот. Помимо этого необходимо провести дноуглубительные работы в мелководной части Каспийского моря, что также приведет к значительному удорожанию поставок нефти из Казахстана на внешние рынки. Тем не менее, несмотря на все технические сложности, невыгодность с точки зрения затрат, в 2022 году Казахстан вновь вернулся к вопросу диверсификации поставок углеводородного сырья на внешний рынок, тем более что Президент Казахстана поставил перед Правительством задачу провести работы, которые позволят совершить прорыв в диверсификации поставок углеводородных ресурсов на внешние рынки.

Значительную поддержку формированию энергетического коридора оказывали западные страны, которые хотели отсеять Россию от участия в транспортировке каспийских углеводоро-

дов. В последний год в связи с обострением отношений России с Западом обсуждение планов по организации поставок казахстанской нефти вновь активизировалось.

Несмотря на отсутствие прогресса в формировании энергетического коридора через Каспийское море, в последние годы идея ТМТМ получила «второе дыхание». В середине 2022 года задачу по расширению экспортных возможностей для углеводородных ресурсов поставил Президент Казахстана, который потребовал развивать альтернативные маршруты поставок казахстанской нефти на внешние рынки. Казахстан хотел бы поставлять до 8 % своей нефти через территорию Азербайджана. Национальная компания Казахстана «Казмунайгаз» обсуждала условия с государственной нефтяной компанией Азербайджана SOCAR. Казахстан рассчитывал поставлять около 1,5 млн т нефти в год через нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан. Возможно, что этот объем пока является предельным, поскольку большая часть добываемой казахстанской нефти идет через российскую территорию.

В конце 2022 года Казахстан рассчитывал поставлять нефть в направлении Азербайджана. По словам заместителя председателя правления по экономике и финансам Даурена Карабаева, «между “КазМунайГазом” и Госнефтекомпанией Азербайджана (SOCAR) подписано соглашение на пять лет по транспортировке 1,5 млн тонн нефти через трубопровод Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД). Ожидаем, что объемы в будущем будут наращиваться, так как не только мы, но и Азербайджан в этом заинтересован» [16]. Объем поставок нефти из Казахстана через Азербайджан должен возрасти до 6—6,5 млн т [16].

Эта задача может быть решена лишь при дополнительных вложениях и снижении прибыли от экспорта. При этом китайское направление практически не рассматривается Казахстаном в качестве альтернативы существующим направлениям экспорта. Это связано с позицией Китая, который реализует энергетическую политику, исходя из долгосрочных интересов и максимально расширяя источники получения углеводородных ресурсов. Соответственно, пока основным направлением поставок нефти из Казахстана останется российское направление. В частности, Казахстан намерен поставлять с 2023 года порядка 3,5 млн т

нефти ежегодно по трубопроводу Баку — Супса. В целом поставки казахстанской нефти через российскую территорию отличаются стабильностью и отсутствием рисков.

Казахстан рассчитывает на «Дружбу»

Казахстан очень привлекает европейский нефтяной рынок, который рассматривается в качестве альтернативы другим направлениям транспортировки. В последнее время Казахстан рассчитывал поставлять свою нефть в Германию. Эта задача стала рассматриваться в Казахстане в качестве ключевой.

«Окно» возможностей для Казахстана открылось после того, как Германия прекратила импорт российской нефти и стала искать альтернативные источники нефти. Этим объясняется повышенный интерес Германии к нефти из Казахстана. Подобная заинтересованность усиливалась по мере введения ЕС новых санкций в отношении России, которые предусматривали новые ограничения на экспорт углеводородных ресурсов. В итоге в сентябре 2022 года Германия заявила о начале переговоров с Казахстаном о поставках казахстанской нефти через систему трубопроводов «Дружба», чтобы заменить российское сырье. Нефтепровод «Дружба» берет начало в российском городе Альметьевск, проходит через Брянск и далее идет по двум направлениям. Одно направление — «северное» — идет в Белоруссию, далее — в Польшу и затем — в Германию. Второй маршрут — «южный» — идет из Белоруссии на Украину и далее — в Венгрию, Словакию и Чехию.

Отказываясь от российской нефти и проявляя интерес к углеводородам из Казахстана, немецкая сторона в то же время рассчитывала использовать российскую трубопроводную инфраструктуру. Транзит казахстанской нефти через российскую территорию осуществляется в соответствии с соглашением между правительствами России и Казахстана, подписанным еще в 2002 году.

Казахстанская нефть должна экспортироваться в городе Шведт, где находится нефтеперерабатывающий завод (НПЗ). Он рассчитан на 12 млн т нефти в год. Ранее НПЗ находился в собственности компании «Роснефть», однако в сентябре 2022 года перешел под контроль Федерального сетевого агентства Герма-

нии. Завод изначально был ориентирован на переработку российской нефти.

Казахстан поставляет нефть сорта КЕВСО Blend с месторождения Карачаганак. В разработке месторождения принимает участие казахстанская компания «КазМунайгаз», а также зарубежные компании — Eni, Chevron, Shell — и российская компания «Лукойл». Ресурсы, добываемые на этом месторождении, ранее также поставлялись через территорию России.

В декабре 2022 года компания «Транснефть» получила заявку от казахстанской компании «КазТрансОйл» о прокачке 1,2 млн т нефти в Германию. Уже в конце февраля 2023 года Казахстан начал транспортировку своей нефти в Германию, которая пройдет по нефтепроводу «Дружба». Нефть должна быть поставлена из Казахстана в пункт сдачи «Адамова застава» и далее — в российскую систему магистральных нефтепроводов.

Казахстан не смог найти достаточного количества нефти, чтобы поставить необходимый объем по нефтепроводу «Дружба». Углеводородные ресурсы должны были пойти европейским потребителям [18]. Несмотря на заявление министра энергетики Болата Акчулакова, что страна располагает необходимыми запасами и готова ежегодно поставлять до 6 млн т нефти, Казахстан не смог предоставить необходимый объем.

Заключение

Усилия Казахстана осуществить диверсификацию поставок углеводородных ресурсов вряд ли дадут результаты в ближайшие годы. Слишком сильной является зависимость Казахстана от поставок через российскую территорию. Другие географические направления поставок отличаются сложностью реализации, высокой стоимостью поставок, что снижает привлекательность казахстанской нефти. Соответственно, поставки нефти в Германию создадут лишь видимость диверсификации экспортных маршрутов углеводородных ресурсов.

Литература

1. Алма-Атинский саммит обсудил каспийскую нефть // Вестник Каспия. — 1998. — № 3. — С. 14—16.
2. Ардаев В. Казахстан намечает трубопроводные маршруты // Финансовые известия. — 1998. — 14 апр.

3. *Альдияров И.* Гейдар Алиев перевыполнил казахстанский план по договорам // Коммерсантъ-Daily. — 1997. — 11 июня. — С. 4.
4. *Бежецкий Ю.* Каспийский компромисс // Российская газета. — 2002. — 22 мая.
5. *Бутырина Е.* Рабочие группы по вопросу присоединения Казахстана к проекту Баку — Тбилиси — Джейхан // Панорама (Казахстан). — 2003. — 31 янв.
6. В Казахстане допустили прекращение экспорта газа следующей зимой. — 2023. — 27 фев. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/02/2023/63fca4789a79477a64d79e00?ysclid=lhcc1bryyr626029589> (дата обращения: 13.05.2023).
7. Глава государства провел совещание по развитию транспортно-транзитного потенциала. — 2022. — 7 июля. — URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-razvitiyu-transportno-tranzitnogo-potenciala-76050> (дата обращения: 13.05.2023).
8. *Губрий В.* Трубопровод Баку — Тбилиси — Джейхан: против чего боролись, на то и напоролись // Вестник Каспия. — 2005. — № 1. — С. 78—79.
9. Добыча нефти в Казахстане по итогам 2022 года составила 82,4 млн тонн. — 2023. — 11 янв. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/16772843?ysclid=lhcc6m463gs872067670> (дата обращения: 13.05.2023).
10. *Еженова К.* Иностранные компании создали рабочую группу по подготовке нового консорциума для проведения буровых работ на шельфе Каспия // Панорама. — 1997. — 1 мая.
11. *Жильцов С.С., Пархомчик Л.А.* Роль углеводородных ресурсов в развитии Каспийского региона // Politbook. — 2017. — № 3. — С. 159—171.
12. Заявления для прессы по итогам российско-казахстанских переговоров. — 2019. — 3 апр. — URL: www.kremlin.ru/events/president/news/60218 (дата обращения: 07.04.2023).
13. *Зонн И.С., Жильцов С.С.* США в погоне за Каспием. — М.: Международные отношения, 2003. — 200 с.
14. *Иванов Н.* Каспийский бумеранг // Сегодня. — 1997. — 3 сент. — С. 7.
15. К наземным и надводным путям транспортировки казахской нефти прибавится подводный // Вестник Каспия. — 1997. — № 4. — С. 24.
16. Казахстан выбирает партнера для нефтяного обхода России через Азербайджан. — 2022. — 22 нояб. — URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2022/11/22/kazakhstan-vybiraet-partnera-dlya-neftyanogo-obhoda-rossii-cherez-azerbaydzhan> (дата обращения: 13.05.2023).
17. Казахстан в 2014 г. снизил добычу нефти на 1,2% до 80,8 млн тонн / Министерство экономики. — 2015. — 14 янв. — URL: <https://oilcapital.ru/news/2015-01-14/kazakhstan-v-2014-g-snzil-dobychu-nefti-na-1-2-do-80-8-mln-tonn-minekonomiki-888396?ysclid=lhxad20cv275670109> (дата обращения: 13.05.2023).
18. Казахстан не смог найти достаточных объемов нефти для экспорта европейским покупателям по трубопроводу «Дружба». — 2023. — 8 марта. — URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2023/03/08/druzhyu-ne-budet-u-kazahstana-okazalos-nedostatochno-nefti-dlya-zapolneniya-truby> (дата обращения: 13.05.2023).
19. Казахстан присоединился к проекту Баку — Тбилиси — Джейхан // Вестник Каспия. — 2005. — № 3. — С. 71.
20. Каспий: международно-правовые документы / сост. С.С. Жильцов, И.С. Зонн, А.Г. Костяной, А.В. Семенов. — М.: Международные отношения, 2018. — 568 с.
21. *Кириллов Д., Намталашвили Г.* Грузия разрабатывает региональную модель транзита каспийской нефти // Финансовые известия. — 1997. — 25 февр. — С. 1.
22. *Кожантиева У.* Праздника дождалась. Кто будет наливать? // Деловая неделя (Казахстан). — 2001. — 30 нояб.
23. *Михайлов В., Смольников Г.* Ответ на возражения Баку // Независимая газета. — 1997. — 18 сент. — С. 3.
24. О внесении изменений в постановление Правительства Республики Казахстан от 28 июня 2014 года № 724 «Об утверждении Концепции развития топливно-энергетического комплекса Республики Казахстан до 2030 года»: Приложение к постановлению Правительства Республики Казахстан от 21 ноября 2022 г. № 931. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000931> (дата обращения: 13.05.2023).

25. О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014—2020 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 21 января 2014 г. № 741. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U140000741#z5> (дата обращения: 13.05.2023).
26. О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020—2030 годы [утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 г. № 280]. — URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 13.05.2023).
27. Об утверждении Концепции развития газового сектора Республики Казахстан до 2030 года: постановление Правительства Республики Казахстан от 5 декабря 2014 г. № 1275 [утратило силу постановлением Правительства Республики Казахстан от 21 ноября 2022 г. № 931]. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400001275#z6> (дата обращения: 13.05.2023).
28. Общая добыча нефти на Кашагане сократилась на 21,9% в 2022 году. — 28.02.2023. — URL: <https://kapital.kz/economic/113435/obshchaya-dobycha-nefti-na-kashagane-sokratilas-na-21-9-v-2022-godu.html> (дата обращения: 13.05.2023).
29. *Пархомчик Л.А.* Современные приоритеты энергетической политики Казахстана в Каспийском регионе // Проблемы постсоветского пространства. — 2015. — № 3. — С. 34—52.
30. *Разумов Я.* Посол Хасан Кашкави: «Вопрос о правовом статусе Каспия должен решаться между прикаспийскими государствами, без постороннего вмешательства» // Панорама. — 1997. — 19 янв.
31. Россия и Казахстан будут осваивать Каспий совместно // Вестник Каспия. — 2002. — № 1. — С. 10.
32. *Сафаров Р.* Россия и Иран на пороге XXI века // Вестник Каспия. — 1997. — № 3. Май—июнь. — С. 4—6.
33. *Саруар А.* Море волнуется: почему порты Актау и Курык не работают как надо. — 2021. — 17 мая. — URL: <https://ism.kz/morskie-porty-aktau-i-kuryk> (дата обращения: 13.05.2023).
34. Совместное заявление министра энергетики США Федерико Пеня и Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева по развитию каспийских энергоресурсов // Вестник Каспия. — 1998. — № 1. — С. 15.
35. *Тумашова Е.* Зачем Китай предлагает РК нефтяной союз? // Капитал (Казахстан). — 2015. — 1 окт. — С. 4.
36. *Усейнов А.* Атосо претендует на роль лидера в транспортировке каспийской нефти // Сегодня. — 1997. — 10 июня. — С. 7.
37. *Ханбабян А.* Астана и Вашингтон вместе проложат трубы // Независимая газета. — 2001. — 27 дек.
38. *Харкет Е.* Нефтяные игры продолжаются // Независимая газета. — 1997. — 12 сент. — С. 1.
39. *Шустрова М., Акулов А.* «Оптимальный вариант»: в Казахстане решили поставлять нефть в Европу в обход России. — 2022. — 7 июля. — URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/07/07/15088964.shtml?ysclid=lxhxd0q9v4127440860> (дата обращения: 13.05.2023).
40. *Чернявский О.* Черная кровь Казахстана. Нефтяная история независимости. — Алматы: Print House Gerona, 2017. — С. 331.

Мамедов Алексей Владимирович,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Aleksey V. Mamedov,

PhD student,

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: MamedovAV@mosreg.ru

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР «БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ»: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН СТРАН ПРИКАСПИЯ

THE CASPIAN REGION AS AN ECONOMIC CENTER OF “GREATER EURASIA”: PROSPECTS FOR INTERNATIONAL COOPERATION IN THE SPECIAL ECONOMIC ZONES OF THE CASPIAN COUNTRIES

Аннотация: в текущих геополитических реалиях особое значение приобретает выстраивание долгосрочных торгово-экономических отношений со странами «Большой Евразии», в частности с государствами Каспийского региона. Залогом успешного сотрудничества может стать полноценная организация логистики через мультимодальный транспортный коридор «Север — Юг». В статье предлагается вариант организации технологического трансфера через транспортный поток «Север — Юг» посредством активизации партнерских связей особых экономических зон Российской Федерации с технологическими кластерами и логистическими хабами Ирана и Индии и создания единого механизма участия особых экономических зон России и стран Прикаспия в технологическом трансфере.

Ключевые слова: Каспийский регион, международные экономические отношения, особые экономические зоны, «Большая Евразия», технологический трансфер.

Abstract: in the current geopolitical realities, building long-term trade and economic relations with the countries of “Greater Eurasia”, in particular, with the states of the Caspian region, is of particular importance. The key to successful cooperation can be a full-fledged organization of logistics through the North-South multimodal transport corridor. The article proposes a variant of organizing technology transfer through the International North–South Transport Corridor by activating partnerships between special economic zones of the Russian Federation with technology clusters and logistics hubs of Iran and India and creating a unified mechanism for the participation of special economic zones of Russia and the Caspian countries in technology transfer.

Key words: Caspian region, international economic relations, special economic zones, Greater Eurasia, technology transfer.

Введение

Актуальные геополитические реалии диктуют новые условия ведения международных торгово-экономических, культурных и политических отношений. В обновлённой Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. [10], особое внимание уделяется таким аспектам, как развитие многостороннего сотрудничества и консолидация экономических и гуманитарных ресурсов на территории единого общеконтинентального пространства — Евразии. Согласно пункту 54 Концепции Россия в обозримом будущем планирует достичь ряд целей. Среди них: «всемерное укрепление потенциала и роли ШОС в обеспечении безопасности в Евразии и содействии ее устойчивому развитию путем совершенствования деятельности Организации с учетом современных геополитических реалий» [10] и «формирование широкого интеграционного контура — Большого Евразийского партнерства — посредством объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и объединений Евразии с опорой на ЕАЭС, ШОС и Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), сопряжение планов развития ЕАЭС и китайской инициативы “Один пояс — один путь” при сохранении возможности участия в этом партнерстве всех заинтересованных государств и многосторонних объединений Евразийского континента и, как следствие, формирование сети партнерских организаций в Евразии». Помимо этого Россия намерена добиться «укрепления экономической и транспортной взаимосвязанности Евразии, в том числе посредством модернизации и увеличения пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей, скорейшего запуска международного транспортного коридора “Север — Юг”, совершенствования инфраструктуры международного транспортного коридора “Европа — Западный Китай”, Каспийского и Черноморского регионов, Северного морского пути, создания зон развития и экономических коридоров в Евразии, в том числе экономического коридора “Россия — Монголия — Китай”, а также наращивания регионального сотрудничества в сфере цифрового развития и формирования энергетического партнерства», а также «урегулирования ситуации в Афганистане, содействие его становлению в качестве

суверенного, мирного, нейтрального государства с устойчивой экономикой и политической системой, отвечающей интересам всех населяющих его этнических групп, что откроет перспективы интеграции Афганистана в евразийское пространство сотрудничества» [10].

Евразийское партнерство

Особый интерес относительно формирования устойчивых экономических отношений между странами-партнерами, расположенными на территории Евразийского континента, представляют пункты 2 и 3.

Большое Евразийское партнерство (также общеупотребим термин «Большая Евразия») — это концепция интеграции стран Европы и Азии в один экономический и геополитический блок. Концепция была предложена Президентом России Владимиром Путиным в 2015 году в рамках обращения к Федеральному Собранию Российской Федерации и получила широкую поддержку во многих странах мира. Некоторые исследователи полагают, что концепция появилась как ответ на идею создания «Экономического пространства Шелкового пути», которая была озвучена в 2013 году в Астане лидером Китая Си Цзиньпином [5, с. 15—25].

В мае 2022 года в рамках пленарного заседания Евразийского экономического форума Президент России отметил, что «Большая Евразия» — «это без преувеличения большой цивилизационный проект», чья основанная идея может быть обозначена как формирование единого трансграничного пространства гармоничного и равноправного сотрудничества для важнейших организаций региона [2]. Развивая эту мысль, Президент отметил также, что партнерство призвано изменить политическую и экономическую архитектуру континента с учетом многообразия моделей развития, культур и традиций всех стран и народов «Большой Евразии».

С точки зрения российского политолога Сергея Караганова, обращение руководства Российской Федерации к концепции Большого Евразийского партнерства является «закономерным политическим шагом, поскольку такое партнерство в первую очередь нацелено на развитие и возрождение десятков евро-азиатских стран, которые ранее были частично отста-

лыми или же были подавлены» [9]. Глобальной целью является «превращение Евразии в центр мировой экономики и политики. Большая Евразия будет объединять страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, центра Евразии, России, а также, вероятно, стран европейского субконтинента и их организации при условии, что они настроены на конструктивное сотрудничество» [9]. Ряд российских исследователей исходят из того, что значительные территории входят в состав «Большой Евразии». А. В. Яковец и Е. Е. Растворцев наравне с европейскими и азиатскими странами «включают в состав “Большой Евразии” государства Северной Африки» [16]. Любопытной представляется не лишенная прагматизма точка зрения Дмитрия Суслова и Анастасии Пятачковой. Согласно их представлению, «Большая Евразия» представляет собой «региональное международное сообщество, формирующееся естественным путём вследствие сложения трёх активно реализуемых тенденций: поворот России на восток, поворот Китая на запад, а также создание Евразийского экономического союза и его постепенное вплетение в ткань экономических и интеграционных отношений в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии... Большая Евразия уже сформировалась как международно-политическая реальность» [12, с. 16—53].

Одним из ключевых регионов в рамках «Большой Евразии» является Каспийский регион. Этот регион расположен на пересечении Европы и Азии и включает в себя пять стран: Россию, Иран, Казахстан, Туркменистан и Азербайджан. Каспийский регион богат нефтью и газом, а также имеет огромный потенциал для развития транспортной и логистической инфраструктуры. Как отметил в октябре 2022 года в своем выступлении на Втором Каспийском экономическом форуме Председатель Правительства РФ Михаил Мишустин, «с 2002 года совокупный валовой внутренний продукт стран Каспийского региона увеличился почти в три раза, а взаимная торговля — в пять раз. В свою очередь с 2017 по 2022 год доля прикаспийских стран в мировом ВВП выросла до 3,6%» [4]. К этому стоит добавить, что «на фоне текущей трансформации мирового порядка резко вырос товарооборот России с Азербайджаном — согласно данным Государственного таможенного комитета Азербайджана, по итогам 2022 года он

достиг 3,71 млрд долларов США, что на 23,9% превышает показатели 2021 года» [1]. Согласно оценкам экспертов, «Российская Федерация по итогам 2022 года заняла 3-е место среди торговых партнеров Азербайджанской Республики — ее опережают Италия и Турецкая Республика» [13].

Кроме того, страны Каспийского региона активно развивают сотрудничество в области энергетики. Например, «Россия и Иран строят совместный газопровод — в конце 2022 года была заключена сделка на 44 млрд долларов США. 40 млрд долларов США пойдут на строительство ниток газопровода, 4 млрд долларов США — на разработку месторождений» [8]. Объекты будут строить в Иране. Помимо этого 23 октября 2022 года управляющий директор Иранской газовой инжиниринговой и девелоперской компании (IGEDC) Реза Ношади сообщил «о подписании экспортного соглашения между Ираном и Россией на поставку 40 газовых турбин иранского производства в Россию» [15]. По словам топ-менеджера, 285% оборудования и объектов, необходимых для функционирования газовой отрасли, изготавливаются на территории Ирана, что стало причиной заключения соглашения между двумя странами. Ранее, весной 2022 года, Россия включила газовые турбины MGT-70, произведенные иранской компанией «Марпа», в список оборудования, которое не облагается налогом на добавленную стоимость при импорте. В июне того же года представитель «РусГидро» сообщил экспертному совету Государственной Думы Российской Федерации по вопросам импортозамещения в секторе энергетики, что компания рассматривает возможность заказа турбоагрегатов у иностранных поставщиков, в том числе из Ирана.

Транспортная инфраструктура

В последние годы страны Каспийского региона активно развивают экономическое сотрудничество между собой и с другими сопредельными странами. Одним из наиболее важных проектов в этой области является полноценный запуск транспортного коридора «Север — Юг», который свяжет Каспийский регион с Индией и другими странами Азии. Этот проект будет способствовать расширению экономических связей между странами Каспийского региона, тем самым повышая их конкурентоспособность.

«Мультимодальная сеть морских, железнодорожных и автомобильных маршрутов, известная как транспортный коридор «Север — Юг», соединяет северо-западную часть Европы и страны Северной Европы с Центральной Азией, Персидским заливом и Индийским океаном» [18]. В конце XIX века обсуждалась идея создания транспортных путей между Индией и Европой через территорию России. В свою очередь, «Российская Империя хотела выйти к Индийскому океану, расширив железнодорожные сети в Индию через Афганистан и Персию» [7]. «После подписания Межправительственного соглашения о международном транспортном коридоре Север — Юг тремя странами — Республикой Индия, Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией — была создана правовая основа для создания коридора. Мероприятие состоялось в Санкт-Петербурге 27 сентября 2000 года в рамках Второй международной евразийской конференции по транспорту. После ратификации этого соглашения всеми тремя сторонами оно вступило в силу 16 мая 2002 года. К настоящему времени членами «Соглашения» стали Казахстан, Беларусь, Султанат Оман, Таджикистан, Азербайджан, Армения и Сирийская Арабская Республика, а Болгария имеет статус наблюдателя» [14].

Транспортный коридор «Север — Юг» является важным мультимодальным маршрутом, который соединяет несколько стран и регионов, обеспечивая логистическую связь между ними. Создание этого коридора было инициировано задолго до его официального запуска и продолжает развиваться, привлекая всё больше участников. Коридор должен помочь перенаправить грузопотоки с морских маршрутов, которые проходят через Суэцкий канал и Гибралтар, на евразийские сухопутные и мультимодальные маршруты.

Транспортный коридор «Север — Юг» не так популярен, как Транссиб и ТРАСЕКА, поскольку Иран подвергся санкциям, а транспортная инфраструктура имеет узкие места. Однако в последние годы государства, входящие в ЕАЭС, взаимодействовали с Индией и Ираном. События 2021 года показали уязвимость Суэцкого канала. Соответственно, важность коридора «Север — Юг» как альтернативного транспортного маршрута для международной торговли в непредвиденных ситуациях подтвердил инци-

дент в Суэцком канале 23 марта 2021 года, «когда контейнеровоз под панамским флагом сел на мель и перекрыл всё движение между Красным и Средиземным морями. Это вызвало невыполнение графиков линейных перевозок и доставки грузов, быстрый рост фрахтовых ставок и растущую неопределенность в отношении логистических цепочек доставки товаров между Европой и Азией» [19, с. 159—173].

Мультимодальный трансграничный транспортный коридор «Север — Юг» имеет огромный потенциал для расширения торговых связей между Европой и Центральной Азией. Кроме того, его развитие может значительно снизить зависимость от межконтинентальных морских маршрутов и в значительной степени уменьшить время доставки грузов. Таким образом, дальнейшее развитие этого коридора представляет большой интерес для всех стран, заинтересованных в продвижении международной торговли.

Наравне с этим полноценный запуск транспортного коридора «Север — Юг» является одним из крупнейших инфраструктурных проектов внутри самой России. Его реализация внесет огромный вклад в развитие транспортной инфраструктуры страны и поможет улучшить экономические связи между регионами России, а также позволит наладить непосредственный обмен лучшими практиками экономических центров нашей страны со странами «Большой Евразии». В связи с этим стоит отметить такой важный аспект межрегионального сотрудничества, как выстраивание системы трансфера технологий, которая может и должна осуществляться параллельно с налаживанием логистики между странами Каспийского региона.

«Трансфер технологий» — это собирательный термин для механизмов и процессов, которые позволяют разрабатывать интеллектуальные решения или технологии, которые используются для производства товаров и услуг, на основе знаний, сформированных научно-исследовательскими институтами, а также смежными с ними организациями. Согласно методологии Всемирной организации интеллектуальной собственности концептуально двумя ключевыми субъектами трансфера, между которыми происходит постоянный обмен информацией, являются противоположные в онтологическом смысле Промышленность (Industry) и Академическое сообщество (Academia) [17]. Процесс, соеди-

няющий их и позволяющий продавать товары на основе академических исследований, определяется как трансфер технологий. С точки зрения Центра компетенций по трансферу технологий Европейской комиссии трансфер технологий представляет собой процесс передачи результатов научных и технологических исследований как на рынок, так и в общество вместе с соответствующими навыками и процедурами и является неотъемлемой частью процесса технологических инноваций [20].

В тексте ГОСТа есть также примечание, уточняющее, что в рамках трансфера технологий возможно преобразование услуг в товары. Обобщая, можно отметить, что трансфер технологий является необходимой компонентой для гармоничного развития партнерских отношений как в сфере научно-технологического сотрудничества, так и в сфере торгово-экономических отношений, подразумевающих стратегическую направленность.

Достичь симбиоза между промышленностью, научными центрами и государственными акторами в рамках обеспечения устойчивого присутствия Российской Федерации в Каспийском регионе да и на территории «Большой Евразии» в целом возможно за счет имплементации единого механизма участия особых экономических зон России и стран Прикаспия в технологическом трансфере. Такие важные экономические центры нашей страны, как Санкт-Петербург, Москва и Астрахань, могут стать технологическими хабами, которые смогут поставлять свои передовые решения союзникам России и оперативно внедрять технологические новшества, полученные из стран Прикаспия, в работу городских организаций и крупнейших предприятий под эгидой межрегионального научного обмена. Не так давно в Москве был запущен новый индустриальный парк «Руднево», входящий в состав особой экономической зоны «Технополис Москва», который в конце апреля посетил Президент Российской Федерации совместно с мэром Москвы и чьей целью наравне с созданием новых рабочих мест для жителей столицы должно стать интеллектуальное и технологическое обеспечение стратегического превосходства Российской Федерации [6].

В связи с этим стоит отметить, что в мае этого года заместитель мэра Москвы по вопросам экономической политики и имущественно-земельных отношений Владимир Ефимов сообщил,

что на базе парка откроется центр компетенций «Беспилотные авиационные системы» Московского государственного технического университета (МГТУ) имени Н. Э. Баумана [3].

Согласно информации, опубликованной Пресс-службой мэра и Правительства Москвы, работа центра предусматривает подготовку предложений по разработке программы научно-технического развития отрасли, определение приоритетных технологий и технических решений, участие в исследованиях и испытаниях, сбор и обработку актуальной информации, анализ международной и российской нормативной практики.

Для того чтобы достичь планомерной и адекватной акселерации этой инициативы, а также ряда других проектов разумным представляется консолидировать имеющиеся ресурсы субъектов Федерации и существующие наработки на треке международного сотрудничества для создания упомянутого ранее единого механизма участия особых экономических зон России и стран Прикаспия в технологическом трансфере. Первым шагом, направленным на реализацию данной инициативы, может стать подписание соглашения между Россией, Ираном и Индией о создании Ассоциации особых экономических зон на основе мультимодального трансграничного транспортного коридора «Север — Юг», которое было бы затем дополнено комплексной дорожной картой. На основании соглашения можно объединить шесть зон или более (от каждой страны, как минимум, должно быть обеспечено участие двух экономических зон в рамках достижения паритета интересов регионов, а также для равномерного распределения логистической и интеллектуальной нагрузки) и поставить задачу по созданию единой структуры, выполняющей функции оператора технологического трансфера маршрута «Север — Юг», которая, в свою очередь, курировалась бы этими зонами под эгидой многостороннего сотрудничества ответственных государственных органов власти. В результате этих действий можно установить непосредственную границу между Россией и Ираном по Каспийскому морю для трансфера технологий из Индии и других заинтересованных стран, включая страны Юго-Восточной Азии. После успешной реализации этого этапа можно начать поэтапное включение в соглашение других государств Каспийского региона и «Большой Евразии» в целом, исходя из потребностей технологической

кооперации, например Азербайджанской Республики, с которой сейчас у России активно развивается сотрудничество в сфере высоких технологий, в частности в апреле 2023 года Правительство Москвы провело международную экономическую конференцию «Москва — Баку: сотрудничество в сфере информационных технологий» в столице Республики в целях налаживания контактов между деловыми объединениями и государственными структурами, занимающимися вопросами ИТ [11].

Со стороны Российской Федерации участниками соглашения могут стать особая экономическая зона «Санкт-Петербург», особая экономическая зона «Технополис Москва», особая экономическая зона «Лотос» (Астрахань). В Санкт-Петербурге сходятся стратегические воздушные, сухопутные, морские пути, а также располагаются ведущие научные центры в сфере точных наук. Москва способна обеспечить достаточное участие частного сектора и крупнейших научных центров столицы России в проекте. Астрахань же управляет единственной портовой особой экономической зоной России на Каспии и является одним из наиболее перспективных экономических центров нашей страны в текущих геополитических реалиях.

В свою очередь, Иран и Индия должны определить свои центры инноваций, которые смогут выполнять как логистические функции, так и задачи научно-технологического характера. Со стороны Ирана это может быть особая экономическая зона «Энзели» (Бендер-Энзели, город на севере Ирана в провинции Гилян, административный центр шахрестана Энзели), а со стороны Индии — специальная экономическая зона «Мундра» (город в западной части Индии, в штате Гуджарат, на территории округа Кач). Очевидно, что со стороны этих стран должно быть обеспечено участие и других особых экономических зон, которые смогли бы взять на себя интеллектуальное сопровождение трансфера технологий, однако этот вопрос требует дополнительной проработки. Единый орган управления трансфером технологий (ЕОУТТ), функционирующий на базе Ассоциации, смог бы выполнять организационные, логистические и международно-правовые функции, тем самым упростив работу инноваторов, экспортеров и импортеров. Возможно, в состав органа управления на правах наблюдателей можно было бы включить крупнейшие

научные организации стран-партнеров и отраслевые объединения для поддержания постоянных контактов экспертных кругов.

ЕОУТТ может быть учрежден как некоммерческое партнерство, автономная некоммерческая организация или даже акционерное общество. Орган мог бы иметь представительства во всех государствах — участниках Ассоциации с центральным офисом в Москве. В Координационный совет вошли бы представители Правительства Российской Федерации (специализированных департаментов Правительства России и отраслевых министерств), регионов России (Санкт-Петербург, Москва, Астрахань). Руководство особых экономических зон, как отечественных, так и зарубежных, вошло бы в состав Правления и осуществляло бы непосредственную работу по трансферу технологий. Экспертный совет на правах отдельной структуры выполнял бы как консультативные, так и аудиторские функции. Департаменты, находящиеся во главе Правления, вели бы работу по текущим вопросам в рамках отведенных им компетенций.

Заключение

Это лишь один из возможных вариантов организации работы по данному перспективному направлению в Каспийском регионе с учетом регионального аспекта и возможным масштабированием положительного опыта на территории всей «Большой Евразии». В целом экономическое сотрудничество в Каспийском регионе имеет большой потенциал для развития и укрепления экономических связей между странами Прикаспия и с другими странами мира. В рамках «Большой Евразии» этот регион играет ключевую роль в создании единого экономического пространства между Российской Федерацией и Азией с учетом возможных будущих проектов со странами Европы. Активизация работы по формированию единого механизма внедрения передовых технологических решений стран Евразии является важным элементом стратегии модернизации России и поможет усилить ее позиции на мировой арене.

Литература

1. Азербайджан сообщил о росте товарооборота с Россией в I квартале на 67,5% // ТАСС. — 2023. — 14 апр. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/17528689> (дата обращения: 18.05.2023).

2. Большая Евразия станет центром, который многих заинтересует, заявил Путин // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20220526/evraziya-1790846611.html> (дата обращения: 18.05.2023).
3. В индустриальном парке «Руднево» откроется центр компетенций «Беспилотные авиационные системы» // Официальный сайт Мэра Москвы. — URL: <https://www.mos.ru/news/item/123881073/> (дата обращения: 19.05.2023).
4. Второй Каспийский экономический форум (6 октября 2022 г.) // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. — URL: <http://government.ru/news/46720/> (дата обращения: 18.05.2023).
5. *Гельбрас В.И.* Геоэкономическая стратегия Китая // Азия и Африка сегодня. — 2016. — № 1. — С. 15—25.
6. Ефимов В. Центр компетенций беспилотников откроется в индустриальном парке «Руднево». — 2023. — 19 мая. — URL: <https://expert.ru/2023/05/19/vladimir-yefimov-tsentr-kompetentsiy-bespilotnikov-otkroyetsya-v-industrialnom-parke-rudnevo/> (дата обращения: 19.05.2023).
7. *Жирнов Е.* Индийский поход Российской империи. — 2011. — 7 февр. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1580379?ysclid=liba1eei14958339347> (дата обращения: 18.05.2023).
8. Иран и Россия подписали экспортное соглашение о поставке 40 газовых турбин // ИА «Neftegaz.RU». — 2022. — 24 окт. — URL: <https://neftegaz.ru/news/Oborudovanie/755616-iran-i-rossiya-podpisali-eksportnoe-soglashenie-o-postavke-40-gazovuykh-turbin/> (дата обращения: 18.05.2023).
9. *Караганов С.* От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. — 2017. — 30 мая. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/> (дата обращения: 18.05.2023).
10. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 18.05.2023).
11. Москва и Баку обсудили сотрудничество в сфере ИТ на деловой конференции (17 апреля 2023 г.) // Официальный сайт Мэра Москвы. — URL: <https://www.mos.ru/news/item/122511073/> (дата обращения: 19.05.2023).
12. *Суслов Д.В., Пятачкова А.С.* Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. — 2019. — № 148. — С. 16—53.
13. Товарооборот Азербайджана и России вырос в 2022 году почти на четверть // Мир 24. — 2023. — 25 янв. — URL: <https://mir24.tv/news/16539305/tovarooborot-azerbaidzhana-i-rossii-vyros-v-2022-godu-pochti-na-chetvert> (дата обращения: 18.05.2023).
14. Федеральный закон от 12.03.2002 № 24-ФЗ «О ратификации Соглашения о международном транспортном коридоре «Север — Юг»».
15. *Юшкявичюте А.* IGEDC: Иран поставит России 40 газовых турбин // Газета.ru. — 2022. — 23 окт. — URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/10/23/18862399.shtml> (дата обращения: 18.05.2023).
16. *Яковец А.В., Растворцев Е.Е.* Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений: научный доклад. — М., МИСК, 2017. — 63 с.
17. *Messer-Yaron H.* Technology transfer in countries in transition: policy and recommendations / World Intellectual Property Organisation. — 2012. — 64 p. — URL: http://www.wipo.int/export/sites/www/dcea/en/pdf/Technology_Transfer_in_Countries_in_Transition_FINAL-21.08.
18. *Vinokurov E., Jadraliyev M., Shcherbanin Y.* The EurAsEC transport corridors / Eurasian Development Bank, Industry Report. — 2009. — No. 5. — 52 p.
19. *Vinokurov E.Y., Ahunbaev A., Zabojev A.I.* International North—South Transport Corridor: Boosting Russia's "pivot to the South" and Trans-Eurasian connectivity // Russian Journal of Economics. — Т. 8. — 2022. — No. 2. — P. 159—173.
20. What is technology transfer? / Competence Centre on Technology Transfer. — URL: https://knowledge4policy.ec.europa.eu/technology-transfer/what-technology-transfer_en (accessed: 18.05.2023).

Ткаченко Марина Федоровна,

доктор экономических наук,
заведующая кафедрой мировой экономики,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Marina F. Tkachenko,

Doctor of Economic Sciences,
Head of the Department of World Economics,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: marstav251280@gmail.com

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

THE CHINESE MODEL OF ECONOMIC GLOBALIZATION

Аннотация: статья посвящена исследованию роли Китая в формировании нового миропорядка, который предполагает смену или существенную трансформацию текущей модели глобализации, ориентированной на США и их сателлитов. В статье рассматриваются проблемные вопросы экономической повестки Китая, анализируются практические инструменты продвижения инициатив Китая в мировой экономике в контексте его противодействия мерам США ослабить китайскую экономику. Результатами анализа являются предложенные автором критерии для сравнения американской и китайской моделей экономической глобализации, которые позволяют сделать вывод о том, что развивающиеся страны предпочитают более тесное сближение с Китаем, нежели с США и его союзниками, в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: экономическое развитие Китая, санкции, «Пояс и путь», «Пекинский консенсус», «социализм с китайской спецификой».

Abstract: the article is devoted to the study of the role of China in the formation of a new world order, which involves a change or a significant transformation of the current model of globalization focused on the United States and its satellites. The article deals with the problematic issues of China's economic agenda, analyzes practical tools for promoting China's initiatives in the global economy in the context of its opposition to US measures to weaken the Chinese economy. The results of the analysis are the criteria proposed by the author for comparing the American and Chinese models of economic globalization, which allow us to conclude that developing countries prefer closer rapprochement with China than with the United States and its allies in the short term.

Key words: economic development of China, sanctions, "Belt and Road", "Beijing Consensus", "socialism with Chinese characteristics".

Введение

После объявления Дэн Сяопином политики открытости и реформ в 1978 году прошло более 40 лет. Китайские достижения в экономике за истекший период стали следствием успешного встраивания страны в глобальные производственные цепочки и развития экспортного потенциала до таких масштабов, кото-

рые позволили Китаю занять к текущему моменту место второй экономики мира после США. При этом Китаю удалось создать принципиально новую «смешанную» модель экономического развития, основанную на «социализме с китайской спецификой», подтверждая недавно высказанную Марко Рубио мысль о том, что «капитализм не изменил Китай. Это Китай изменил капитализм». Стремительный рост влияния Китая в мире и результативность проводимых им реформ способствовали появлению в экономической науке такого выражения, как «Пекинский консенсус», в основе которого лежит представление об основных способах и мерах достижения эффективности китайской экономической политики. Линейное развитие китайского общества в последние несколько десятилетий, основанное на сочетании общественной собственности и негосударственной «народной» экономики, заставляет развивающиеся страны пересматривать свое положительное отношение к модели развития, основанной на принципах «Вашингтонского консенсуса». С учетом мощного цивилизационного опыта Китая и превалирования идей умеренности, уважения суверенитета других стран, признания права народов выбирать собственный путь развития и социальный строй, противодействия гегемонизму «новая форма человеческой цивилизации», которую создает Китай, может стать привлекательной для других развивающихся стран и привести к созданию принципиально иной глобальной системы управления, основанной уже на принципах китайской модели экономической глобализации. В силу этого более тщательное изучение итогов интеграции Китая в мировую экономику и стратегических перспектив его развития с учетом последних решений Коммунистической партии Китая (КПК) представляется несомненно значимым.

Некоторые проблемные аспекты внешнеэкономической стратегии Китая

Рассматривая эволюцию экономической модели Китая, можно прийти к выводу о том, что богатство и благополучие китайской нации по большей части было обеспечено его поэтапной и глубокой интеграцией в мировую экономику и использованием им плодов глобализации и либерализации товарных, инвестиционных и трудовых межгосударственных потоков.

В 80-е годы XX века произошло открытие страны для иностранных производств и капитала, признаками которого стали учреждение четырех специальных экономических зон, начало членства Китая в МВФ, разрешение на создание совместных предприятий с участием иностранного капитала. Инвестиционная и экспортная составляющая надолго закрепились в китайской экономике как основные драйверы экономического роста. При этом долгосрочной целью Китая стало стимулирование роста рынка сбыта своей продукции, чья конкурентоспособность обеспечивалась наличием дешевой рабочей силы, пополнявшейся за счет миграции сельского населения в города. Сильнейшим стимулом интернационализации китайской экономики стало вступление в ВТО, которое привело к ускоренной интеграции Китая в глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС).

Следует отметить, что Китаю удалось увеличить долю внутренней добавленной стоимости в экспорте, сократив долю зарубежной добавленной стоимости в экспорте, что привело к формированию собственных глобальных цепочек добавленной стоимости [2, с. 25]. По данным ВТО, в 2018 году доля внутренней добавленной стоимости в валовом экспорте составляла 82,7%, причем 41% приходился на промышленное производство, а на сферу услуг — 34,2%. В отраслевом разрезе внутренняя добавленная стоимость в экспорте Китая формировалась в основном в производстве компьютерного оборудования и электроники, текстиля и одежды, а также электрического оборудования [12]. В основном обмен промежуточной продукцией в рамках «нисходящего типа» цепочек добавленной стоимости осуществлялся с Южной Кореей, США и Японией, а в рамках «восходящего типа» — с Южной Кореей, Вьетнамом и Мексикой. В итоге Китай стал крупнейшим экспортером промежуточных товаров финального спроса в ГЦСС, особенно в области электроники и автомобилестроения.

Наряду с положительными составляющими интеграции Китая в мировую экономику постепенно усиливалась взаимозависимость китайской экономики и экономик целого ряда стран развитого мира, прежде всего США. Впоследствии это вовлекло Китай (и по большей части всю мировую экономику в целом) в ловушку, подводя мир к решению дилеммы о преодолении последствий «китайского рычага».

В 2008 году произошло существенное замедление темпов роста китайского экспорта, что заставило власти Китая принять «антикризисный план, который предполагал масштабные инвестиции в инфраструктуру, а также в социальную сферу для обеспечения занятости населения в средне- и долгосрочной перспективе и повышения внутреннего спроса» [3, с. 48]. На этом фоне проявилось назревавшее противоречие, связанное с сокращением «китайского рычага», когда рост доходов в Китае снижает его экспортные способности и одновременно приводит к росту издержек в других странах, что способствует углублению у них экономического спада и еще больше ограничивает китайский экспорт [4, с. 94]. Таким образом, зависимость «самочувствия» мировой экономики от «здоровья» китайской экономики стала всепоглощающей, что подтверждает мысль Ф. Штокера о том, что «если Китай начинает кашлять, остальной мир получит воспаление лёгких».

Наглядным проявлением проблемы, связанной с действием «китайского рычага», стал пример, описанный В. Галиным в его книге «Последняя цивилизация. Политэкономика XXI века», где он предлагает сравнить отношение дефицита торгового баланса США в торговле с Китаем с величиной среднедушевых доходов этих стран. Получается, что «в 2006 г. американский работник стоил дороже китайского в 21 раз, а торговый дефицит составлял 235,4 млрд долл. США. Замена китайцев американцами в этом случае привела бы к росту издержек в экономике США на 4,7 трлн долл. США (35% ВВП США). В 2011 г., несмотря на рекордный дефицит США в торговле с Китаем, вышеуказанный эффект замены китайского работника на американского снизился до 3,2 трлн долл. США (21% ВВП), т. е. всего за 5 лет «китайский рычаг» сократился более чем на треть» [4, с. 93].

Таким образом, уже к 2012 году темпы роста китайской экономики на фоне ослабления экспорта и сокращения притока иностранных инвестиций существенно замедлились, а последующая политическая и экономическая повестка в связи с этим уже строилась на обосновании «новой нормальности», предполагающей, что прежние темпы роста недостижимы и следует переходить на новый этап экономического развития, связанный с развитием инновационной экономики и решением социальных

проблем и проблем окружающей среды на фоне острой ресурсной ограниченности.

Кроме того, нацеленность Китая на США в экономическом плане сделала его более уязвимым и зависимым от смены внешнеполитического курса США, что не могло не волновать китайские власти. В конечном счете это привело к смещению внешнеэкономических и внешнеполитических приоритетов, что особенно проявилось с приходом к власти Си Цзиньпина.

Изменения в китайской модели экономической глобализации и внешнеполитическом курсе Китая при Си Цзиньпине

Си Цзиньпин, по мнению авторов монографии «Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз», определил новые цели в международном сотрудничестве Китая с зарубежными партнерами. Во-первых, Си Цзиньпин обозначил курс на укрепление связей с соседними государствами, что означало диверсификацию сотрудничества и взаимодействие «без оглядки» на США. Во-вторых, лидер китайской нации призвал США выстраивать равноправные отношения, основанные на взаимной выгоде двух «больших государств». В-третьих, Си Цзиньпин заявил о необходимости выработки «дипломатии большого государства с собственной спецификой». На деле это означало необходимость проведения независимого внешнеполитического курса при наличии так называемых сердцевинных интересов, которыми страна не может жертвовать ни при каких обстоятельствах [8, с. 7—8].

В целом была поставлена задача добиться построения системы глобального экономического управления, основанной на отказе от протекционизма и предполагающей открытый и инклюзивный диалог всех стран. Сама же китайская экономика должна оставаться максимально открытой, несмотря на увеличение внутренних проблем и введение санкций в отношении Китая, а также развязанных торговых войн, хотя звучали и другие мнения [8, с. 18].

Нацеленность Китая на реализацию принципа действовать «без оглядки на США» и стремление к глобальному лидерству спровоцировали рост напряженности в торгово-экономическом взаимодействии двух держав. Торговая война, истоки которой находятся

еще в периоде президентства Барака Обамы, привела к взаимным ограничениям и беспрецедентным санкциям со стороны США на современном этапе американо-китайских отношений.

Именно Барак Обама ввел антидемпинговые пошлины против китайской стали в размере 265,7%, затем его дело продолжил Дональд Трамп, чей период правления ознаменовался целой чередой громких антикитайских акций и спровоцировал Китай на ответные действия. Так, Трамп распорядился поднять тарифы на импортируемые товары из Китая с 10 до 25% стоимостью свыше 60 млрд долл. США [10]. В список вошли около 1300 наименований товаров. Формальным поводом стали обвинения Китая в промышленном шпионаже и краже интеллектуальной собственности китайскими компаниями. Справедливости ради следует отметить, что повышение пошлин коснулось и страны ЕС, но далеко не в таких стоимостных объемах и количестве товарных позиций.

Ответом Китая стало установление ограничений на 106 товарных позиций с установкой пошлины в 25%. При этом стоимостный объем затронутого китайскими санкциями экспорта составил 50 млрд долл. США [10].

Однако основным удар со стороны США пришелся по микроэлектронной промышленности Китая, что в большей степени призвано затормозить экономическое развитие Китая, нежели санкции на ввоз китайской продукции на территорию США. Под воздействием США голландская компания ASML (самый крупный производитель литографического оборудования на мировом рынке), от поставок которой зависят все производители чипов в мире, отказала китайской SMIC в продаже нового оборудования и обслуживании старого оборудования. Одновременно были запрещены поставки чипов из США китайским компаниям из черного списка. Следствием этого стало отсутствие возможности со стороны Китая обновлять устаревшие чипы в выпускаемой им микроэлектронике, что неизбежно привело к падению продаж микроэлектроники, существенно повысив конкурентные преимущества США, Японии и Южной Кореи. Китай, по сути, лишился одной из своих самых надежных статей экспорта [1].

В 2018 году США предприняли еще один недружественный, беспрецедентный по своему характеру шаг. Они факти-

чески объявили войну китайской транснациональной корпорации Huawei, впоследствии заявив о том, что она несет угрозу национальной безопасности США. В 2020 году Вашингтон потребовал от Тайваня прекратить поставки микрочипов Huawei, а «в апреле 2021 года Вашингтон через Тайбэй заставил тайваньскую TSMC остановить сотрудничество с китайской Tianjin Phytium Information Technology (Phytium)» [5].

Huawei лишилась доступа к передовым технологиям, а также доступа на европейский и американский рынок. Помимо этого санкции ударили по другим высокотехнологичным китайским компаниям, таким как ZTE, Xiaomi и DJI. Кроме того, США посредством давления на американские компании стали лишать китайские компании лицензий. Таким образом, тщательно выстраиваемая долгие годы схема развития инновационной экономики Китая посредством привлечения инновационных технологий преимущественно из США оказалась под угрозой.

Такие обстоятельства заставили Китай в 2020 году заявить о запуске пятилетней программы развития электронной промышленности в объеме 1 трлн долл. США. К настоящему моменту она уже имеет некоторые реальные результаты, но в целом импортная зависимость и от литографического оборудования, и от самих микрочипов остается достаточно высокой и существенно превышает стоимостные и физические объемы экспорта названной продукции [5].

Вместе с тем Китай, заявляя об «отстаивании принципа одного Китая», грезит не только культурным и политическим единством, опираясь на историю, но и стремится к созданию единого экономического пространства с Тайванем, чья «государствообразующая» компания TSMC способна обеспечить бесперебойные поставки микрочипов континентальному Китаю. При крепком союзе Тайваня и США вероятность сокращения поставок продукции, основанной на передовых технологиях, в Китай становится всё более ощутимой.

Технологическая война, развязанная США против Китая, стала ответом США на вызовы со стороны Китая и попыткой помешать Поднебесной распространить свои новые технологические решения на весь мир. Имея пока технологическое господство, США ощущают, как крупные китайские компании начинают пре-

восходить их по отдельным видам технологий, например в области развития искусственного интеллекта, больших данных и наличия больших вычислительных мощностей. В настоящий момент имеет место техническая расстыковка Китая и США как элемент общей расстыковки Китая и США, чтобы снизить взаимозависимость стран друг от друга. Причем в этом могут быть заинтересованы обе страны, поскольку и Китай, и США имеют в своих руках инструменты, которые способны привести к возникновению более серьезных конфликтов между странами, в чем не может быть заинтересована ни одна из сторон. Для Китая расстыковка является «стратегическим сдвигом, в рамках которого Китай смещает фокус своего внимания с экономического роста на экономический контроль» [14]. С помощью целого ряда инструментов Китай пытается добиться решения трех важнейших задач, а именно: «устранение его зависимости от зарубежных стран и корпораций в отношении важнейших технологий и продуктов, содействие доминированию местных фирм на внутреннем рынке и использование этого доминирования для повышения глобальной конкурентоспособности» [14]. США, в свою очередь, «формулируют свою политику в отношении Китая как “стратегическую конкуренцию” и стремятся ограничить свою зависимость от Китая, чтобы защитить свою промышленную базу, уменьшить свою зависимость от импорта в критически важных секторах и смягчить потенциал использования Пекином взаимозависимости в качестве оружия» [13]. Таким образом, потенциал «разрыва» тесных экономических связей Китая и США достаточно высок, что заставляет Пекин по-новому взглянуть на отношения с ближайшими соседями, в том числе с Россией.

Внешнеэкономические интересы Китая в отношении России в основном связаны с реализацией трех приоритетов: 1) развитие структуры экспорта РФ как необходимого условия долгосрочного экспорта взаимной торговли; 2) развитие каналов поставок продукции через территорию РФ за счет модернизации транспортной инфраструктуры; 3) обеспечение китайской экономики топливно-энергетическими ресурсами при выгодном уровне цен и необходимом количестве ресурсов [6, с. 72]. Это в целом вписывается в концепцию инициативы «Пояс и путь», которая, по сути, стала инструментом практической реализации заявлен-

ных стратегических целей Китая на международной арене. «Пояс и путь» стал стратегической инициативой Си Цзиньпина и подтвердил намерение Китая «идти вовне», невзирая на внешнеэкономическую и внешнеполитическую напряженность.

«Пояс и путь» имеет мощные идеологическую и экономическую составляющие. С точки зрения идеологии этот китайский «мегапроект» реализуется с опорой на один из ключевых приоритетов, связанный с созданием «сообщества единой судьбы человечества» («все вещи развиваются вместе и не препятствуют друг другу, все принципы осуществляются вместе и не вступают в противоречие друг с другом»), и предлагает реальную альтернативу западному мироустройству для развивающихся стран. С экономической точки зрения данная инициатива сопряжена с текущей экспортной политикой Китая, которая стала ответом на вызовы спада экономического роста и сокращения доходов населения. Эффективная реализация программы «Сделано в Китае 2025» во многом зависит от успехов в модернизации экономики, которая невозможна без роста спроса на высокотехнологичную продукцию в рамках осуществления инициативы «Пояс и путь». Создавая предпосылки для китайской экспансии, «Пояс и путь» дает возможность китайскому правительству поддерживать на значимом уровне экспорт продукции, оборудования, а также рабочей силы и управленческих кадров. При этом, инвестируя в инфраструктурные проекты других стран, Китай обеспечивает транспортно-логистические преимущества для поставки своей продукции в обход дорогостоящих маршрутов доставки грузов.

Проект «Пояс и путь» стал настолько широкомасштабным и донорским по своему характеру, что породил убеждение у развивающихся стран в безусловном лидерстве Китая в мире и его стремлении к созданию принципиально новой внеблоковой парадигмы экономических отношений между равноправными и ответственными партнерами. Несмотря на ряд имеющихся противоречий в реализации этой стратегической инициативы, есть все шансы ее сохранения в ближайшем будущем, особенно с учетом обеспечения преимущества внешнеэкономического и внешнеполитического курса Китая с опорой на принцип «сначала вводить новое, а потом ломать старое».

Перспективы китайской модели экономической глобализации с учетом решений XX съезда КПК

В ходе последнего съезда КПК лидер страны Си Цзиньпин обозначил намерение продолжать ранее намеченный курс (в частности, в рамках XIX съезда КПК), реализуя концепцию устойчивого развития, основанную на сочетании «развития производства, обеспеченной жизни населения и здоровой экологии». Не отвергая возможности использовать некоторые концепты моделей экономического развития, которые сложились в других странах, Си Цзиньпин призывает ориентироваться на собственные цивилизационные достижения, что нашло закрепление в таких понятиях, как «дипломатия мировой державы с китайской спецификой», «социализм с китайской спецификой», «социалистическая правовая система с китайской спецификой», «социалистическая культура с китайской спецификой», «формирование вузов мирового класса с китайской спецификой», «создание могучей армии с китайской спецификой» [9]. Такие понятийные конструкции свидетельствуют о стремлении китайского лидера и КПК строить сильное государство с опорой на инновационную экономику на основе преемственности и опыта прошлых поколений, укрепляя статус Китая как мировой (а не региональной) державы, способной противостоять вызовам и угрозам национальной безопасности.

При этом сбалансированное развитие внутри Китая невозможно без обеспечения продовольственной и энергетической безопасности, а также безопасности ключевых цепочек производства и поставок, что предопределяет необходимость «расширения открытости внешнему миру». Указанный процесс призван, с одной стороны, укрепить достигнутые результаты экономического развития и способствовать «индустриализации нового типа», а с другой стороны, стимулировать «наращивание потенциала в распространении китайской цивилизации и расширении ее влияния» [9]. Таким образом, «открытость внешнему миру» имеет как мощный экономический, так и политико-идеологический посыл, предполагая неразрывность успехов в развитии инновационной экономики с ростом влияния Китая в мире.

Китайский лидер говорит о неизбежности превращения Китая в мощную торговую (и одновременно морскую) державу посредством повышения качества и уровня торгового и инвестиционно-

го сотрудничества с зарубежными партнерами при опоре на внутренний рынок (как один из основных локомотивов модернизации экономики), способный привлекать глобальные ресурсы.

Вместе с тем расширение экспортного потенциала должно происходить одновременно с развитием логистических маршрутов, повышением уровня пилотных зон свободной торговли, расширением глобально-ориентированной сети зон свободной торговли высокого стандарта, что тоже прозвучало в речи Си Цзиньпина на XX съезде КПК. Естественно, что продолжение инициативы «Пояс и путь» рассматривается как логическое продолжение политики «мягкой экспансии» за рубежом, которую пытались остановить США.

Одновременно на новый уровень выходит экономическая борьба с США, и здесь одним из инструментов поражения США на мировой арене может стать выполнение стратегической задачи по «продвижению интернационализации китайского юаня». Практическими результатами реализации этой задачи в последнее время стали договоренности Китая об оплате в юанях поставок нефти из Саудовской Аравии. Помимо этого Бразилия и Китай достигли соглашения о торговле в юанях и объявили о создании совместной клиринговой палаты, что позволит проводить расчеты без использования доллара США. Договоренности об использовании юаня достигнуты также с целым рядом стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Примечательно, что даже некоторые компании Западной Европы соглашаются на оформление сделок в юанях. Более 70% расчетов в торговле Российская Федерация и КНР уже производят в национальных валютах. Кроме того, Россия выступает за расчеты в юанях не только с самим Китаем, но и с третьими странами. В целом «доля использования юаня в трансграничных платежах Китая выросла до рекордных 48% в конце апреля 2023 года и впервые превысила долю использования американского доллара» [11]. С одной стороны, этому способствовали усилия самого Китая по наращиванию торговых сделок в юанях, а с другой стороны, это явилось следствием подрыва доверия к доллару США после введения антироссийских санкций.

Одновременно Китай постепенно избавляется от американских казначейских облигаций, демонстрируя США и миру отсут-

ствие доверия к американской экономике и ее статусу лидера в мировой экономике. Это не может не повлиять на мнение других развивающихся стран, особенно тех, которых Китай всецело поддерживает в их стремлении к развитию, изменении финансово-экономической стратегии.

Вместе с тем Китай, имеющий амбициозные планы в построении инновационной экономики, остро нуждается в инвестициях. В Китае осознают, что привлечение капиталов иностранцев поможет дальнейшему росту экономики, и в настоящее время здесь проходит постепенный процесс расширения фондового рынка в привлечении средств нерезидентов. Гарантии для инвесторов также подтвердил Си Цзиньпин в своей речи, высказавшись за «защиту прав иностранных инвесторов», а также за «облегчение доступа на рынок» и «формирование первоклассной интернационализированной бизнес-среды» [9].

Выстраивая парадигму своего экономического развития в духе открытости и модернизации, Китай не может идти в фарватере «чужой» модели экономической глобализации, которая имеет принципиально отличные от китайского представления о мире цели и задачи и формировалась в иных геополитических условиях.

Отсюда возникает вопросы: какую модель экономической глобализации может предложить миру Китай и чем она отличается от существующей сейчас американской модели экономической глобализации?

Критерии, в соответствии с которыми можно охарактеризовать различия между китайской и американской моделями экономической глобализации, достаточно прозрачны и позволяют четко определить границы и характер влияния двух мировых лидеров на трансформацию мировой экономики.

1. *Отношение к суверенитету других стран.*

Китайская позиция по этому вопросу определяется с позиции уважения к суверенитету других стран, признания равноправия всех стран и «права народов выбирать собственный путь развития и социальный строй». Китай выступает против «гегемонизма и политики силы», «вмешательства в дела других стран и применения двойных стандартов» [9]. В ключевом для США документе «Стратегия национальной безопасности», обнародованном осенью 2022 года, они, по сути, выдвигают

концепцию сдерживания и подавления двух крупнейших экономик мира — России и Китая. При этом, не скрывая, указывает на необходимость более агрессивных действий в отношении Китая, «чтобы противостоять попыткам подорвать общие технологические достижения». Россию же предлагают сдерживать с опорой на НАТО. Такие формулировки являются негласным сигналом для других стран опасаться принятия не укладывающихся в формат глобального видения США экономических и политических решений, чтобы не стать следующей «угрозой» их национальной безопасности [7].

2. Отношение к либерализации и открытости национальных экономик.

Китайский лидер Си Цзиньпин однозначно подчеркивает необходимость идти путем экономической глобализации, способствовать либерализации и упрощению процедур в области торговли и инвестиций. Он выступает против протекционизма, попыток создания барьеров, «разъединения» и «разрыва цепочек», введения односторонних санкций и максимизации давления [9]. Си Цзиньпин неоднократно указывал на соблюдение этих условий, чтобы была возможность построить «мировую экономику открытого типа» [8]. Китайский лидер выступает за признание «ООН ядром системы международных отношений», а БРИКС и ШОС рассматривает как необходимые для постоянного открытого диалога международные площадки [9].

В свою очередь, практические шаги США однозначно свидетельствуют об обратном. Опыт санкционных войн США с другими странами демонстрирует их отказ следовать нормам международного права, которые признают санкции как механизм коллективного наказания. Кроме того, действия США, связанные с их членством в международных организациях, имеют деструктивный характер, ослабляя роль многосторонних форматов сотрудничества. Так, США с 2016 года блокируют работу апелляционного органа ВТО, что фактически привело к «заморозке» механизма разрешения торговых споров.

3. Модель архитектуры глобального управления.

Си Цзиньпин в качестве одной из стратегических целей видит стремление «претворять в жизнь концепцию глобального управления, основанную на принципах совместных консультаций, со-

вместного строительства и совместного пользования, твердо придерживаться подлинного мультилатерализма» [9].

США стремятся к созданию блоковых режимов, скорее нацеленных на противодействие третьим странам, нежели на взаимное развитие. Недавним примером подобного объединения может быть AUKUS, целью которого стало противодействие Китаю и отрыв ранее тесно сотрудничавшей с Китаем Австралии от него.

4. Отношение к роли развивающихся стран в мировой экономике.

В последние годы вклад развивающихся стран в мировой ВВП сильно вырос, равно как значительно улучшились показатели, связанные с развитием их человеческого и инновационного потенциалов. Подобные успехи демонстрируют невозможность игнорировать их потребности и мнение, особенно когда потенциал экономики услуг начинает себя исчерпывать и ощущается тенденция к возврату к ресурсным экономикам. Китай готов содействовать «расширению голоса стран с формирующимся рынком и развивающихся стран в международных делах» [9]. Он также стремится к «сокращению разрыва между Югом и Севером» и готов «оказывать помощь развивающимся странам» [9]. Практическим инструментом реализации таких задач является инициатива «Пояс и путь».

США предлагают развивающимся странам модель «гегемон — сателлит», которая предполагает закрепление текущей ситуации, связанной с доминированием США во всех международных организациях и политическим давлением на результаты принятия решения по важнейшим вопросам на международном уровне. Совсем недавно США решили добиваться пересмотра в международных организациях статуса Китая как развивающейся страны, чтобы лишить его соответствующих преференций и помощи.

Заключение

Таким образом, позиция США, основанная на требованиях о следовании либеральным принципам «Вашингтонского консенсуса», ставшего крайне непопулярным в странах развивающегося мира, не может служить платформой для обновления существующего мирового порядка. По факту это одностороннее

движение, которое направлено на политику изоляционизма развитых стран в отрыве от развивающихся стран, сегментацию мировой экономики, блоковость развития.

Оформившийся «Пекинский консенсус» как политика обеспечения национального суверенитета и многополярности с опорой на сильное государство ментально намного ближе развивающимся странам, которые стремятся к обретению реальной независимости, противоположной духу неокOLONиализма. Кроме того, Китай, несмотря на имеющиеся у него трудности в экономике, смог продемонстрировать всему миру впечатляющие результаты, что признают как его ближайшие партнеры, так и оппоненты. Признание Китаем мультикультурности современного мира и множественности экономических моделей развития, отказ от принципов однополярности и универсальности ценностей будут в дальнейшем влиять на выбор другими странами модели сотрудничества и экономического развития в глобальном мире.

Литература

1. Американская стратегия крушения Китая: как за одно десятилетие сломить вторую экономику мира. — 28.10.2021. — URL: <https://topwar.ru/188386-amerikanskaja-strategija-krushenija-kitaja-kak-za-odno-desjatiletie-slomit-vtoruju-jekonomiku-mira.html> (дата обращения: 20.04.2023).
2. Волгина Н.А., Лю Пэнфэй. Китай в глобальных цепочках стоимости: некоторые факты // Известия ДВФУ. Экономика и управление. — 2020. — № 4. — С. 20—27.
3. Галаган А.Б., Савинов Ю.А. Эволюция модели экономического развития Китая // Российский внешнеэкономический вестник. — 2016. — № 6. — С. 40—52.
4. Галин В.В. Последняя цивилизация. Политэкономика XXI века. — М.: Алгоритм, 2013. — 416 с.
5. Катасонов В. Китай борется за микроэлектронную независимость. — 10.06.2022. — URL: <https://russtrat.ru/reports/10-iyunyu-2022-0010-10690> (дата обращения: 20.04.2023).
6. Комиссаров А.А. Развитие сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере содействия взаимной торговле: дис. ... канд. экон. наук. — Люберцы, 2022. — 221 с.
7. Конкурировать с Китаем, сдерживать Россию. — 13.10.2022. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5608578> (дата обращения: 25.04.2023).
8. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. — М.: ИМЭМО РАН, 2020. — 182 с.
9. Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства: доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (16 октября 2022 г.). — URL: <https://csruso.ru/wp-content/uploads/2022/11/.pdf> (дата обращения: 25.04.2023).
10. Трамп поручил ввести пошлины на весь импорт из Китая. Решение ударит и по России. — 11.05.2019. — URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/375929-tramp-poruchil-vesti-poshliny-na-ves-import-iz-kitaya-reshenie-udarit-i-po> (дата обращения: 25.04.2023).

11. *Юшкявичюте А.* Юань занял рекордные 48% в международных расчетах Китая, превысив долю доллара. — 26.04.2023. — URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/04/26/20301817.shtml> (дата обращения: 28.04.2023).
12. China. Trade in Value Added and Global Value Chains / World Trade Organization. — URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/CN_e.pdf (accessed: 25.04.2023).
13. Meszaros Tamas. A Reality Check on China-US Decoupling. The Diplomat. — 22.03.2023. — URL: <https://thediplomat.com/2023/03/a-reality-check-on-china-us-decoupling/> (accessed: 15.05.2023).
14. *Morrison Allen J.* The Strategic Challenges of Decoupling // Harward Business Review. — May—June 2021. — URL: <https://hbr.org/2021/05/the-strategic-challenges-of-decoupling> (accessed: 15.05.2023).

Атлагич Сениша Милованович,

доктор политических наук, профессор,
факультет политических наук Белградского университета, Сербия.

Sinisha M. Atlagich,

Doctor of Political Science,
Professor,
Faculty of Political Science – University of Belgrade, Serbia.

E-mail: sinisa.atlagic@fpn.bg.ac.rs

РОЛЬ КОСОВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ СЕРБИИ

THE ROLE OF KOSOVO IN THE POLITICAL AGENDA OF SERBIA

Аннотация: данная статья посвящена текущей политической ситуации в Сербии, вызванной последним давлением Запада на ее руководство в вопросе урегулирования статуса Косово. Автор указывает на наиболее важные требования Запада в свете украинского кризиса и различных позиций, выраженных правительством и оппозицией в Сербии. Указывается и на основные характеристики политической кампании, проводимой правительством и национал-патриотической оппозицией в Сербии. Особое внимание уделяется их ценностным ориентациям. Автор сравнивает ценностную ориентацию правительства Сербии в период правления Слободана Милошевича, когда НАТО бомбило Сербию в связи с косовской проблемой, и в период правления нынешнего Президента Сербии Александра Вучича.

Ключевые слова: Косово, Сербия, Запад, сербский вопрос, ценности.

Abstract: this article is dedicated to the political situation in Serbia due to the latest pressure from the West on its leadership regarding the solution to the status of Kosovo. The author points out the most important demands of the West in light of the Ukrainian crisis and the different positions expressed by the government and the opposition in Serbia. It also pointed to the basic characteristics of the political campaign being led by the government and the national-patriotic opposition in Serbia. Special attention is paid to their value orientation. In this sense, the author compares the value orientation of the government in Serbia during the reign of Slobodan Milošević, when NATO bombed Serbia due to the Kosovo crisis, and the reign of the current president of Serbia, Aleksandar Vučić.

Key words: Kosovo, Serbia, the West, the Serbian question, values.

Введение

В ходе политических кампаний проявляются центральные ценности идеологии политических субъектов. За фасадом тех или иных идеологических систем угадываются политические мифы. С помощью современной политической мифологии, на которой

¹ Данная статья написана при финансовой поддержке Министерства науки, технологического развития и инноваций Республики Сербия в рамках Плана научно-исследовательской работы факультета политических наук Белградского университета.

жиждется идеологическая система, формируется определенный «порядок вещей», служащий в зависимости от конкретных обстоятельств материалом для более или менее последовательной разработки политической программы. Политические кампании являются декларацией того или иного «порядка вещей». Добиваясь реализации заявленных ценностей, они, прежде всего, приводят в действие механизм «понимания» и «объяснения» действительности и определенной политики [16, р. 72].

На фоне украинского конфликта в Сербии развернуты две политические кампании по вопросу урегулирования статуса Косово, южного сербского автономного края. Косово послужило предлогом для нападения НАТО на Союзную Республику Югославию (в состав которой входила Сербия и Черногория) в 1999 году. Большинство стран Запада признало независимость Косово, провозглашенную в одностороннем порядке в 1999 году. Целью настоящего исследования является анализ основных различий в системе ценностей политических субъектов, вступивших в ожесточенную дискуссию вследствие беспрецедентного давления Запада в целях урегулирования статуса Косово.

Проблема статуса Косово, вокруг которой в последние несколько недель особенно активизировался Запад, не сводится к статусу как таковому, хотя он и является *focus punctum*. Эта проблема не отделима от сербского вопроса, который на Западе рассматривают как нерешенный геополитический вопрос, оставшийся после распада социалистической Югославии. С сербской точки зрения этот вопрос представляется наиболее значительным нерешенным вопросом в современной Европе, связанным с проблемой национальной идентичности.

Ультиматум Запада и решение сербского вопроса

Настойчивость Запада, требующего скорейшего урегулирования статуса Косово¹, Президент Сербии Александр Вучич истолковал как стремление Запада лишить Президента Владимира Путина возможности сослаться на косовский прецедент для оправдания событий на Донбассе [21]. В настоящий момент, когда решение западных государств о наращивании поставок во-

¹ Австрийский дипломат Вольфганг Петрич, работавший в качестве специального представителя Европейского союза по вопросу Косово и благодаря этому ставший главным переговорщиком со стороны ЕС в Рамбуйе в 1999 году, заявил, что ЕС «рассчитывает на успех в деле нормализации отношений между Косово и Сербией уже в этом году...» [9].

оружий на Украину указывает на вероятность эскалации конфликта, они, видимо, стремятся закрыть вопрос о статусе Косово и тем самым добиться решения сербского вопроса на длительную перспективу. Другими словами, смирить Сербию и сербов в случае разрастания масштабов конфликта — значит нейтрализовать «маленькую Россию» на «заднем дворе» Запада. Очевиден при этом расчет на занятость России военной операцией на Украине, вследствие чего она не могла бы оказать серьезную помощь Сербии, подобно тому, как у нее не было возможности помочь в ходе югославского кризиса [1; 5]. По этой причине последнее, так называемое франко-германское предложение о решении проблемы Косово было предъявлено Сербии в форме ультиматума. Содержание документа официально не было обнародовано, однако из разных источников поступает информация о том, что ключевыми элементами плана, предложенного Белграду и Приштине, являются равные права Сербии и Косово, соблюдение принципа территориальной целостности и нерушимости границ, признание государственных символов и особый статус сербского населения и православного наследия в Косово. Взаимное признание или членство Косово в ООН, которое лоббируют косовские политики, план не предусматривает [15]. Сербии ясно дали понять, что ее отказ принять соглашение повлечет за собой приостановку процесса евроинтеграции, прекращение и отток западных инвестиций, возвращение визового режима для граждан Сербии. Кроме того, может оказаться под вопросом соглашение с Международным валютным фондом [13].

После встречи с членами так называемой Большой пятерки (представителями трех крупнейших европейских стран, посланниками США и ЕС) в январе 2023 года Президент Сербии заявил: «...мы готовы принять концепцию и работать над имплементацией предложенного соглашения с учетом того, что я ясно оговорил одну вещь и выразил озабоченность и сдержанность по одному важному вопросу, о чем конкретно говорить не могу, поскольку план не является достоянием общественности». При этом Президент Сербии добавил, что Сербия должна участвовать в диалоге, должна продолжить движение к ЕС, что он не готов возглавлять страну, находящуюся в изоляции, и не собирается повторять ошибки Милошевича [19]. В некоторых политических кругах

в Сербии это заявление восприняли как намерение власти в нарушение Конституции Республики Сербии отказаться от части ее территории и совершить акт измены. Такая позиция открыто высказана на специальной сессии Скупщины Сербии, посвященной Косово [16]. С одной стороны, кампанию против предполагаемой измены властей открыли представители национал-патриотической оппозиции и общественных движений в Сербии вкупе с интеллектуалами консервативной ориентации, а с другой стороны, против них ведет кампанию в защиту процесса евроинтеграции власть при поддержке проевропейской оппозиции и представителей проевропейской культурной элиты. Ожесточенность, с которой ведется дискуссия, свидетельствует о такой степени политического противостояния в сербском обществе, какой не наблюдалось с начала этого столетия и свержения Слободана Милошевича.

Национал-патриотическая оппозиция vs Александр Вучич: общественно-политический контекст и характерные особенности политической кампании

Что касается действующего сербского парламента, то представители национал-патриотической оппозиции составляют в нем незначительное меньшинство, которому принадлежит менее 1/5 депутатских мандатов. Им противостоит правящая коалиция, получившая почти 2/3 мест в парламенте. Доминирующее положение в коалиции имеет партия, возглавляемая Президентом государства. Оставшуюся часть оппозиции составляют представители сугубо проевропейских партий и движений, не согласные с Вучичем по некоторым внутриполитическим вопросам, однако разделяющие его стратегический план — движение к Европейскому союзу. Судя по этим данным, а также по структуре публичной сферы в Сербии, можно сделать вывод о том, что оппозиция вступила в борьбу без каких-либо шансов на победу. На это рассчитывает и Президент Вучич, но в то же время он проводит ожесточенную политическую кампанию, исходя из важного политического фактора — кризиса на Украине и отношения граждан Сербии к этому кризису. В частности, позиция консервативной оппозиции совпадает с мнением более 80 % граждан Сербии, которые выступают против введения санкций против России из-за

ее участия в военном конфликте на Украине [7]. При этом роль России в сербском общественном мнении нет необходимости особо выделять: символическое противодействие России Западу является одним из краеугольных элементов коллективной идентичности. Это предопределяет подходы к решению ключевых общественных проблем, включая проблему Косово. Таким образом, самое большое число избирателей, голосовавших за партию Вучича на последних выборах и на всех выборах, начиная с его прихода к власти в 2012 году, вышли из рядов пророссийски настроенных граждан Сербии. Однако ни в одном избирательном цикле сербским избирателям не предлагали выбирать между ЕС и Косово, а в связи с этим — между ЕС и Россией, ведь в Совете Безопасности ООН Россия выступает в качестве гаранта Резолюции 1244, то есть территориальной целостности Сербии. За десятилетний период правления Вучича ему уже приходилось сталкиваться с неодобрением граждан его предложений по решению проблемы Косово. Так, в 2017 году Вучич инициировал так называемый внутренний диалог по вопросу статуса Косово [9]. Эта инициатива не увенчалась успехом. Самые значительные общественные субъекты не проявили особого интереса к участию в дискуссии о проекте урегулирования в Косово, который предусматривал бы более существенное обособление Косово, нежели статус автономии в правовой и политической системе Сербии. Тогдашние вбросы о том, что проект о будущем статусе Косово допускает и возможность его раздела [20], ни в коем случае не способствовали успешности «внутреннего диалога».

Вступая в кампанию против Вучича, оппозиция рассчитывала на то, что их позиция соответствует настроению большинства граждан, а также на еще один существенный фактор в политической жизни страны — на позицию Сербской Православной Церкви, согласно которой Косово — колыбель сербской духовности — следует рассматривать как неотъемлемую часть сербского государства. И, наконец, лидеры оппозиции подчеркивают тот факт, что расстановка сил на международной арене, на фоне которой Сербия должна дать отпор намерениям Запада окончательно решить сербский вопрос в ущерб сербам, существенно отличается от ситуации, сложившейся во время распада Югославии. Роль России и Китая в международной политике гораздо ве-

соее, а Сербия в значительной степени восстановилась после югославского кризиса и санкций Запада. При этом Китай вместе с Россией поддерживает территориальную целостность Сербии, ссылаясь на Резолюцию 1244 Совбеза ООН, согласно которой Косово является составной частью Сербии [14]. Как Китай, так и Россия за последние два десятилетия инвестировали в важные отрасли сербской экономики. Отметим, что в настоящее время, спустя год после начала конфликта между Россией и Западом на Украине, Китай и Россия возглавляют довольно длинный список государств, позиции которых по вопросу статуса Косово и кризиса на Украине совпадают.

С учетом вышесказанного преимущество, на которое рассчитывает Президент Сербии в политической жизни этой страны, далеко не так велико, как преимущество в парламенте, где консервативная патриотическая оппозиция в меньшинстве. Самое важное преимущество Президенту обеспечивает специфическая структура публичной сферы в Сербии. Дело в том, что механизм управления общественным мнением в Сербии с 90-х годов прошлого века вплоть до настоящего времени неизменно предполагал ограничение физической доступности для оппозиции каналов коммуникации, составляющих центральную область публичного пространства [3].

Центральная роль в публичной сфере Сербии по-прежнему принадлежит телевидению как самому значительному и надежному источнику информации. Вследствие этого главное отличие периода правления Вучича по сравнению с эпохой Милошевича и с первым десятилетием этого века, когда власть принадлежала демократам, сводится к тому, что мобилизационная функция телевидения перешла от государственного телевидения к коммерческим каналам с общенациональной частотой и к дешевым газетам. В то же время интернет-порталы и несколько каналов кабельного телевидения составляют периферию публичного пространства [4]. Используя указанное преимущество, власть сосредоточилась в рамках проводимой кампании на трех темах: дискредитация лидеров оппозиции, продолжение переговоров с западными партнерами и продвижение процесса евроинтеграции Сербии.

Приемы дискредитации лидеров оппозиции главным образом сводятся к обвинению в принадлежности к тем политическим си-

лам, которые несут ответственность за утрату Косово в предыдущий период. При этом власть использует все инструменты формирования и поддержания определенной картины мира, которые известны в социальной психологии: идентификация, социальная категоризация, социальная и каузальная атрибуция, а также механизм стереотипизации. Из психологических инструментов влияния на сознание и поведение граждан в массовой политической коммуникации задействован механизм внушения и, особенно, использование вербальных псевдоаргументов и дисквалификация в виде *argumentum ad hominem*.

Что касается второй и третьей темы, то здесь преобладает комбинация психологического метода убеждения и пропагандистской техники награды и наказания (кнута и пряника), главным образом посредством акцентирования важности переговоров для продолжения экономического роста Сербии и будущего благосостояния граждан. Вышеупомянутая роль телевидения проявилась в стремлении как Президента государства, так и представителей оппозиции использовать то, что ход заседания транслируется в прямом эфире на общенациональном канале — Радиотелевидение Сербии — в целях формирования медийного образа, который пойдет на пользу их политическому имиджу. Вместе с тем самый популярный коммерческий телевизионный канал использовали для того, чтобы обвинить лидеров оппозиции в том, что с помощью Российской Федерации они дестабилизируют Балканы [12]. Самая многотиражная газета «Информер» на первой полосе опубликовала текст о том, что оппозиционеры якобы попытались поджечь здание Скупщины и вызвать нестабильность [11]. И, наконец, посредством телевизионного канала — Радиотелевидение Сербии — Министерство по делам евроинтеграции Правительства Сербии сообщило о возросшей заинтересованности граждан Сербии в присоединении к ЕС по сравнению с прежними исследованиями общественного мнения¹.

¹ По результатам опроса общественного мнения, проведенного Министерством европейской интеграции Республики Сербия в декабре 2022 года, число поддерживающих вступление Сербии в ЕС составляет 43%, а количество противников членства — 32% [6]. По результатам опроса одного из самых известных агентств по изучению общественного мнения в Сербии, в ноябре 2022 года только 34,7% респондентов поддержали вступление Сербии в ЕС, а 48,8% опрошенных были против. На вопрос «Кто, по Вашему мнению, должен быть главной внешнеполитической опорой и партнером Сербии?» 30,7% граждан ответили, что это Россия, а 22,6% ответили, что это ЕС во главе с Германией [8].

К психологическим приемам убеждения и внушения прибегают и оппозиционеры: они делают вывод о сходстве так называемого франко-германского проекта урегулирования статуса Косово и взаимного признания Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республики в 1972 году. Представители оппозиции указывают на сходство и с некоторыми прежними предложениями Запада. Кроме того, они задают вопрос о том, каким будет отношение Запада к Сербии и сербам в будущем. Закрыв косовскую проблему, Запад может поставить на повестку дня статус мусульманской общины на юго-западе Сербии, статус частей автономного края Воеводины на севере Сербии, где проживают много представителей разных национальных меньшинств, а также статус Республики Сербской в составе Боснии и Герцеговины. В то же время, используя механизм внушения, оппозиция подчеркивает символическое значение Косово для сербов.

Как политическая кампания власти, так и нарратив оппозиции характеризуются механизмом внушения и пропагандистским принципом персонализации политики в целях дискредитации Александра Вучича. И в том, и в другом случае указанный принцип используется вследствие понимания того, что имидж, то есть представление о политике, является самым значительным фактором политической и электоральной мотивации в Сербии [2]. Можно подумать, что относительно регулярное упоминание Вучичем имени Милошевича, не сумевшего защитить Косово, связано именно с этим фактором политической мотивации. Однако это не так. Действительно, имидж Милошевича в конце 90-х годов прошлого века был серьезно подорван, но не из-за югославского кризиса и сопротивления Западу. Результаты исследования мотивации электорального поведения свидетельствуют о том, что, скорее всего, поражение Милошевича на выборах стало следствием негативной оценки его правления в социально-экономической сфере [18]. А ведь одной из главных причин экономических трудностей были санкции Запада. Предъявив ультиматум Вучичу и Сербии, Запад прибегает к той же тактике, которую он применил против Милошевича. Национал-патриотическая оппозиция считает, что Запад не готов идти дальше этих мер против Сербии, поскольку ему не выгоден вооруженный конфликт в сло-

жившейся международной обстановке. Напротив, Вучич считает, что Сербии грозит «политический и экономический крах», а потому необходимо продолжать диалог [19].

Сербия Вучича и Сербия Милошевича: ценностные различия

Сопоставление известных особенностей правления Александра Вучича с правлением Слободана Милошевича имеет ключевое значение при поиске ответа на поставленную задачу (цель) исследования: какова ценностная ориентация политических субъектов, которые в настоящее время противоборствуют на политической арене Сербии по вопросу статуса Косово? Скрытые мотивы многочисленных конкретных заявлений, с которыми обращаются к гражданам участники конфликта, как со стороны национал-патриотической оппозиции, так и со стороны власти, можно обнаружить в общей идее: основополагающем сербском политическом мифе — мифе о Косово. Этот миф повествует об истории косовской битвы, в результате которой сербы в конце XIV века отстаивали независимость своего средневекового государства, некоторое время сохраняли свободу и христианскую веру под натиском Османской империи. С тех пор и по сей день битва за Косово, то есть за Сербию в Косово, является основополагающим политическим принципом у сербов. Таким образом, речь идет не только о борьбе за территорию, но и за идею, национальную, культурно-религиозную. А потому для представителей национал-патриотической оппозиции в Сербии стремление власти продолжать переговоры по статусу Косово на базе так называемого франко-германского проекта представляется проблематичным с точки зрения сербской идентичности.

Точка зрения оппозиции может быть сформулирована с помощью следующих вопросов. Если Сербия согласится на условия Запада по статусу Косово, смогут ли потомки вообще называться сербами, с учетом того что их лишат территории, которая исторически представляет собой самую сердцевину их культуры? Станет ли нынешнее поколение сербов первым в истории, допустившим это? Ответ власти заключается в том, что, если отказаться от переговоров с западными державами, Сербия вряд ли выживет как государство и у нее не будет возможности продол-

жать борьбу за Косово. Кроме того, как полагает власть в Сербии, в ходе переговоров можно добиться обеспечения условий физического выживания сербов в Косово благодаря формированию так называемого Сообщества сербских муниципалитетов, а также способствовать сохранению сербского православного наследия. Оппозиция возражает, что это не создаст предпосылок для будущей борьбы в целях возвращения Косово в правовые и политические рамки Сербии, поскольку следствием этого станет вытеснение сербов с территории Косово или их быстрая ассимиляция албанцами.

Отношение национал-патриотической оппозиции к косовскому кризису почти идентично позиции, которую в свое время отстаивал Слободан Милошевич. Эту позицию поддерживала в том числе и партия, к которой принадлежал нынешний Президент Вучич. Сегодня Вучича поддерживают тогдашние противники Милошевича, фанатичная проевропейская оппозиция и культурная элита в Сербии. Что касается ценностной ориентации, то речь идет о следующем: общая (терминальная) ценность для любой власти в Сербии с момента восстановления политического плюрализма в 1990 году, единая для всех, — материальное благосостояние. Инструментальные ценности (которые приобретают это качество как средство реализации какой-либо терминальной ценности) могут быть разными. Для Милошевича средством достижения благосостояния как терминальной ценности была защита государственных и национальных интересов, а следовательно, сохранение Косово. Инструментальной ценностью для Вучича является членство в Евросоюзе. Благодаря использованию этой инструментальной ценности, по его мнению, можно будет на основе достигнутого уровня благосостояния продолжить борьбу за Косово. Однако в ценностном плане Вучич совершает серьезную ошибку. Преувеличение значения «европейской идеи» в Сербии, которую из инструментальной ценности, являющейся лишь средством осуществления более общих ценностей, таких как благосостояние или самореализация человека и т.д., возводят в ранг высшей ценности. Таким образом, евроинтеграция Сербии приобретает самоценный статус и становится самоцелью. Это приведет к волюнтаризму в разных сферах жизни — к таким явлениям, как нереалистичные планы развития,

недооценка значения знаний и приватизация кадровой политики, нарушение конституционного порядка (по проблеме Косово), так что не будет достигнута терминальная ценность или главнейшая цель, достижению которой должна служить, по мнению Вучича, «европейская идея».

Литература

1. Гускова Е.Ю. Внешняя политика России в годы югославского кризиса 1985—1995. — СПб.: Владимир Даль, 2022. — 462 с.
2. Атлагић С. Теме као фактор изборне мотивације у Србији 1990—2014: Претпоставка рационалног избора у служби промоције лидера // Српска политичка мисао. — No. 2/2015 — С. 183—198. — URL: <https://www.ips.ac.rs/publications/teme-kaao-faktor-izborne-motivacije-u-srbiji-racionalnog-izbora-u-sluzbi-promocije-lidera/> (дата обращения: 01.01.2023).
3. Атлагић С., Сурчулија Милојевић Ј. Институционални услови конкуренције политичких идеја у Србији: Случај регулаторног тела за електронске медије // Српска политичка мисао. — No. 3/2018. — С. 61. — URL: <https://www.ips.ac.rs/publications/institucionalni-uslovi-konkurencije-politickih-ideja-u-srbiji-slucaj-regulatornog-tela-za-elektronske-medijeinstitucionalni-uslovi-konkurencije-politickih-ideja-u-srbiji-slucaj-regulatornog-tela-za/>.
4. Атлагић С. Трансформација јавне сфере и симболичка политика у савременој Србији / Стојановић Ђ., Атлагић С. (ред.) Политика и простор. — Београд: Институт за политичке студије, 2019. — С. 92—113. — URL: <https://www.ips.ac.rs/editions/politika-i-prostor/>.
5. Гускова: Вучић неће пристати на ултиматум — неће му дати ни народ, а Русија ће помоћи Србији да издржи // Факти. — URL: <http://fakti.org/sta-to-pisu/guskova-vucic-nese-pristati-na-ultimatum-nese-mu-dati-ni-narod-a-rusija-ce-pomoci-srbiji-da-izdrzi> (дата обращения: 26.01.2023).
6. Европска оријентација грађана Србије: испитивање јавног мњења (децембар 2022. године) / Република Србија, Министарство за европске интеграције. — URL: https://www.mei.gov.rs/upload/documents/nacionalna_dokumenta/istrazivanje_javnog_mnjenja/javno_mnjenje_dec_22.pdf. (дата обращения: 09.02.2023).
7. Истраживање НСПМ: Број грађана који сматрају да не треба увести санкције Русији порастао са 82.2 на 84 одсто! // Нова српска политичка мисао. — URL: <http://www.nspm.rs/hronika/istrazivanje-nspm-broj-gradjana-koji-smatraju-da-ne-treba-uvesti-sankcije-rusiji-porastao-sa-822-na-84-odsto.html> (дата обращения: 15.01.2023).
8. Истраживања јавног мњења. Србија — јесен 2022. НСПМ // Нова српска политичка мисао. — URL: <http://www.nspm.rs/istrazivanje-javnog-mnjenja/srbija-jesen-2022.html> (дата обращения: 25.01.2023).
9. Зашто нам је потребан дијалог о Косову и Метохији // Vučić.rs. — URL: <https://vucic.rs/Vesti/Najnovije/a1991-Zasto-nam-je-potreban-unutrasnji-dijalog-o-Kosovu-i-Metohiji-vucic.rs.html> (дата обращения: 24.01.2023).
10. “Francusko-nemački plan nije konačno rešenje” Völfgang Petrič: Nema ultimatumа, ali Srbija treba da odluči da li i dalje želi zapadne investicije // Blic. — URL: <https://www.blic.rs/vesti/politika/francusko-nemački-plan-nije-konacno-resenje-volfgang-petric-nema-ultimatum-a-li/qlt3v8p> (accessed: 29.01.2023).
11. Informer Stampano izdanje za dan 02.02.2023 // Informer. — URL: <https://informer.rs/stampano-izdanje/2466/2023-02-02>.
12. Novo jutro — Irina Vukotic — Dragan J. Vucicevic // YouTube. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aCT8FZDeZGA> (accessed: 01.02.2023).
13. Predsedniku Srbije rečeno: Ako prihvatiš, ulazite do 2030, ako ne prihvatiš...? // b92. — URL: https://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2023&mm=01&dd=30&nav_category=11&nav_id=2281635 (accessed: 30.01.2023).

14. Rezolucija Ujedinjenih nacija 1244 // UNMIK — Misija Ujedinjenih nacija na Kosovu. — URL: <https://unmik.unmissions.org/sr/rezolucija-ujedinjenih-nacija-1244> (accessed: 05.02.2023).
15. RSE uvid u francusko-nemački predlog: Bez pomena priznanja i članstva u UN // Radio Slobodna Evropa. — URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/srbija-kosovo-francusko-nemacki-predlog-dijalog/32171563.html> (accessed: 11.12.2022).
16. Sednica Skupštine o KiM, Vučić izneo plan od deset tačaka o politici u narednom periodu // RTS. — URL: <https://www.rts.rs/page/stories/sr/story/9/politika/5109089/skupstina-posebna-sednica-kim-vucic-poslanici-opozicija.html> (accessed: 02.02.2023).
17. *Slavujević Z.* Političko komuniciranje, politička propaganda, politički marketing. — Beograd: Grafocard, 2009. — P. 72.
18. *Slavujević Z., Atlagić S.* Vreme neispunjenih obećanja: Teme u izbornim kampanjama u Srbiji 1990—2014. — Beograd: Dobar naslov, 2015. — P. 165.
19. Vučić: “Petorka” je poručila da nam sledi prekid evropskih integracija i povlačenje investicija ako ne prihvatimo plan // EuronewsSerbia. — URL: <https://www.euronews.rs/srbija/politika/75727/vucic-petorka-je-porucila-da-nam-sledi-prekid-evropskih-integracija-i-povlacenje-investicija-ako-ne-prihvatimo-plan/vest> (accessed: 20.01.2023).
20. Vučić protiv zamrznutog konflikta, nevladine organizacije i podele Kosova // Insajder. — URL: <https://insajder.net/arhiva/vesti/vucic-protiv-zamrznutog-konflikta-nevladine-organizacije-i-protiv-podele-kosova> (accessed: 20.01.2023).
21. Vučić tvrdi da Putinovo pominjanje Kosova pojačava pritisak na Srbiju // Radio Slobodna Evropa. — URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/srbija-vucic-eu/31837840.html> (accessed: 05.02.2023).

Пономарев Владимир Александрович,

Советник Департамента Северной Америки,
Министерство иностранных дел
Российской Федерации, Москва.

Vladimir A. Ponomarev,

Counselor, Department of North America,
Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: vaponomarev@mid.ru

**РОЛЬ ГОСДЕПАРТАМЕНТА США И АГЕНТСТВА
США ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ В
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

**THE ROLE OF THE U.S. STATE DEPARTMENT AND THE
U.S. AGENCY FOR INTERNATIONAL DEVELOPMENT IN
NATIONAL POLICY IN THE POST-SOVIET SPACE**

Аннотация: в статье рассматривается роль Госдепартамента и Агентства США по международному развитию в американской внешней политике на постсоветском пространстве. Анализируются основные руководящие документы, цели и задачи данных органов. Из общей структуры вычленены подразделения, входящие в их состав и ответственные за формирование и реализацию внешнеполитического курса страны в бывших советских республиках. Определены особенности работы внешнеполитического ведомства в регионе.

Ключевые слова: внешняя политика США, Государственный департамент США, Агентство США по международному развитию, постсоветское пространство, продвижение демократии.

Abstract: the article examines the role of the U. S. State Department and U. S. Agency for International Development in national foreign policy in the post-Soviet space. Its main guidance documents, missions and objectives are highlighted. The main structural divisions are defined that are the part of the structure and are responsible for the elaboration and implementation of the country's foreign policy in former Soviet republics. The features of the activities of the foreign ministry in the region are determined.

Key words: U.S. foreign policy, U.S. Department of State, United States Agency for International Development, post-Soviet space, democracy promotion.

Введение

Ключевыми ведомствами, отвечающими за разработку и реализацию американской внешней политики, включая постсоветское пространство, выступают Госдепартамент США и структурно входящее в него Агентство США по международному развитию (АМР).

Основные задачи Госдепартамента — «защита и укрепление безопасности, благосостояния и демократических ценностей США, а также формирование международной среды для благополучия американцев» [27]. АМР отвечает «за продвижение и популяризацию демократических ценностей за рубежом, а также за создание свободного, миролюбивого и процветающего мира» [23].

Политикой США в отношении постсоветских стран занимаются многие подразделения Госдепартамента и Агентства. К постсоветскому пространству американцы причисляют все бывшие советские республики, за исключением стран Прибалтики, которую исторически относят к Восточной Европе [1].

***Руководящие документы, цели и задачи Госдепартамента
и Агентства по международному развитию
на постсоветском пространстве***

В своей деятельности Госдепартамент и Агентство руководствуются национальным законодательством (Конституция, Стратегия национальной безопасности, законы и указы) и внутриведомственной нормативно-правовой базой (планы, стратегии, концепции, руководства, инструкции и положения). Один из основополагающих документов, разрабатываемый самими этими учреждениями, — Совместный стратегический план, последняя версия которого на 2022—2026 финансовые годы была опубликована в марте 2022 года [20].

В нем поставлены следующие задачи: сохранение лидерства США и формирование коалиций из стран для решения глобальных проблем, которые оказывают наибольшее влияние на безопасность и благополучие американцев; формирование благоприятной международной среды для всеобщего процветания; развитие демократических институтов, отстаивание общечеловеческих ценностей; активизация деятельности дипломатического и административно-технического персонала, а также привлекаемых к сотрудничеству структур; обслуживание граждан США по всему миру и обеспечение безопасности их зарубежных поездок.

Нововведением администрации Дж. Байдена стал Указ Президента от 20 января 2021 г. № 13985 «О расовом равенстве

и поддержке малообеспеченных сообществ», который предписывает Госдепартаменту отслеживать ситуацию в других государствах на предмет «расовой справедливости» и «малообеспеченности» населения, а затем оказывать соответствующую помощь. На основании Указа внешнеполитическое ведомство разработало «План действий по обеспечению равенства» [18]. В нем обозначены пять приоритетов: помощь иностранным государствам; подготовка в рамках нового направления внешней политики соответствующих задач и их выполнение; консульская поддержка; заключение договоренностей со странами в данной области; выделение грантов.

В практической работе на постсоветском пространстве и в других регионах мира Госдепартамент и привлекаемые им по контакту организации полагаются на Руководство по внешнеполитической деятельности и разработанные на его основе инструкции. Первый документ касается базовых принципов общеполитической деятельности, а в инструкциях прописаны конкретные процедуры, обязанности и права подразделений и их сотрудников на основе американского законодательства.

Общие приоритеты Госдепартамента в отношении каждой страны приведены на официальном сайте организации. Так, США стремятся оказывать помощь Армении в укреплении демократических институтов, региональной стабильности, развитии связей с западными странами, торговых, инвестиционных и научно-технических связей, устойчивом и инклюзивном экономическом росте, интеграции страны в региональную и мировую экономику, а также поддерживают усилия Минской группы ОБСЕ по разрешению конфликта в Нагорном Карабахе [2].

В отношении Азербайджана обозначена нацеленность на продолжение совместной работы по укреплению европейской энергетической безопасности, расширению двусторонней торговли и инвестиций, развитию демократии, гражданского общества и помощи в экономической диверсификации, а также в области борьбы с терроризмом и транснациональными угрозами. Отдельный акцент делается на усилия по поиску прочного политического решения нагорно-карабахского конфликта через сопредседательство в Минской группе ОБСЕ, а также на содействие региональной стабильности, миру и процветанию [3].

Как отмечают в Госдепартаменте, в связи с авторитарным режимом А. Г. Лукашенко возможности американской внешней политики на белорусском направлении ограничены. В этих условиях фокус делается на борьбу с массовыми репрессиями и коррупцией, продвижение демократических ценностей, соблюдение прав человека за счет наращивания потенциала независимых СМИ и гражданского общества в Республике [4].

Углубление евроатлантических связей, демократических институтов и дальнейшее развитие рыночной экономики остаются главными приоритетами Госдепартамента в отношении Грузии. Предполагается также продолжить работу по созданию более привлекательного инвестиционного климата в стране и углублению двусторонних торговых отношений [19].

Американцы удовлетворены существующими прочными двусторонними связями с Казахстаном по широкому кругу вопросов и считают необходимым продолжить расширение стратегического партнерства. Американское правительство планирует сохранить помощь, нацеленную на борьбу с транснациональными угрозами (торговля людьми, наркотрафик, терроризм, распространение оружия массового уничтожения), развитие судебной системы и правоохранительных органов, повышение роли гражданского общества и СМИ, улучшение инвестиционного климата и торговой среды, производство дешевой экологически чистой энергии [21].

США поддерживают развитие в Киргизии инклюзивной демократии, основанной на верховенстве закона и уважении прав человека, отмечают успехи страны в создании сильного гражданского общества и свободных СМИ. Обращается внимание на важность борьбы с коррупцией, безработицей, бедностью, проблемой стареющей инфраструктуры и необходимость оказания в связи с этим помощи в укреплении демократических институтов, развитии экономики и торговых отношений, защите прав человека, улучшении ситуации в системах правосудия, здравоохранения и образования [22].

Выступая за суверенитет и территориальную целостность Республики Молдова, американская сторона поддерживает переговоры в формате «5+2» под руководством ОБСЕ по поиску всеобъемлющего урегулирования, которое обеспечит

особый статус «сепаратистского региона» Приднестровья в рамках одного государства. Планируется поддерживать демократические институты, способствовать экономическому росту, реформированию судебной системы и экономическому развитию [24].

С учетом нынешней деградации российско-американского диалога на официальной странице Госдепартамента приведена лишь хронология установления дипломатических отношений с СССР и Россией. Поскольку двустороннее экономическое взаимодействие приостановлено (по инициативе США), усилия американцев концентрируются на расследовании случаев дискриминации американских инвесторов в России, защите их интересов и оказании им помощи [29].

Достижение региональной стабильности и укрепление региональной экономической интеграции — главные приоритеты американской стороны в Центральной Азии, поэтому Вашингтон будет оказывать помощь странам этого региона, особенно Таджикистану, в развитии системы безопасности границ, борьбе с коррупцией, терроризмом, экстремизмом, наркотиками, создании современных систем здравоохранения и образования, развитии продовольственной и энергетической безопасности, а также будет стремиться улучшать инвестиционный климат и расширять торговлю [30].

Госдепартамент выделяет важное географическое положение Туркмении, имеющей общие границы с Афганистаном и Ираном, ее роль в качестве транспортного, гуманитарного и экономического связующего звена с Южной Азией, значительные запасы энергетических ресурсов. США видят потенциал развития экономического и энергетического взаимодействия, сотрудничества в программах пограничной и региональной безопасности, образовательных и культурных обменах. Наряду с этим высказывается критика властей страны за авторитарную политическую систему, коррупцию, централизацию экономики, отсутствие реформ, плохое состояние дел в области защиты прав человека и вероисповедания [31].

Предполагается сохранение взаимодействия с Узбекистаном в области укрепления систем пограничной и региональной безопасности, образовательных программ, борьбы с наркотра-

фиком, торговлей людьми, терроризмом и экстремизмом, улучшения инвестиционного климата и расширения торговли [37].

В контексте Украины отмечается ее «успех как свободного демократического государства с процветающей рыночной экономикой». Американцы намерены продолжать поддержку Киева в противостоянии российской «агрессии», укреплении демократических институтов, борьбе с коррупцией, создании условий для экономического роста, расширения взаимодействия с НАТО [32].

Агентство по международному развитию помимо национального законодательства и совместного с Госдепартаментом стратегического плана в своей деятельности на постсоветском пространстве руководствуется также стратегиями, концепциями, положениями, разрабатываемыми в тесном контакте с полевыми миссиями и организациями-партнерами. Обозначенные в них цели совпадают или дополняют внешнеполитические установки, утвержденные в Стратегии национальной безопасности США и в вышеуказанном Совместном стратегическом плане.

В отношении бывших советских республик Агентство применяет: региональные и страновые стратегии, Стратегию в области демократии, прав человека и управления, Положение о сотрудничестве с Министерством обороны, Стратегию в сфере цифровизации, Положение об оказании помощи зарубежным политическим партиям, Положение об укреплении потенциала партнеров на местах, Положение о взаимодействии с частным сектором, Положение о борьбе с сексуальной эксплуатацией и насилием, Положение о сотрудничестве в области науки, Положение о содействии экономическому росту, Положение о наращивании торговых отношений, Стратегию в области образования, Концепцию по цифровизации системы здравоохранения, Концепцию по сохранению здоровья матери и ребенка, Стратегию по искоренению голода и нищеты на 2014—2025 годы, Положение об укреплении системы здравоохранения, Положение об усилении роли молодежи в социальных и политических процессах, Положение о поддержке инвалидов, Положение о защите прав коренных народов, Концепцию о поддержке ЛГБТ, Положение о гендерном равенстве и расширении прав женщин, Стратегию в области климата [28].

При анализе этих документов можно выделить следующие приоритетные направления работы АМР на постсоветском про-

странстве: помощь государствам в области свободы слова, включая создание независимых демократических СМИ; увеличение числа правозащитников, НПО, активистов гражданского общества и политических партий либерального толка; создание справедливой судебной системы; защита прав человека, женщин, детей, инвалидов, коренных народов, представителей ЛГБТ-сообщества и религиозных свобод; проведение прозрачных выборов по западным стандартам; способствование экономическому росту и развитию рыночной экономики; борьба с коррупцией; формирование современных систем здравоохранения и образования.

Подразделения Госдепартамента США, вовлеченные во внешнюю политику на постсоветском пространстве

Основными территориальными подразделениями Госдепартамента, которые специализируются на европейской и азиатской проблематике, в том числе постсоветской, являются Управление по делам Европы и Евразии, а также Управление по делам Южной и Центральной Азии. Их возглавляют одноименные заместители заместителя госсекретаря, подчиняющиеся заместителю госсекретаря по политическим вопросам. В их состав входят территориальные и функциональные отделы.

В частности, в Управлении по делам Европы и Евразии имеются отделы стран Кавказа и региональных конфликтов (отвечает за Армению, Азербайджан и Грузию, а также за сопредседательство США в Минской группе ОБСЕ); России; Украины, Молдовы и Беларуси; координации помощи Европе и Евразии; политики и глобальных вопросов (отвечает за разработку политики и отслеживание международных проблем в Европейском регионе, стратегическое планирование, взаимодействие с Конгрессом); связей с прессой; общественной дипломатии; политики и региональных вопросов (курирует вопросы нераспространения и контроля над вооружениями, стратегическую безопасность, космическое сотрудничество); европейской безопасности и политических вопросов (защищает интересы США в области безопасности в Европе, НАТО и ОБСЕ) [15].

В Управлении по делам Южной и Центральной Азии проблематикой Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана

и Узбекистана занимаются отделы: Центральной Азии; контроля и координации; прессы и общественной дипломатии; региональных вопросов [17].

Под руководством заместителя Госсекретаря по делам гражданской безопасности, демократии и правам человека работают также подразделения, вовлеченные в политику США на постсоветском направлении, — управления по делам демократии, правам человека и трудовым отношениям; по конфликтам и операциям по их урегулированию; по борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом; по вопросам правоохранительных органов и международной борьбы с наркотиками; по проблемам населения, беженцев и миграции; по международному правосудию; по международным религиозным свободам; по мониторингу и борьбе с антисемитизмом; по мониторингу и борьбе с торговлей людьми [34].

С учетом того, что для расширения своих позиций на постсоветском пространстве Вашингтон активно использует политику «продвижения демократии», важная роль в этом процессе отведена Управлению по делам демократии, правам человека и трудовым отношениям. Несмотря на то что его официально обозначенной задачей является «отстаивание общечеловеческих ценностей, в том числе уважение верховенства закона, демократических институтов и прав человека» [14], на деле американцы, по сути, вмешиваются во внутренние дела постсоветских государств и навязывают западные стандарты.

Управление состоит из трех региональных отделов — Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии; Восточной Азии и Западного полушария; Африки и Европы, а также из шести функциональных — управления и финансирования программ; международных религиозных свобод; международных трудовых отношений и социальной ответственности; многосторонних и глобальных отношений; мониторинга антисемитизма и борьбы с ним; стратегического планирования и внешних отношений [14].

Управление разрабатывает и реализует программы по «продвижению демократии» в конкретных странах или регионах. В частности, оно выделяет гранты НПО, осуществляет контроль расходов получателей помощи, организует предоставление политического убежища, ведет мониторинг фактов дискримина-

ции, преследования лиц по религиозным убеждениям, проявления антисемитизма, нарушения трудовых прав, поддерживает профсоюзные движения, привлекает международные организации, взаимодействует с Конгрессом, американскими и зарубежными СМИ, НПО, а также с общественными движениями. Управление выпускает ежегодные доклады «О состоянии в области прав человека», «О свободе вероисповедания», «О торговле людьми» и «О поддержке США демократии и защите прав человека». В них оценивается состояние демократических процессов в каждом государстве и определяется целесообразность финансовой помощи. Зачастую выводы этих документов используются для давления на страны по проблематике прав человека, служат оправданием вмешательства американцев в дела независимых субъектов международной деятельности. Представители данного Управления работают в большинстве американских заграничных представительств в других странах, где, по мнению американских властей, существуют проблемы в области демократии [14].

За публичную дипломатию, связи с общественностью и информационно-пропагандистскую поддержку внешней политики США на постсоветском пространстве отвечают профильный заместитель Госсекретаря и находящиеся под его руководством управления — по делам образования и культуры; глобальных связей с общественностью; политики, планирования и ресурсов, — Консультативный комитет по публичной дипломатии, Отдел экспозиций и Центр глобального взаимодействия. На этом направлении важным инструментом распространения американских ценностей считаются разные обменные программы, реализуемые под патронажем Управления по вопросам образования и культуры [36].

На нынешнем этапе в рамках публичной дипломатии на постсоветском пространстве важная роль отводится Консультативному комитету Соединенных Штатов по публичной дипломатии, исполнительным директором которого назначена В. Уокер, признанный специалист в информационно-пропагандистской работе, работавшая как в американских НПО, так и в дипломатических заграничных учреждениях США в Армении, Казахстане, Таджикистане и Туркменистане.

Взаимодействуют со странами постсоветского пространства и другие подразделения Госдепартамента. Под руководством заместителя Госсекретаря по вопросам контроля над вооружениями и международной безопасности работают Управление по контролю над вооружениями, верификации и соблюдению договоров, Управление международной безопасности и нераспространения и Управление военно-политических вопросов [33].

Первое подразделение отвечает за предотвращение конфликтов, укрепление стратегической стабильности, соблюдение международных договоров, мер транспарентности и доверия, а также за международное взаимодействие в указанных областях. Второе — за предотвращение распространения оружия массового уничтожения, систем его доставки и передовых технологий в области обычных вооружений, разработку и внедрение мер реагирования на угрозы распространения. Третье — за сотрудничество в сфере международной безопасности, военные операции, разработку оборонных стратегий и планов, а также за военно-техническое сотрудничество в целях укрепления национальной безопасности [33].

Среди задач Управления по вопросам международной борьбы с наркотиками и правоохранительной деятельности на постсоветском пространстве значатся помощь в антикоррупционной борьбе, реформировании правоохранительных и судебных органов, укреплении верховенства закона и защите прав человека. Наибольших успехов, как считают сами американцы, они достигли в такого рода взаимодействиях в Грузии, Молдавии и на Украине [16].

Наиболее важным направлением деятельности Управления по конфликтам и операциям по стабилизации в постсоветских странах признано противодействие экстремизму [13].

В системе Госдепартамента функционирует целый ряд подразделений, в сферу интересов которых входит развитие отношений с бывшими советскими республиками в сферах экономики (Управление по экономике и бизнесу, Отдел экономических проблем), энергетики (Управление по энергетическим ресурсам), водных ресурсов (Управление водных ресурсов), окружающей среды (Управление науки и техники, Аппарат советника Госсекретаря по науке и технологиям, Отдел глобального партнерства). Их

работу и взаимодействие с постсоветскими государствами курирует заместитель Государственного секретаря по вопросам экономического роста, энергетики и окружающей среды [35].

Выделение средств другим государствам и негосударственным акторам в качестве иностранной помощи осуществляет подчиняющееся Госсекретарю и его заместителю Управление по иностранной помощи. Оно же ответственно за общую координацию финансирования политики США на постсоветском пространстве [25].

Роль Агентства США по международному развитию в американской политике на постсоветском пространстве

Агентство США по международному развитию, структурно входящее в Госдепартамент и подчиняющееся Госсекретарю, ведет активную деятельность в странах постсоветского пространства. Структура подразделений АМР, занимающихся бывшими советскими республиками, схожа с моделью Госдепартамента. В нее входят Управление по делам Европы и Евразии, Управление по делам Азии, Управление по развитию, демократии и инновациям, Управление по вопросам гуманитарной помощи, Управление по предотвращению конфликтов и стабилизации, Управление по глобальному здравоохранению, Управление по устойчивости и продовольственной безопасности, Управление по законодательным вопросам и связям с общественностью, Управление по вопросам иностранной помощи. Представители Агентства работают в миссиях АМР за рубежом или прикомандированы к дипломатическим загранучреждениям США в постсоветских странах [26].

Управление по делам Европы и Евразии и Управление по делам Азии имеют идентичную друг другу структуру и состоят из аппаратов руководителей управлений, отделов планирования, технической поддержки и по связям со странами регионов [5; 8].

В Управление по развитию, демократии и инновациям входят девять центров, которые оказывают бывшим республикам СССР помощь в области продвижения демократических преобразований, реформирования экономики, рынка, образования, энергетики, защиты окружающей среды. По их линии проводится соответствующее обучение иностранных граждан, осуществля-

ется сотрудничество с местными профильными организациями. Наиболее важное подразделение — Центр по делам демократии, правам человека и управлению — осуществляет руководство миссиями и представителями Агентства за рубежом. Его сотрудники направляются в политически нестабильные страны для содействия демократическим изменениям в интересах США [7].

Ресурсы Управления по вопросам гуманитарной помощи задействуются в случае кризисных явлений или стихийных бедствий в государствах региона, им оказывается поддержка, включая предоставление продовольствия, воды, жилья, медпомощи. При возникновении острой необходимости на постсоветском направлении могут быть задействованы Отдел Ближнего Востока, Северной Африки и Европы, Отдел глобальной политики, программ, партнерств и коммуникаций, Отдел полевых операций и реагирования, а также другие функциональные подразделения [10].

Основной задачей Управления по предотвращению конфликтов и стабилизации обозначено создание благоприятных и мирных условий для стабильного развития общества. В этих целях специалисты Управления оценивают ситуацию, разрабатывают и внедряют в постсоветских странах разные программы, оказывают финансовую и техническую помощь, чтобы нивелировать конфликтные ситуации в социальной, политической и других сферах, предотвратить или урегулировать конфликты. Управление состоит из Отдела административного управления, Отдела военно-гражданского сотрудничества, Центра по предотвращению конфликтов и насилия, Отдела планирования, Отдела инициатив для стран с переходной политической системой. Причем в обязанности последнего входит отслеживание в постсоветских странах внутривнутриполитической ситуации и внедрение в них демократических стандартов в интересах внешней политики США с опорой на местные силы [6].

Основные усилия Управления по глобальному здравоохранению сосредоточены на укреплении систем здравоохранения в постсоветских странах, внедрении в них инноваций и сосредоточены вокруг трех приоритетов: сокращение детской и материнской смертности, борьба с ВИЧ и борьба с инфекционными заболеваниями. В рамках подразделения созданы Аппарат руководителя, Центр инноваций, Отдел страновой поддержки, Отдел

программ в области здравоохранения, Отдел по вопросам ВИЧ, Отдел инфекционных заболеваний, Отдел охраны здоровья матери и ребенка и питания, Отдел политики и планирования, Отдел народонаселения и репродуктивного здоровья, Отдел профессионального развития и управленческой поддержки [38].

Помощь постсоветским странам в области сельскохозяйственного развития, обеспечения безопасности пищевых продуктов и воды, санитарии и гигиены идет по линии Управления по устойчивости и продовольственной безопасности. В рамках Управления существует три совета: по продовольствию; по устойчивости и по водным ресурсам, — а также ряд центров: по сельскохозяйственному росту, продовольственной и водной безопасности, санитарии и гигиене [12].

Управление по вопросам иностранной помощи действует в связке с одноименным Управлением Госдепартамента и координирует выделение всей внешней помощи США [9].

В контексте постсоветских стран Управление по законодательным вопросам и связям с общественностью ведет информационно-просветительскую работу, в том числе через медиаканалы и социальные сети, такие как Твиттер, Фейсбук и Инстаграм, популяризируя американскую внешнюю политику [11].

Об особенностях работы Госдепартамента и Агентства США по международному развитию на постсоветском пространстве

Деятельность Госдепартамента и Агентства по международному развитию на постсоветском пространстве регламентирована целым рядом законов и ведомственных актов, которые способствуют достижению целей и выполнению задач внешней политики США. Некоторые нормативно-правовые документы, разработанные для выстраивания отношений с СССР, действуют до сих пор, другие дополнены соответствующими поправками. В случае необходимости принимаются новые законодательные инициативы, которыми руководствуются Госдеп и АМР при активизации сотрудничества с бывшими советскими республиками.

Структура подразделений и их функциональные обязанности могут меняться с учетом реалий и в целях повышения эффективности их работы. Широкий спектр областей взаимодействия

Госдепартамента и АМР с правительственными и негосударственными организациями бывших советских республик позволяет американцам держать «руку на пульсе» политического климата постсоветских игроков, иметь рычаги влияния на внутренние дела вплоть до смещения неугодных «режимов». Разные американские обменные программы способствуют формированию прозападных местных элит, которые ориентированы на сотрудничество с США и дистанцирование от России.

На практике реализацией внешнеполитических установок в странах бывшего Советского Союза занимаются американские посольства и миссии АМР. В некоторых государствах, например в Российской Федерации, где деятельность Агентства признана нежелательной в 2012 году, его сотрудники прикомандированы к диппредставительству и действуют с его позиций. Если же дипломатических отношений на современном этапе нет или они приостановлены, как, например, с Белоруссией в 2022 году, внешнеполитические задачи Вашингтона решаются через представительства американских и местных НПО, подконтрольных Соединенным Штатам.

Активно используемые Государственным департаментом и Агентством по международному развитию неправительственные организации оказывают значительную поддержку реализации внешней политики США в регионе. Они привлекаются к разработке, оценке, прогнозам, их рекомендации используются во внешнеполитическом планировании. Большинство из них выступают в качестве инструментов «мягкой силы», за счет которой Госдепартамент и Агентство вмешиваются во внутренние дела постсоветских государств и воздействуют там на внутривнутриполитическую ситуацию в выгодном им ключе.

Отличительной чертой американского внешнеполитического механизма является постоянное перетекание кадров из Госдепартамента и АМР в НПО и их возвращение обратно. Такая практика позволяет более эффективно и слаженно «защищать» американские интересы в регионе, гибко реагировать на изменение обстановки и избегать шаблонов при принятии решений.

Значительная финансовая помощь постсоветским странам доказала свою эффективность в качестве мощного рычага реализации американских внешнеполитических установок. Зачастую под

благовидными предложениями поддержки других государств США на деле навязывают им свои подходы и ценности, вмешиваются во внутренние дела других стран. Под эти цели и задачи разработаны разные виды помощи и схемы ее выделения в зависимости от лояльности той или иной страны к Вашингтону. Помощь может оказываться Госдепартаментом и Агентством по международному развитию напрямую от имени Правительства США или завуалировано через неправительственные фонды и организации, а также в рамках различных грантов и обменных программ.

Заключение

Государства постсоветского пространства сохраняются в орбите национальных интересов США. Целый ряд подразделений Госдепартамента и АМР вовлечен в разработку и реализацию американской внешней политики в регионе. Их специализация на разных направлениях сотрудничества позволяет налаживать взаимодействие с бывшими советскими республиками по широкому кругу проблем. За счет этого удастся не только иметь более детальное представление о той или иной чувствительной области жизни страны, но и направлять ее развитие в нужное русло, привносить в деятельность западные практики и стандарты.

Государства постсоветского пространства фигурируют в основополагающих нормативно-правовых документах внешнеполитического ведомства и Агентства, которые регулярно обновляются. Законодательство США предусматривает выделение значительного финансирования на реализацию внешнеполитического курса в регионе.

Практические результаты деятельности Госдепартамента и Агентства по международному развитию, выраженные, прежде всего, в виде нахождения у власти ряда постсоветских стран прозападных режимов, которые дистанцируются от сотрудничества с Россией, а также наличие у американцев реальных рычагов влияния в регионе свидетельствуют об эффективности работы внешнеполитического ведомства и подчиненной ему организации.

Литература

1. Бернс У. Невидимая сила. Как работает американская дипломатия. — М.: Альпина Паблишер, 2020. — 14 с.

2. Armenia / Countries & Areas // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/countries-areas/armenia/>.
3. Azerbaijan / Countries & Areas // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/countries-areas/azerbaijan/>.
4. Belarus / Countries & Areas // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/countries-areas/belarus/>.
5. Bureau for Asia / Organization. About Us // USAID [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.usaid.gov/about-us/organization/asia/>.
6. Bureau for Conflict Prevention and Stabilization / Organization. About Us // USAID [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.usaid.gov/about-us/organization/bureau-conflict-prevention-and-stabilization/>.
7. Bureau for Development, Democracy, and Innovation / Organization. About Us // USAID [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.usaid.gov/about-us/organization/bureau-development-democracy-innovation/>.
8. Bureau for Europe and Eurasia / Organization. About Us // USAID [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.usaid.gov/about-us/organization/bureau-europe-eurasia/>.
9. Bureau for Foreign Assistance / Organization. About Us // USAID [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.usaid.gov/about-us/organization/foreign-assistance/>.
10. Bureau for Humanitarian Assistance / Organization. About Us // USAID [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.usaid.gov/about-us/organization/bureau-humanitarian-assistance/>.
11. Bureau for Legislative and Public Affairs / Organization. About Us // USAID [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.usaid.gov/about-us/organization/bureau-legislative-and-public-affairs/>.
12. Bureau for Resilience and Food Security / Organization. About Us // USAID [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.usaid.gov/about-us/organization/bureau-resilience-and-food-security/>.
13. Bureau of Conflict and Stabilization Operations / Under Secretary for Civilian Security, Democracy, and Human Rights. Bureaus & Offices // U.S. Department of State [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-civilian-security-democracy-and-human-rights/bureau-of-conflict-and-stabilization-operations/>.
14. Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor / Under Secretary for Civilian Security, Democracy, and Human Rights. Bureaus & Offices // U.S. Department of State [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-civilian-security-democracy-and-human-rights/bureau-of-democracy-human-rights-and-labor/>.
15. Bureau of European and Eurasian Affairs / Under Secretary for Political Affairs. Bureaus & Offices // U.S. Department of State [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-political-affairs/bureau-of-european-and-eurasian-affairs/>.
16. Bureau of International Narcotics and Law Enforcement Affairs / Under Secretary for Civilian Security, Democracy, and Human Rights. Bureaus & Offices // U.S. Department of State [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-civilian-security-democracy-and-human-rights/bureau-of-international-narcotics-and-law-enforcement-affairs/>.
17. Bureau of South and Central Asian Affairs / Under Secretary for Political Affairs. Bureaus & Offices // U.S. Department of State [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-political-affairs/bureau-of-south-and-central-asian-affairs/>.
18. Equity Action Plan // U.S. Department of State [official website], April 2022. — URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/04/Equity-Action-Plan/>.
19. Georgia / Countries & Areas // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/countries-areas/georgia/>.
20. Joint Strategic Plan / Our Mission. About the U.S. Department of State // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/joint-strategic-plan/>.

21. Kazakhstan / Countries & Areas // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/countries-areas/kazakhstan/>.
22. Kyrgyzstan / Countries & Areas // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/countries-areas/kyrgyzstan/>.
23. Mission, Vision and Values / About Us // USAID [official website], March 24, 2023. — URL: <https://www.usaid.gov/about-us/mission-vision-values/>.
24. Moldova / Countries & Areas // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/countries-areas/moldova/>.
25. Office of Foreign Assistance / Deputy Secretary of State for Management and Resources Bureaus & Offices // U.S. Department of State [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/secretary-of-state/office-of-foreign-assistance/>.
26. Organization / About Us // USAID [official website], March 24, 2023. — URL: <https://www.usaid.gov/about-us/organization/>.
27. Our Mission / About the U.S. Department of State // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/about/>.
28. Plans, Performance, Budget / About the U.S. Department of State // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/plans-performance-budget/>.
29. Russia / Countries & Areas // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/countries-areas/russia/>.
30. Tajikistan / Countries & Areas // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/countries-areas/tajikistan/>.
31. Turkmenistan / Countries & Areas // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/countries-areas/turkmenistan/>.
32. Ukraine / Countries & Areas // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/countries-areas/ukraine/>.
33. Under Secretary for Arms Control and International Security / Bureaus & Offices // U.S. Department of State [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-arms-control-and-international-security-affairs/>.
34. Under Secretary for Civilian Security, Democracy, and Human Rights / Bureaus & Offices // U.S. Department of State [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-civilian-security-democracy-and-human-rights/>.
35. Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment / Bureaus & Offices // U.S. Department of State [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-economic-growth-energy-and-the-environment/>.
36. Under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs / Bureaus & Offices // U.S. Department of State [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/>.
37. Uzbekistan / Countries & Areas // U.S. Department of State [official website], March 23, 2023. — URL: <https://www.state.gov/countries-areas/uzbekistan/>.
38. What We Do / Global Health. About Us / Leadership // USAID [official website], March 25, 2023. — URL: <https://www.usaid.gov/about-us/organization/bureau-global-health/>.

Белов Владимир Иванович,

доктор исторических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва.

Vladimir I. Belov,

Doctor of historical sciences, Professor,
RUDN University, Moscow.

E-mail: yurtaev_vi@pfur.ru

Ранджбар Мешкин Даниал,

аспирант,
Российский университет дружбы народов, Москва.

Daniyal M. Ranjbar,

PhD Student (International Relations),
RUDN University, Moscow.

E-mail: daniealranjbar@gmail.com

АНАЛИЗ ПОВЕДЕНИЯ ИРАНА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

ANALYSIS OF IRAN'S BEHAVIOR UNDER SANCTION PRESSURE

Аннотация: в статье анализируются поведенческие стратегии Ирана и Запада в процессе расширения санкционного режима против Исламской Республики Иран, особенно в связи с иранской атомной программой после 2002 года. Авторы, опираясь на положения неореализма и конструктивизма, показывают особенности развертывания санкционной политики Запада в отношении Ирана и встречной иранской дипломатии. В фокусе исследования — причины неэффективности эскалации санкционного давления со стороны Запада в отношении Ирана как метода в переговорном процессе. Показано, что игнорирование ценностного фактора в переговорном процессе по Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД) заставило Тегеран занять более жесткую позицию, апеллируя ко всей мощи иранского государства, что негативно сказалось и на динамике переговоров в формате 5+1 в целом.

Ключевые слова: санкции, Иран, США, союзники, ценности, неореализм, конструктивизм.

Abstract: the article analyzes the behavioral strategies of Iran and the West in expanding the sanctions regime against the Islamic Republic of Iran, especially concerning the Iranian nuclear program after 2002. The authors, relying on the provisions of neorealism and constructivism, show the features of deploying the West's sanctions policy against Iran and counter Iranian diplomacy. The focus of the study is the reasons for the ineffectiveness of the escalation of sanctions pressure from the West against Iran as a method in the negotiation process. It is shown that ignoring the value factor in the negotiation process on the JCPOA forced Tehran to take a tougher stance, appealing to the full power of the Iranian state, which negatively affected the dynamics of negotiations in the 5 + 1 format as a whole.

Key words: sanctions, Iran, US, allies, values, neo-realism, constructivism.

Introduction

The relationship between the Islamic Republic of Iran and the United States has included sanctions from its very beginning. After the 1979 Islamic revolution in Iran, the pressure policy entered the diplomatic strategy of the United States and Western allies. Although, using a sanction policy toward Iran does not limit to the sanctions from the USA. Besides sanctions from the USA, two other main authorities imposed sanctions against Iran: The European Union and the United Nations [17].

Some European countries joined the sanction policy in the case of Iran in 1988. However, the European Union imposed sanctions against Iran for the first time in 2006 to complement the UN sanctions. The UN sanctions toward Iran were first imposed in 2006 by the UN Security Council resolution 1737 [3]. So, since 2006, sanction policies have become a fundamental challenge between Iran and the West. The onslaught of sanctions was intensified with the advancement of Iran's nuclear program and United Nations Security Council resolutions (2007, 2008, 2010, 2015) in the field [14]. In this research work, we have considered sanctions of the West concerning Iran.

Although, in 2003, following the resolution of the International Atomic Energy Agency (IAEA), which calls Iran to suspend any nuclear activities, Iran negotiated with IAEA and European foreign ministers. As a result, Iran agreed to suspend its nuclear activities and provide access to all sites in the country to the IAEA to monitor Iran's uranium-enrichment activities [12]. However, European countries demanded more than the 2003 agreement. In this regard, the Iranian government decided not to sign any agreement with European countries. As a result, by accusing the Iranian government of disturbing the international system's rules, European countries and the UN decided to use a sanction policy.

One of the main objective of the West's pressure policy toward Iran is to change the Islamic Republic's political ideology and decision-making [13]. The values, such as dignity, independence, and fight against the oppressor, put Iran in the opposite side of western secular values and the unipolar system of the United States [16].

Although, sanctions put harmful effects on economic and politics of Iran, the Iranian government did not change its attitudes according Western requirements. The foreign policy of Iran followed the Is-

Islamic Revolution's values that believes sanctions are opportunities. Now the main question is why, with the increase of sanctions and punishments against Iran, the West cannot change Iran's policy. Iran not only survived the West's isolation policy and did not change its policy according to western needs, but Iran's diplomacy found more opportunities and followers in the international community. In response to this question, other secondary questions are also raised, such as why the West cannot understand Iran's behavior and the reason for its insistence on its positions.

The primary purpose of this article is to investigate the issue of sanctions on Iran by the West and Iran's response. In this regard, we will examine the western behavioral framework and study Iran's diplomacy under pressure using the psychological constructivist perspective and its implementation.

Constructivism in general is more relevant to case of Iran because its recognize that state behavior is not just under influence of material factors but also non-material factors such as norms, values, and identities are essential too [9]. Also, Constructivism can provide insight how identity factors such as Shia Muslim state, history, and cultural ties to the Muslim world, shape Iran's foreign policy decisions. Constructivism recognizes the importance of social interactions and the power of ideas in shaping state behavior [8]. Iran's foreign policy is often characterized by its resistance to Western hegemony and its emphasis on anti-imperialism.

The constructivist view sees dignity and prestige as social constructs with different criteria at different times and among different governments. Factors such as power, wealth, human rights, revolutionary ideals, and religious values can be the basis of dignity. According to this idea, international relations is a field of competition for different perceptions of dignity [5].

For taking into account the objectives of this article, the best instrument to analyze the Iran's behavior in the nuclear deal is Psychological Constructivism. Psychological constructivism is an approach that will examine the reasons for Iran's reciprocity in the discussion of sanctions, punishments, and negotiations within its framework. In addition to material factors, this approach deals with norms, national values, and other issues that are neglected in other approaches [7].

Analysis of the Western Behavioral Framework

As tensions and negotiations continued, the sanctions covered more and different sectors of Iran. The sanction of the West toward Iran started with diplomatic and economic embargoes. Later, the West spread the category of sanctions against Iran by adding embargoes in the financial, military, and energy spheres. In this regard, except for the sanctions by the United States and Western allies, Iran also received international resolutions and pressures from the United Nations. Such a behavioral framework is at the root of realism and neorealism ideas. According to these theories, increasing the pressure against a government that disturbs the international system's rules is reasonable and necessary.

The dominant views of the West consider governments as actors that follow rational choices. From the point of view of these schools, countries choose their following policy by calculating the benefits of their behavior and the costs of international sanctions. If the costs of sanctions outweigh the benefits of the behavior opposed by the international community, the government in question will adjust its behavior and take action to change it. Nevertheless, if the benefit of the previous behavior is more than the sanctions costs, it is more logical to continue the previous behavior. International sanctions are a message to the target government to change its behavior or witness more severe measures.

However, the ideology and values that the Islamic Republic spread in Iran reject this behavioral framework.

Neo-realists have tried to provide models to analyze interactions between the West and Iran's actions. In the view of neo-realists, the primary assumption is a security concern, and they explain international relations with the policy of stronger countries against weaker countries. On the other hand, although we can see the footprint of the value factor in Morgenthau's Realist Theory, the lack of attention to the issues of norms, beliefs, and values, compared to material factors, is visible in the Western behavioral framework.

Additionally, one of the unique aspects of the Iranian foreign policy is the influence of its rich history and culture in foreign policy decisions. The neorealism does not take into account such specific factors that shape Iranian foreign policy. Also, according to neorealism,

states are rational actors that want to maximize their security and power in the global community [15].

The main factor in the increase of sanctions against Iran has been the issue of Iran's nuclear program and the West's concern regarding the Prohibition of weapons proliferation. According to neorealism, the violation of non-proliferation by the enemy will face a more severe reaction than its violation by the allies. As one of the neo-realists, Drezner states [2, p. 23] that the expectation of countries for future conflicts and the possible costs that they may pay in the event of a stalemate are the main reasons for the implementation and success of sanctions.

Furthermore, the neorealism idea toward sanction policy uses the term "Sanction Paradox". The paradox is that sanctions are often more successful against allied countries than against enemy countries. Because of the relative benefit involved, allies acquiesce more easily than enemies. The Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA) counts as proof of the use of the "Sanction Paradox" in the international community. Under this federal law, the United States can impose sanctions against any country with North Korea, Iran, and Russia transactions. In this regard, allies of the USA face complications and surrender easily, even before any sanctions are imposed. The Philippines, as one of the oldest allies of the United States, decided to drop the purchase of military helicopters from the Russian Federation because of the US threat of Sanctions [2].

Neo-realism is also discussed concerning the consequences of the embargo on the West's economy and finances. The lower the expected costs (immediate or future), the more likely it is to consider sanctions as a favorable option. Conversely, the higher the cost, the less likely sanctions will be applied. Historically, when the interests of the United States were under threat, economic costs have not prevented this country from imposing sanctions. Imposing trade sanctions on China in 2020 counts as such an attitude.

One of the main neorealism ideas about sanctions is that the more the country violates international rules and structures, the more important a threat it is to the big powers, especially the European Union and the United States, and the higher the possibility of sanctioning it [4]. According to the mentioned idea, security concerns have always been important for neorealist. Iran's nuclear activities and support of Islamic groups, such as Lebanon's Hezbollah, seek to threaten the

national interests of Western countries, including Israel, and the interests of the United States in the Middle East region. Neo-realists have tried various sanctions to persuade Iran to stop its activities that threaten the interests of the West.

According to neorealism, enemies are likely to be sanctioned more severely than allies [4]. Since Iran is not a trade partner of the USA and also counts as not a friendly country, imposing the maximum sanctions on this country can be easy.

On the other hand, China and Russia are trying to balance these sanctions and prevent war due to having more interests than the West in Iran. According to the neo-realists, until the security concern is resolved and a volume of commercial and economic exchanges is created that is a guarantee to prevent tension, the range of sanctions and coercion will continue. On the other hand, Iran, due to its geopolitical position in the region as well as the democratic religious system that governs it, is important for the West, and it is also considered a great danger. As a result, we are witnessing sanctions and strong pressures toward Iran.

Neoliberal institutionalism is known as institutionalism, which puts forward hypotheses similar to neorealism about instrumental rationalism in the behavior of countries and the worldly structure based on relations between countries. In its simplest form, neoliberal institutionalism emphasizes the role of institutions at the international level and the hypothesis of the same agent. For example, neoliberal institutionalism refers to the part of international institutions in the Iran sanctions debate. Neoliberal institutionalism states that for sanctions to be more effective in persuading Iran, sanctions should be placed in the framework of international institutions such as the Security Council. Collaboration reduces costs and shares risks.

In a situation where the leading implementer agrees to pay a higher cost against the imposition of sanctions on Iran, this issue increases the credibility of the United States. It encourages other countries to follow the American path. In neoliberal institutionalism, it is assumed that the European Union and the United States seek multilateral sanctions whenever possible and do not exceed the sanctions of the United Nations except when such an action does not entail any costs for them. Multilateralism is an essential issue in boycotts because it is said to increase the impact of sanctions. As the number of trading

partners participating in a sanction increases, the threat's credibility against the target country will increase [1].

In the West's behavioral debate regarding the sanctions against Iran, we can see the streaks of neo-realism and neo-liberal institutionalism. Iran is where we witness the application of neorealism. From the point of view of power, these countries and the United States want to talk and set preconditions in their negotiations with Iran or those who have security concerns and consistently seek to punish them due to their security interests. Since they always seek to bring the issue to the Security Council, punish Iran to the maximum, and share the cost of these punishments with other countries to pressure Iran, we see the footprints of neoliberalism and neoliberal institutionalism.

In the end, the sanctions of the West, especially the United States, considering the lack of significant economic exchange between Iran and the United States, in case of renewed sanctions by Congress, will not harm the United States, or it will be very little. The type of behavior of the United States evokes influence and action based on neorealism and neoliberal institutionalism.

Analysis of Iran's Response to Sanction Pressure

Considering that the behavior of great powers can be derived from the dominant approaches in international relations, such as neo-realism, we decided to address a policy separate from the dominant approach in this article. Because this approach has many problems; mainly, it needs to analyze the interaction of many countries and recognize the values, positions, or immaterial things.

By reviewing history, we can see the desire to gain dignity and honor among heads of countries. On the other hand, calculations of international theories, such as realism, and neorealism, are based only on material factors. It makes them unable to interpret and analyze many actions of different countries over time. For this reason, we can better understand Iran's diplomacy toward sanctions and the Western behavioral framework in this regard.

With the increase of Western sanctions, it is clear that changing Iran's politics is becoming harder, and the diplomacy of this country goes far more than the expectation of the West. However, by increasing the dialogue and diplomatic solutions that are based on honors, the interest of Iran increases too.

This issue is not explained by realism and neorealism. This is because the discussion of dignity, national pride, and honor has been ignored by these ideas. That's the main reason that the West cannot understand Iran's diplomatic behavior toward sanction pressure.

The discussion of dignity and honor has existed in the view of many countries, including Iran. The concept and understanding of honor and dignity are different between Iran and West. In the West, dignity and honor more linked to the individual reputation and achievement, rather than to a collective sense of pride and identity. In Iran, honor ties to sense of national pride and identity, as well as to religious and cultural values. On the other hand, in Iran dignity is linked to the sense of self-respect, and autonomy. It rejects any external interference in Iranian affairs [17].

Because of that, the issue of honor and dignity has become the leading cause of the West's challenge to Iran today. Iran sees itself as an independent and sovereign nation and is wary of external interference in its affairs. The West, however, often sees Iran as a potential threat to its own interests and security and may seek to impose its own values and ideals on Iran.

The USA has always avoided the formation of a powerful and independent country in the Middle East region and has never wanted such a country to be created in this region, on the other hand, what can be described as the leading cause of conflict and confrontational behavior between Iran and the West is honor and pride, not fear. Iranian officials have repeatedly stated that the fear of Iran's progress and the prevention of national power and Islamic pride is the cause of various sanctions related to Iran's nuclear case. This is clear in the words of the Supreme Leader of the Islamic Republic of Iran, who says: "The US knows that the idea of Iran producing atomic bombs is not real. They are afraid of a powerful and independent Iran that is technologically advanced. They try to keep Iran in need and create chaos to stop its progress. However, the Iranian people believe that they have a right to modern nuclear energy and technology, and nothing beyond that" [11].

What is essential from the point of view of the leaders of the West is the discussion of interests, power, and security. On the other hand, what is essential for Iran is the dignity, honor, and pride of the Islamic society. These contradictions have caused interaction, and as a re-

sult, we can witness the formation of a coalition of powerful world governments against Iran, followed by various sanctions. Iran is willing to pay any price to defend these values.

Regarding values, we can refer to Iran's Supreme Leader's guidelines. Ali Khamenei, regarding the nuclear program and sanction pressures, emphasizes the honor and dignity of the Iranian nation, all indicating the existence of high human and Islamic values in the foreign policy of the Islamic Republic of Iran. For example, here we can mention one of his guidelines in the meeting with nuclear scientists: "Your work is important because it instills a sense of national pride in our country, which is crucial. When a nation loses its self-respect and accepts the domination of others, it forgets its worth. But when a people feel that their dignity has been trampled, they will rise up again and cannot be forced to sit down. The revolution gave our nation and country self-respect, despite those who tried to undermine us. Your work on the nuclear program has contributed to this self-respect and shows that we can make progress and stand tall in the world. This is one of the important aspects of the significance of your work" [10].

By looking at international relations from a cultural point of view, we can understand that sometimes cultures that are formed can be in conflict with other values. For instance, Islamic values are in conflict with Western secular values. The root of the conflict is not necessarily about interest or fear; it can be about glory and honor.

Societies based on honor and seeking power may also function more or less appropriately. An imbalance in the pursuit of pride can bring competition within societies to the point where they fear losing their dignity or even their position. An imbalance in the direction of desires can lead to competition from other activists and form hatred. Consequently, tension escalates, leading to the same fear initially experienced due to the imbalance in the pursuit of honor. Subsequently, this fear culminates in violence and war. Thus, at every level, these cycles of the consolidation and decline of social order take shape [6].

We should not view human motives only from one dimension in international relations. Honor and status in international relations, manifestations of bravery in Plato's work, are no less important than interests. These three should be considered, along with fear. As a result,

honor and dignity should also be considered along with security, emphasized by realism and neo-realism in international relations.

Conclusion

The main argument of this article was that what governs the Western views concerning other countries, including the Islamic Republic of Iran, is based on the view of realism, and neorealism, which was discussed in this research. The West only emphasize materialism and Western secular values and try to persuade other countries to follow these principles regardless of their own values. In turn, one of the main factors that shaped values in Iran is the Islamic ideology of this country that came along with the Islamic Revolution. The West always criticizes it and, paid no attention to such ideas regarding them as some kind of Iranian specifics.

Generally, the behavior and responses of Iran to sanction pressures considered from two aspects.

However, the first aspect is the targeted sanctions of the West against Iran. The purpose of these sanctions is to Iran's national security in the domestic sphere. The way to boycott banks is to put economic pressure on the people, their dissatisfaction with the government, and show the executive branch's incompetence. In the international sphere, through sanctions on defense industries, missile industries and restricting Iran in the military debate, it is done with the aim of disrupting the balance of power in the region to the detriment of the Islamic Republic of Iran. All this is because the goal of the West is actually to overthrow the government of Islamic Republic of Iran.

Second, with the help of psychological constructivism, it became possible to highlight the role of the non-material approach of the Islamic Republic of Iran in front of the Western material gains and losses logic in the negotiation process. West believes that values in Iran are not just different from the Western, and they should not be taking to the account when the interests are on the top of the matter.

In this regard, we can say that Iran not change its responses to the pressures according to the expectation of the West and withstand at the presence of material based Western perspective or secular values such as security, dominance, wealth, democracy. The non-acceptance by the West of the values governing the Islamic Republic of Iran

system has exacerbated the current conflict. Because of that, the West only considered its own values in negotiations with Iran. In turn, the Islamic Republic of Iran's values, including honor, national pride, martyrdom, and others, stand in front of Western secular approach.

As a result, when in negotiations between Iran and the West there was no consideration of values, Iran stood up to sanctions and negotiations with threats, and the international community faced Iran's intensified responses. The JCPOA was signed by Iran only when along with security, there were considerations about respect, honor, and dignity.

References

1. *Axelrod R.* The Evolution of Cooperation // Academy of Management. — Vol. 10. — 1985. — No. 2. — URL: <https://www.jstor.org/stable/257983> (accessed: 05.01.2023).
2. *Drezner D.W.* The Sanction Paradox / University of Chicago, 1999. Online Publication Cambridge University Press. — 2010. — 342 p. — URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511549366> (accessed: 03.01.2023).
3. *Duncan A.* The Iran (Sanctions) (Nuclear) (Eu Exit) Regulations // Report Under Section 2 (4) of the Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018. — 2019. — URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2019/461/pdfs/uksiod_20190461_en.pdf (accessed: 27.04.2023).
4. *Ellings R.J.* Embargoes and World Power: Lessons from America Foreign Policy // Westview Special Studies in International Relations. — 1985. — URL: https://www.researchgate.net/publication/334899418_Embargoes_and_World_Power (accessed: 03.01.2023).
5. *Hymans J.E.C.* The arrival of psychological constructivism. — Cambridge University Press, 2010. — URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-theory/article/abs/arrival-of-psychological-constructivism/8EB84C7ACD40BDF21431F36895B69F4A> (accessed: 04.01.2023).
6. *Lebow R.N.* A Cultural Theory of International Relations. — Cambridge University Press, 2008. — URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511575174> (accessed: 03.01.2023).
7. *Lebow R.N.* Fear, Interest, and Honor: Outlines of a Theory of International Relations. — Oxford University Press on behalf of the Royal Institute of International Affairs, 2006. — Vol. 82. — No. 3. — URL: <https://www.jstor.org/stable/3874260> (accessed: 06.01.2023).
8. *Lektorsky V.A.* Constructivism vs Realism // Epistemology & Philosophy of Science. — 2015. — No. 1 (43). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktivizm-vs-realizm> (accessed: 04.01.2023).
9. *Shannon V.P., Kowert P.A.* Psychology and Constructivism in International Relations. — University of Michigan Press, 2011. — URL: <https://doi.org/10.3998/mpub.3212291> (accessed: 05.01.2023).
10. Statements at the meeting of nuclear scientists / Office for Preservation and Publication of the Works of Ayatollah Ali Khamenei. — 22.02.2012. — URL: <https://khl.ink/f/19124> (accessed: 05.01.2023).
11. Statements in the community of pilgrims and nearby Mashhad / Office for Preservation and Publication of the Works of Ayatollah Ali Khamenei. — 21.03.2019. — URL: <https://khl.ink/f/42061> (accessed: 05.01.2023).
12. Timeline of Nuclear Diplomacy with Iran / Arms Control Association // Armscontrol.org. [official website]. — 2022. — URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/Timeline-of-Nuclear-Diplomacy-With-Iran> (accessed: 27.04.2023).
13. *Trenin D., Malashenko A.* Iran: A View from Moscow / Carnegie Endowment for International Peace. — 2010. — URL: https://carnegieendowment.org/files/iran_view_moscow.pdf (accessed: 03.01.2023).

14. UN Security Council Resolutions on Iran / Arms Control Association // Armscontrol.org. [official website]. — 2022. — URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/Security-Council-Resolutions-on-Iran#res1737> (accessed: 27.04.2023).
15. *Valizadeh A.* Prohibition of expansion in theories of international relations // Politics Journal of University of Law and Political Sciences. — 2017. — No. 6. — URL: <http://noo.rs/JTt5e> (accessed: 04.01.2023).
16. *Yazdanfam M.* International Sanctions and the Islamic Republic of Iran's National Security // Strategic Studies Quarterly. — Vol. 9. — 2007. — No. 34. — URL: http://quarterly.risstudies.org/article_965.html?lang=en (accessed: 04.01.2023).
17. *Yurtaev V.I.* Islamization as a factor in Iran's foreign policy // Aspect Press. — 2018.

Микаелян Арман Артакович,

кандидат исторических наук,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва.

Arman A. Mikaelyan,

PhD (History),
Moscow State Institute of International Relations (University) (Russia), Moscow.
E-mail: mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

**ИЗРАИЛЬ – ОАЭ – ИНДИЯ:
ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА****ISRAEL – UAE – INDIA:
PROSPECTS FOR COOPERATION**

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу развития сотрудничества между Израилем, ОАЭ и Индией. Автор рассматривает развитие и нынешнее состояние отношений на двухстороннем треке (Израиль/Индия; Израиль/ОАЭ и Индия/ОАЭ), выделяя основные сферы сотрудничества рассматриваемых стран. Автор отмечает позитивный эффект от нормализации отношений между ОАЭ и Израилем. Установление дипломатических отношений открыло новые перспективы для сотрудничества, которые отвечали интересам как Израиля, Индии и ОАЭ, так и США. В исследовании выделяются основные сферы трехстороннего сотрудничества, в частности формат I2U2 с участием Вашингтона и создание продовольственного коридора «Индия — ОАЭ — Израиль», реализация которого внесет свой вклад в обеспечение международной продовольственной безопасности. Сотрудничество трех стран может привести к строительству крупных инфраструктурных проектов, объединяющих друг с другом регионы (Южная Азия, Ближний Восток и Европа): от строительства и развития новых ферм с использованием израильских и американских высоких технологий и предприятий по переработке в ОАЭ до модернизации портов и создания железнодорожной линии, которая свяжет Хайфу с Дубаем.

Ключевые слова: внешняя политика Израиля, Израиль, Индия, ОАЭ, США, Ближний Восток, Азия.

Abstract: the article analyses cooperation between Israel, the UAE and India. The author takes a look at the development and current state of relations on bilateral track (Israel/India; Israel/UAE and India/UAE) emphasizing major fields of cooperation of the above-mentioned states. The article stresses the positive effect stemming from Israeli-Emirati normalization. The establishment of diplomatic relations between Israel and the UAE opened up new prospects for cooperation that met Israel's, India's and the UAE's interests as well as that of the US. The analysis highlights main fields of trilateral partnership namely the framework of I2U2 involving among Washington, and the creation of food corridor "India — the UAE — Israel", that is to contribute to global food security. Trilateral cooperation may also lead to implementation of huge infrastructure projects that might connect together whole regions (South Asia, the Middle East, Europe): from building new farms in India making use of Israeli and US-made technologies and food processing facilities in the UAE to modernizing ports and creating new railway that will connect Haifa with Dubai.

Key words: Israel's Foreign Policy, Israel, India, The UAE, The USA, The Middle East, Asia.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке грантового проекта ИМИ № 2025-04-02 «История, современное состояние и перспективы развития взаимоотношений Израиля и неисламских стран Азии».

Введение

На фоне глобальных изменений, которым подвергается в последние годы система международных отношений, на мировой арене появляются новые форматы сотрудничества, которые тяжело было представить всего лишь 10 или 20 лет назад. В этом контексте внимания заслуживает трехстороннее сотрудничество между Израилем, ОАЭ и Индией.

Впервые в официальной сфере рассматриваемый формат сотрудничества был установлен между странами в мае 2021 года после подписания трехстороннего соглашения. Согласно данному контракту, инициированному индо-израильской торговой палатой, израильская компания «Есорриа», занимающаяся в Индии разработкой роботизированных технологий по очистке солнечных панелей, поставит продукцию в ОАЭ [20]. В то же время сам трехсторонний формат (Израиль, ОАЭ и Индия) оказывал влияние на развитие израильско-индийских отношений еще до установления дипломатических отношений между Тель-Авивом и Нью-Дели.

В частности, возможность негативной реакции арабских стран (в том числе ОАЭ и других монархий Персидского залива), занимавших в период холодной войны антиизраильскую позицию, препятствовала установлению официальных контактов между Израилем и Индией. Отношения с арабскими странами были важны для Нью-Дели как с экономической точки зрения, так и в целях недопущения использования Исламабадом фактора исламской солидарности в контексте индийско-пакистанского конфликта [2, с. 261]. Отметим также, что в статье представителя Всемирного еврейского конгресса И. Лейблера о его встрече с И. Ганди в 1981 году приводится цитата главы индийского Правительства, в котором она заявляет, что арабские страны, включая ОАЭ, настаивают на закрытии консульства Израиля в Бомбее [24, с. 145].

Двусторонние интересы

Израиль, Индию и ОАЭ объединяет ряд общих интересов. Так, например, Израиль и Индия, несмотря на установление дипломатических отношений между странами всего лишь в 1992 году, являются стратегическими партнерами, при этом официально страны дали подобную характеристику двусторонним от-

ношениям в 2017 году во время визита премьер-министра Индии Н. Моди в Израиль [19]. Можно с большой долей уверенности утверждать, что выход израильско-индийского сотрудничества на стратегический уровень произошел еще в 2014 году, после прихода к власти Н. Моди, чья внешняя политика по отношению к Израилю привела к качественному улучшению двусторонних отношений. Такой вывод можно сделать, сравнивая количество межправительственных соглашений, подписанных в период 1992—2014 годов (13 документов) и после 2014 года (25 документов) [11]. Более того, Индия, согласно данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира, является крупнейшим импортером израильских вооружений — на ее долю приходится примерно 37% от всего экспорта оружия из Израиля в период с 2017 по 2021 год [32, с. 2]. Важное значение имеет сотрудничество стран в сфере высоких технологий, в особенности в вопросах использования израильских технологий эффективного ведения сельского хозяйства. Таким образом, Израиль для Индии — это страна, владеющая передовыми технологиями в гражданской и военной сферах и, самое главное, готовая к тесному сотрудничеству с Нью-Дели [6, с. 127—130].

Интерес вызывает Израиль и ОАЭ, дипломатические отношения между которыми были установлены после подписания «Соглашений Авраама» 2020 года и считаются важным достижением израильской дипломатии и прорывом в отношениях с арабским миром. В мае 2022 года страны подписали соглашение о зоне свободной торговли, которое позволило убрать 96% тарифов в двусторонней торговле [7]. В то же время объем товарооборота между Израилем и ОАЭ достиг в первой половине 2022 года показателя в 2,5 млрд долл. США [1]. Как в случае с Индией, Объединенные Арабские Эмираты заинтересованы в сотрудничестве с Израилем ввиду передовых израильских высокотехнологических разработок в военной и гражданской сферах. В частности, в 2021 году израильская военно-промышленная компания «Israel Aerospace Industries» (IAI) подписала меморандум о взаимопонимании с эмиратской компанией «Emirates Defense Technology Group» (EDGE) о совместной разработке беспилотных надводных кораблей [14]. Более того, нормализация отношений Израиля с ОАЭ и Бахрейном в рамках «Соглашений Авраама» может

со временем привести к установлению официальных дипломатических отношений Тель-Авива с другими монархиями Персидского залива, в частности с Саудовской Аравией.

Что касается двусторонних отношений между ОАЭ и Индией, то Абу-Даби является одним из крупнейших экономических партнеров Нью-Дели. Так, например, в 2019 году ряд эмиратских компаний во главе с компанией «Emaar Group» приняли решение инвестировать 7 млрд долл. США в пищевую промышленность и сельскохозяйственную сферу Индии в целях создания продовольственного коридора из Индии в ОАЭ [34]. В феврале 2022 года стороны подписали соглашение о Всеобъемлющем экономическом партнерстве, которое акцентировало внимание на создании продовольственного коридора и сотрудничестве в ряде сфер, включая энергетику, высокие технологии и вопросы обороны [36]. В целом, согласно статистическим данным Министерства торговли и промышленности Индии, объем товарооборота между странами в период 2021—2022 годов составил 72,8 млрд долл. США, при этом ОАЭ является третьим крупнейшим партнером Индии в торгово-экономической сфере, уступая по объему торговли только КНР (115 млрд долл. США) и США (119,4 млрд долл. США) [15]. Более того, большое количество граждан Индии, примерно 3—4 млн, работают в странах Персидского залива, в частности в ОАЭ, Кувейте и Саудовской Аравии [23, с. 189]. Важное значение ОАЭ как торгово-экономического партнера приводит к большому числу контактов на высшем уровне. Так, в 2016 и 2017 годах наследный принц Абу-Даби, М. бин Зайед, дважды посетил Индию, при этом в 2017 году он посетил страну в качестве почетного гостя по случаю празднования Дня независимости Индии. Премьер-министр Н. Моди в свою очередь посетил ОАЭ четыре раза: в августе 2015 года, феврале 2018-го, августе 2019-го и в июне 2022 года [29]. Примечательно, что в ходе визита в Абу-Даби в 2019 году главе Индии была вручена высшая государственная награда ОАЭ, Орден Зайеда [31, с. 2].

Трехстороннее сотрудничество

Нормализация израильско-эмиратских отношений в результате подписания «Соглашений Авраама» 15 сентября 2020 года создала условия для трехстороннего сотрудничества между

Тель-Авивом, Нью-Дели и Абу-Даби. При этом, учитывая важность двусторонних отношений рассматриваемых стран (Израиль — Индия и Индия — ОАЭ), тема сотрудничества в трехстороннем формате была только вопросом времени. Об интересе к данному формату свидетельствует реакция главы МИД Индии С. Джайшанкара в августе 2020 года, когда стало известно о сближении ОАЭ и Израиля: «...когда происходит сближение двух стратегических друзей Индии — это открывает большое количество новых перспектив для сотрудничества» [37]. В индийском деловом издании «The Economic Time» в это же время была опубликована статья, рассматривавшая выгоду, которую Индия может извлечь в результате нормализации отношений между ОАЭ и Израилем, в том числе в контексте усиления ее роли как региональной державы [38]. Об огромном потенциале трехстороннего сотрудничества говорилось также в статье, опубликованной израильским изданием «Globes» в сентябре 2020 года, делавшей акцент на том, что подобный шаг приведет к росту израильской экономики [8].

Как уже отмечалось выше, первый контакт в рамках трехстороннего сотрудничества произошел в мае 2021 года в торгово-экономической сфере. В октябре того же года в Дубае был организован деловой форум «Beyond Business», в котором приняли участие представители Израиля, Индии и ОАЭ. Член израильской делегации на форуме А. Барух, директор Института экспорта при Министерстве торговли и промышленности, охарактеризовал ОАЭ в качестве моста, который соединяет Индию со странами Ближнего Востока, добавив, что «Соглашения Авраама» открыли израильской промышленности большие деловые возможности для ведения бизнеса в странах Персидского залива [3]. А. Пури, генеральный консул Индии в ОАЭ, на полях форума отметил, что объединение потенциалов Израиля, международно-признанного лидера в сфере высокотехнологических стартапов, Индии, мощной мировой промышленной державы, и ОАЭ, страны со значительными преимуществами в ведении бизнеса, деловой активности и уникального расположения, будет выгодным для региона и всего мира [27].

Примечательно, что форум «Beyond Business» в ОАЭ состоялся на следующий день после первой четырехсторонней встречи

глав МИД Израиля, Индии, ОАЭ и США, на которой стороны согласились создать новый формат экономического сотрудничества [26]. Официальное название I2U2 данный формат сотрудничества получил на следующей встрече, состоявшейся уже на уровне глав государств, в июле 2022 года. По ее окончании было опубликовано совместное заявление глав Израиля, Индии, ОАЭ и США, в котором подчеркивался акцент сотрудничества по вопросам продовольственной безопасности и экологически чистых видов энергии [22].

В частности, Израиль в рамках I2U2 должен был присоединиться к реализации уже упомянутого выше проекта продовольственного коридора между ОАЭ и Индией, который тем самым трансформировался в коридор «Индия — ОАЭ — Израиль». Согласно совместному заявлению глав стран I2U2 ОАЭ выделит на реализацию проекта инвестиции в размере 2 млрд долл. США для строительства в Индии ряда высокотехнологических продовольственных парков. Индия предоставит необходимые земельные участки для их строительства, а также простимулирует активное участие индийских фермеров в реализации проектов, а израильские и американские частные компании предоставят свои технологические разработки для поддержки и развития проекта [23].

Стоит подчеркнуть, что в Индии уже работает достаточно большое количество израильских компаний, занимающихся разработками технологий для эффективного ведения сельского хозяйства [5, с. 91]. Параллельно с этим Агентство по международному сотрудничеству в целях развития при МИД Израиля (МАШАВ) за 2012—2015 годы открыло 29 центров передового опыта для обмена опытом с индийской стороной [4]. Только за 2019 год вышеупомянутые центры подготовили примерно 150 тыс. индийских фермеров [30, с. 5]. Таким образом, на первом этапе при участии израильских и американских компаний в Индии будет выращиваться сельскохозяйственная продукция.

Далее эта продукция из Индии при участии эмиратских компаний «Sharaf Group» и «DP World» транспортируется в ОАЭ для хранения и переработки в готовый продукт, при этом важно отметить, что «DP World» имеет права на управление портом им. Дж. Неру в г. Мумбае, через который проходит половина контейнерных перевозок из Индии [31, с. 3].

Особый интерес вызывают инфраструктурные проекты, касающиеся продовольственного коридора «Индия — ОАЭ — Израиль», в частности стоит упомянуть проект железной дороги, впервые озвученный министром транспорта Израиля И. Кацом в 2018 году, который, по его словам, должен объединить Средиземное море с Персидским заливом [28]. В 2021 году израильское издание «Globes» сообщило, что ОАЭ заинтересованы в инфраструктурном проекте, включающем в себя строительство железной дороги в Израиль, которая пройдет через территорию Саудовской Аравии и Иордании, и модернизацию порта Эйлата. В рамках реализации этого проекта Абу-Даби инвестирует до 10 млрд долл. США [33]. Наличие интереса ОАЭ к проекту железной дороги подтвердила министр транспорта Израиля М. Михаэли в 2022 году в интервью эмиратскому изданию «Khaleej Times», заявив, что этот проект соединит Хайфу с Дубаем [39] (рис. 1). Можно предположить, что, скорее всего, реализация проекта железной дороги из Дубая в Хайфу будет проводиться параллельно со строительством дороги GCC Railway¹, нацеленным на усиление транспортной интеграции в регионе Аравийского полуострова [16].

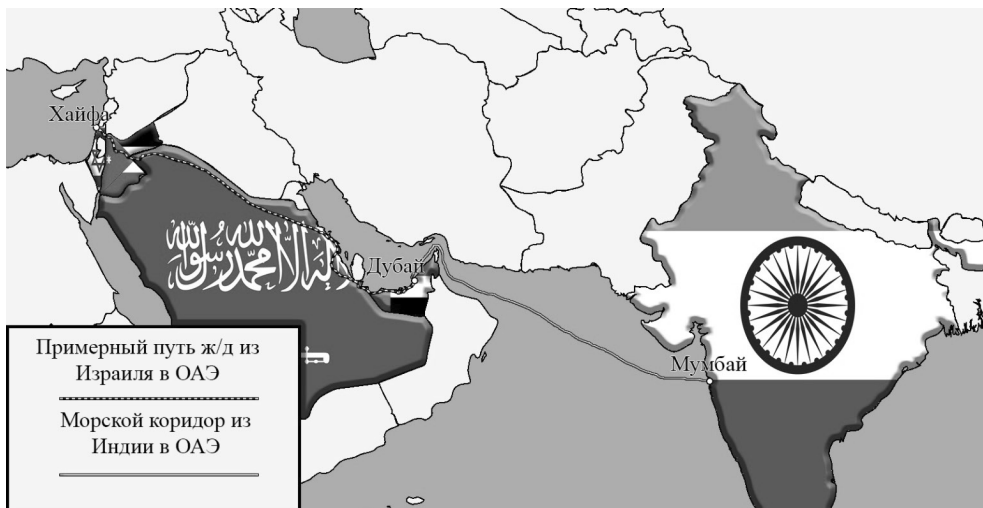

Рис. 1. Приблизительная карта продовольственного коридора «Индия — ОАЭ — Израиль»²

¹ Gulf Railway, также известная как GCC Railway, — железнодорожная система для соединения всех шести государств — членов Совета сотрудничества стран Персидского залива (ССЗ) в Персидском заливе.

² Сделано автором на основе [16; 23; 28; 31, с. 3; 39].

Стоит обратить также внимание на тот факт, что 14 июля 2022 года, в день проведения встречи в формате I2U2 на высшем уровне, было объявлено о победе индийского конгломерата «Adani Group» в партнерстве с израильской компанией «Gadot» в тендере на сумму 1,18 млрд долл. США на приватизацию порта Хайфы [10]. Примечательно, что в Хайфе находятся два порта. Старый будет приватизирован совместно индийской и израильской компаниями, а новый порт с грузовым терминалом, находящийся на противоположном берегу от старого порта, построен китайской компанией «Shanghai International Port», которая в рамках договора с израильской стороной имеет право на управление новым портом сроком на 25 лет [9, с. 56] (рис. 2).

Рис. 2. Расположение старого и нового портов Хайфы¹

В итоге получается продовольственный коридор, связывающий друг с другом сразу три региона — Южную Азию, Ближний Восток и Европу. При этом схема работы продовольственного

¹ Сделано автором на основе [9; 10, с. 56].

коридора «Индия — ОАЭ — Израиль», вероятнее всего, будет выглядеть следующим образом: сначала при использовании израильских и американских технологий в Индии выращивается сельскохозяйственная продукция. Далее она перевозится в ОАЭ, где проходит процесс переработки. Готовый же продукт может поставляться либо в страны Ближнего Востока, либо через порт в г. Хайфа, половина которого принадлежит индийской «Adani Group», в страны Европы. Реализация этого проекта с большой долей вероятности окажет влияние на сферу глобальной продовольственной безопасности, интерес к которой особенно возрос в последнее время. Отсюда проистекает большой интерес, который Вашингтон прилагает к трехстороннему сотрудничеству Израиля, Индии и ОАЭ. В частности, не случайно формат I2U2 упоминается в Стратегии национальной безопасности США от 2022 года наряду с такими форматами сотрудничества, как QUAD¹, AUKUS², и Советом по торговле и технологиям между США и ЕС [25, с. 12]. Несомненно, заметную экономическую выгоду от реализации данного проекта получают как Индия и ОАЭ, будучи странами, на территории которых продукция будет непосредственно производиться и перерабатываться, так и Израиль, выполняющий сразу две роли: 1) страны, технологии которой помогают выращивать сельскохозяйственную продукцию в Индии; 2) логистического хаба, через который продукция из Индии и ОАЭ будет направляться на рынки стран Европы.

Несмотря на отсутствие упоминания вопросов безопасности в рамках I2U2, именно эта сфера также представляет интерес в рамках трехстороннего сотрудничества. Отметим, что в октябре 2022 года СМИ опубликовали спутниковые фотографии авиабазы аль-Дафра в ОАЭ, на которых можно увидеть развернутую батарею системы ПВО «Barak-8» и радар «Elta ELM 2084» [12]. Примечательно, что «Barak-8» является совместной разработкой израильских компаний «Rafael» и IAI, а также подразделения Министерства обороны Индии — Организации оборонных исследований и разработок (DRDO) — и индийских компаний «Tata

¹ Quadrilateral Security Dialogue, известный также как QUAD, — стратегический диалог между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

² AUKUS — трехсторонний пакт безопасности, образованный Австралией, Великобританией и США 15 сентября 2021 года. Само название пакта является акронимом, образованным по составу государств-участников.

Power Strategic Engineering Division» и «Bharat Dynamics Limited Aerospace» [13, с. 404].

Учитывая стратегическую важность Индии для Израиля как крупнейшего импортера вооружений, а также наличие совместных проектов в этой сфере, военно-техническое сотрудничество с ОАЭ вызывает большой интерес. Что касается вопросов безопасности, то израильский специалист Й. Гужански полагает, что I2U2 на фоне призывов уменьшить американское военное присутствие на Ближнем Востоке приведет к появлению военного присутствия Индии в регионе, что соответствует интересам как Израиля, так и США. Более того, потенциальное индийское военное присутствие будет рассматриваться как элемент для ограничения китайского влияния на Ближнем Востоке [1].

Сам факт военного сотрудничества между Израилем, Индией и ОАЭ не является чем-то необычным. Так, ВВС Индии с 2017 года принимают участие в учениях «Blue Flag» на территории Израиля [10]. В 2021 году на учениях присутствовал командующий ВВС ОАЭ И. Н. М. аль-Алави, наблюдавший за их ходом [18]. Добавим, что с индийскими военнослужащими, участвующими в учениях «Blue Flag», встретился глава МИД С. Джайшанкар, находящийся тогда с визитом в Израиле [21]. В том же году состоялись первые военные учения с участием ВМС Израиля и ОАЭ в рамках маневров с участием ВМС США и Бахрейна в Красном море [35]. Таким образом, учитывая все вышеприведенные факты, вопрос сотрудничества Тель-Авива, Абу-Даби и Нью-Дели в сфере безопасности вполне реален, поскольку стороны в той или иной мере уже имеют опыт сотрудничества друг с другом в военной сфере.

Заключение

Контакты Израиля, ОАЭ и Индии в трехстороннем формате представляют собою сотрудничество трех совершенно разных государств: маленький, но технологически продвинутый Израиль; богатые нефтью и с большими экономическими и политическими амбициями Объединенные Арабские Эмираты; а также Индия, великая держава в Азии с огромным рынком, большим количеством населения и значительным потенциалом для развития. При этом важно отметить, что у всех трех государств имеется взаимный интерес к развитию сотрудничества. Сведение в общую точку инте-

ресов этих трех стран дает начало крупным инфраструктурным, логистическим проектам, которые смогут объединить друг с другом несколько регионов, а также окажут прямое влияние на продовольственную безопасность и развитие экономик этих стран, вполне возможно даже региона Ближнего Востока.

Последовательная реализация проекта продовольственного коридора «Индия — ОАЭ — Израиль», в рамках I2U2, окажет позитивный эффект как на Израиль, так и на ОАЭ и Индию. В частности, Индия в связке с ОАЭ может стать крупным поставщиком сельскохозяйственной продукции в Европу, которая будет направляться через территорию Израиля, при этом Тель-Авив в этом случае станет важным логистическим хабом.

Интерес вызывает также потенциал для наращивания военного и военного-технического сотрудничества в формате «Израиль — ОАЭ — Индия». В частности, израильско-индийская система ПВО «Barak-8», исходя из спутниковых снимков, уже стоит на вооружении ОАЭ, при этом сами вооруженные силы трех стран уже имеют опыт взаимодействия друг с другом на уровне участия в совместных военных учениях.

Отметим, что другим выгодоприобретателем от сотрудничества Тель-Авива, Абу-Даби и Нью-Дели являются США, которые имеют высокий уровень отношений с каждой из трех рассматриваемых стран. При этом Вашингтон придает особую важность этому новообразовавшемуся формату сотрудничества, который должен выступить в качестве ответа на растущее влияние КНР на Ближнем Востоке, экономические контакты которого практически со всеми государствами региона в последние годы укрепляются. В этом контексте вполне можно рассмотреть проект продовольственного коридора «Индия — ОАЭ — Израиль» в качестве ответа на инициативу Пекина «Один пояс, один путь». С этой точки зрения, I2U2 можно рассматривать как еще один элемент конкуренции США с КНР. Однако в то же время стоит заметить, что как для Израиля, так и для ОАЭ Пекин является одним из важнейших торгово-экономических партнеров. Более того, несмотря на их участие в проекте продовольственного коридора, обе страны активно сотрудничают с КНР в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и будут стараться избегать вовлечения в конкуренцию между двумя великими державами.

Литература

1. *Гужански Й.* I2U2: Маарах аль-азори хадаш бе-хитхавут? / ха-Махон лемехкарей битохон леуми [Гужански Й. I2U2: формирующаяся надрегиональная система? / Институт исследования национальной безопасности] (иврит). — URL: https://www.inss.org.il/he/social_media/i2u2-%D7%9E%D7%A2%D7%A8%D7%9A-%D7%A2%D7%9C-%D7%90%D7%96%D7%95%D7%A8%D7%99-%D7%97%D7%93%D7%A9-%D7%91%D7%94%D7%AA%D7%94%D7%95%D7%95%D7%AA/ (дата обращения: 28.02.2023).
2. *Звягельская И.Д.* История Государства Израиль / Ирина Звягельская. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 359 с.
3. Израэль, Ихуд ха-Амируйот ве-Ходу йешатфу пеула лехагдиль эт хекеф ха-сахар бейн шлош ха-мединот // Калькалист [Израиль, ОАЭ и Индия будут сотрудничать, чтобы увеличить объем торговли между странами // Калькалист] (иврит). — URL: https://www.calcalist.co.il/local_news/article/bjhpm3st (дата обращения: 28.02.2023).
4. Израэль мекима 29 мирказей мецуянунт бе-Ходу / Мисрад ха-хуц [Израиль построил 29 центров передового опыта в Индии / Министерство иностранных дел Израйля] (иврит). — URL: https://mfa.gov.il/MFAHEB/AboutUs/DiplomaticUpdates/Pages/Israel_sets_up_29_centers_of_excellence_in_India_090415.aspx (дата обращения: 23.03.2023).
5. *Кумар М.* Йахасей Израэль-Ходу: Тфисот ве-тахазийот // Идкун астратеги / ха-Махон лемехкарей битохон леуми, Тель-Авив. Гилайон 4, Януар 2017 [Кумар М. Израильско-индийские отношения: концепции и прогнозы // Стратегический анализ / Институт исследования национальной безопасности, Тель-Авив. — Январь 2017. — Т. 19 (4). — С. 85—94] (иврит). — С. 85—94.
6. *Морозов В.М., Микаэлян А.А.* Индийский вектор израильской внешней политики // Вестник Брянского государственного университета. — 2018 (2). — С. 125—134.
7. Нехтам хескем ха-сахар ха-хофши бейн Израэль ле-Ихуд ха-Амируйот // Глобс [Подписано соглашение о ЗСТ между Израилем и ОАЭ // Глобс] (иврит). — URL: <https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001413760> (дата обращения: 28.02.2023).
8. Ха-хескем им Ихуд ха-Амируйот ху мифтах лезинук бекишрей ха-мисхар бейн Израэль ле-Ходу // Глобс [Соглашение с ОАЭ является ключом к укреплению торговых отношений Израйля с Индией // Глобс] (иврит). — URL: <https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001342029> (дата обращения: 28.02.2023).
9. *Эла Д.* Регуляция аль хашкаот вэрхишот зарот бе-Израэль убе-олам бе-мабат хашваати. Мизкар 185 / ха-Махон лемехкарей битохон леуми. — Тель-Авив, 2019. — С. 43—69 [Эла Д. Регулирование иностранных инвестиций и приобретений в Израиле и в мире: сравнительный анализ / Институт исследования национальной безопасности, Меморандум. — Тель-Авив, 2019. — № 185. — С. 43—69] (иврит).
10. Adani Ports to boost trade lanes with joint Haifa Port acquisition // Reuters. — URL: <https://www.reuters.com/markets/deals/adani-ports-boost-trade-lanes-with-joint-haifa-port-acquisition-2022-07-15/> (accessed: 28.02.2023).
11. Bilateral Agreements. Embassy of India, Tel-Aviv, Israel. — URL: <https://www.indembassyisrael.gov.in/pages?id=mbk5e&subid=mbk5e> (accessed: 28.02.2023).
12. Citing satellite image analysts say UAE deploys Israeli-made air defense system // The Times of Israel. — URL: <https://www.timesofisrael.com/citing-satellite-image-analysts-say-uae-deploys-israeli-made-air-defense-system/> (accessed: 28.02.2023).
13. *Cowshish A.* India-Israel Defence Trade: Issues and Challenges // Strategic Analysis. — Vol. 41. — 2017. — No. 4. — P. 401—412.
14. EDGE Announces Strategic Deal with IAI to Develop Advanced Unmanned Surface Vessels / IAI. — URL: <https://www.iai.co.il/edge-strategic-deal-with-iai-unmanned-surface-vessels> (accessed: 28.02.2023).
15. Export Import Data Bank. Total Trade: Top countries / Ministry of Commerce and Industry. — URL: <https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/iecnttopn.asp> (accessed: 28.02.2023).
16. GCC Railway / Ministry of Transportation and Telecommunications of Bahrain. — URL: <https://www.mtt.gov.bh/content/gcc-railway> (accessed: 28.02.2023).

17. IDF's largest-ever aerial exercise takes off, with India on board // The Times of Israel. — URL: <https://www.timesofisrael.com/idf-kicks-off-its-largest-ever-international-aerial-exercise/> (accessed: 28.02.2023).
18. In landmark visit, UAE air chief in Israel to observe 'Blue Flag' exercise // The Times of Israel. — URL: <https://www.timesofisrael.com/in-landmark-visit-uae-air-chief-in-israel-to-observe-blue-flag-exercise/> (accessed: 28.02.2023).
19. India Israel elevate their ties to strategic partnership // The Times of India. — URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-israel-elevate-their-ties-to-strategic-partnership/articleshow/59461930.cms> (accessed: 28.02.2023).
20. India, Israel and UAE sign maiden trilateral deal to push W Asian partnership // The Economic Times. — URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/india-israel-and-uae-sign-maiden-trilateral-deal-to-push-w-asian-partnership/articleshow/82432369.cms> (accessed: 28.02.2023).
21. Jaishankar visits Israel's OvdA Airbase to meet IAF contingent taking part in biennial Blue Flag exercise // The Economic Times. — URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/jaishankar-visits-israels-ovda-airbase-to-meet-iaf-contingent-taking-part-in-biennial-blue-flag-exercise/articleshow/87138198.cms> (accessed: 28.02.2023).
22. Joint Statement of the Leaders of India, Israel, United Arab Emirates and the United States (I2U2). — URL: https://www.gov.il/BlobFolder/news/event_virtual_meeting140722/he/I2U2%20Summit%20Communique%20-%2014%20July%202022%20Final.pdf (accessed: 28.02.2023).
23. *Kumaraswamy P.R.* India's Israel Policy. — N.Y.: Columbia University Press, 2010. — 377 p.
24. *Leibler I.* A 1981 Meeting with Prime Minister Indira Gandhi // Jewish Political Studies Review. — Vol. 19. — 2007. — No. 3/4. — P. 143–146.
25. National Security Strategy. October 2022 / The White House. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 28.02.2023).
26. New grouping of India, UAE, Israel, IS to meet next year // Hindustan Times. — URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/new-grouping-of-india-israel-us-and-uae-expected-to-hold-meeting-in-march-101639394229418.html> (accessed: 28.02.2023).
27. Partnership to harness inherent strengths of India, UAE and Israel // Khaleej Times. — URL: <https://www.khaleejtimes.com/uae/partnership-to-harness-inherent-strengths-of-india-uae-and-israel> (accessed: 28.02.2023).
28. Rail from Israel to Gulf 'makes sense', Israel's transport minister says in Oman // The Times of Israel. — URL: <https://www.timesofisrael.com/rail-from-israel-to-gulf-makes-sense-says-transportation-minister-in-oman/> (accessed: 28.02.2023).
29. *Suri N.* Prime Minister Modi's visit to Abu Dhabi: Signs of close ties with the UAE // ORF. — URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/prime-minister-modis-visit-to-abu-dhabi/> (accessed: 28.02.2023).
30. *Tanchum M.* The India-Middle East Food Corridor: How the UAE, Israel, and India are forging a new inter-regional supply chain / Middle East Institute. — URL: <https://www.mei.edu/sites/default/files/2022-07/Tanchum%20-%20India-Middle%20East%20Food%20Corridor.pdf> (accessed: 28.02.2023).
31. The India-Israel-US-UAE Alliance (I2-U2). Background and Objectives. Arab Center for Research and Policy Studies. — URL: <https://www.dohainstitute.org/en/Lists/ACRPS-PDFDocumentLibrary/the-emergent-alliance-between-the-us-israel-india-and-the-uae-i2-u2-background-and-objectives-en.pdf> (accessed: 28.02.2023).
32. Trends in International Arms Transfers, 2021. March 2022 // SIPRI Fact Sheet. — URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-03/fs_2203_at_2021.pdf (accessed: 28.02.2023).
33. UAE \$10b Israel fund will stress ports and railways // Globes. — URL: <https://en.globes.co.il/en/article-uae-10b-israel-fund-will-stress-ports-and-railways-1001363975> (accessed: 28.02.2023).
34. UAE firms to invest up to \$7 billion in India-UAE food corridor: Indian minister // Gulf News. — URL: <https://gulfnews.com/world/asia/india/uae-firms-to-invest-up-to-7-billion-in-india-uae-food-corridor-indian-minister-1.1569344178374> (accessed: 28.02.2023).

35. UAE, Bahrain, Israel and U.S. forces in first joint naval drill // Reuters. — URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/uae-bahrain-israel-us-forces-conduct-red-sea-military-exercise-2021-11-11/> (accessed: 28.02.2023).
36. UAE, India issue Joint Vision Statement // Emirates News Agency. — URL: <https://www.wam.ae/en/details/1395303022276> (accessed: 28.02.2023).
37. UAE-Israel deal has opened 'lots of opportunities': S Jaishankar // Hindustan Times. — URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/uae-israel-deal-has-opened-lots-of-opportunities-s-jaishankar/story-nS364lj7ccwqihpAfSJCik.html> (accessed: 28.02.2023).
38. UAE-Israel peace deal: Opportunity for India to acquire a greater role in this strategic backyard // The Economic Times. — URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/uae-israel-peace-deal-opportunity-for-india-to-acquire-a-greater-role-in-this-strategic-backyard/articleshow/77566503.cms> (accessed: 28.02.2023).
39. UAE-Israel peace train plans to connect Dubai with Haifa, says minister // Khaleej Times. — URL: <https://www.khaleejtimes.com/uae/uae-israel-peace-train-plans-to-connect-dubai-with-haifa-says-minister> (accessed: 28.02.2023).
40. UAE-Israel trade exceeded \$2.5 billion since Accords were signed // The Jerusalem Post. — URL: <https://www.jpost.com/business-and-innovation/all-news/article-707837> (accessed: 28.02.2023).

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Грудев Василий Евгеньевич,

министр инвестиционной политики Сахалинской области,
соискатель ИКСА РАН, Москва.

Vasiliy E. Grudev,

Minister of Investment Policy of the Sakhalin Region,
Applicant of the ICSA RAS, Moscow.

E-mail: grudev@yandex.ru

ЯПОНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В 1960–1970 ГГ. XX ВЕКА

JAPAN AND THE FORMATION OF THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL POLICY OF THE REPUBLIC OF KOREA IN 1960–1970, XX CENTURY

Аннотация: в статье представлен разбор влияния Японии на становление научно-технической политики Республики Корея в 1960–1970-х годах XX века, дана оценка историческому аспекту взаимодействия двух стран, сделаны выводы относительно экономического роста Южной Кореи вследствие технологического взаимодействия с Японией. Колониальный период японской администрации ознаменовался этническими притеснениями, политическими репрессиями, но стал пуском экономического роста и некоторого улучшения качества жизни южных корейцев. Взаимодействие с Японией способствовало бурному росту в стране числа наукоемких производств, создавших со временем спрос на собственные научные исследования и разработки. В середине XX века вклад Японии в промышленную базу Южной Кореи составил до 40 % от общей массы технологий. В настоящий момент Южная Корея является одним из мировых лидеров технологического развития.

Ключевые слова: Республика Корея, научно-техническое сотрудничество, колониализм, Вьетнамская война, технологии, ВВП.

Abstract: this article provides a brief overview of Japan's influence on the formation of the scientific and technological policy of the Republic of Korea in the 1960s–1970s, XX century. An assessment is made of the historical aspect of the interaction between the two countries, conclusions are drawn regarding the economic growth of South Korea as a result of technological interaction with Japan. The colonial period of the Japanese administration was marked by ethnic oppression, political repression, but it became the start of economic growth and some improvement in the quality of life of South Koreans. Interaction with Japan contributed to the rapid growth in the

number of science-intensive industries in the country, which eventually created a demand for their own research and development. In the middle of the 20th century, Japan's contribution to the industrial base of South Korea amounted to 40% of the total mass of technologies. At the moment, South Korea is one of the world leaders in technological development.

Key words: Republic of Korea, scientific and technological cooperation, colonialism, Vietnam War, technologies, GDP.

Введение

Республика Корея относится к числу стран, по праву гордящихся своим культурным и научным наследием. Мировой известностью пользуются не только современные успехи южнокорейской науки и техники, но и достижения её прошлого, такие как, например, изобретение системы подвижных металлических литер [43], или собственной письменности — хангыль, — в XV веке [44], ставшее своеобразной визитной карточкой современной Кореи.

Такое развитие не всегда было поступательным. К середине XX века Республика Корея оказалась в положении страны третьего мира с ВВП на душу населения, которое не превышало 100 долл. США [19, с. 24].

Усилиями народа и Правительства Республики Корея в стране на протяжении нескольких десятилетий (1960–1980 гг.) реализовывались масштабные экономические реформы, важной частью которых стало формирование эффективной научно-технической политики, превратившей Южную Корею в не просто процветающее государство, но одного из мировых лидеров инновационного развития¹.

Свою важную роль в этих процессах сыграла Япония — ближайший сосед Республики Корея. Отношения с этой страной, несмотря на многовековую историю войн и взаимных обид, значительно повлияли на развитие экономики, науки и образования в Южной Корее. Сегодня в Японии проживает третья по величине корейская диаспора численностью в 818 865 человек [45].

Роль Японии в научно-техническом развитии Республики Корея на раннем этапе

В наши дни принято говорить о «японском экономическом чуде» и «японской экономической модели», упоминая одновременно Республику Корея и «корейское экономическое чудо»

---

¹ Согласно последним рейтингам, Республика Корея занимает 6-е место по уровню развития инноваций. Для сравнения: Япония — на 13-м месте [13, с. 19].

в качестве успешного примера использования японского опыта для проведения реформ и развития экономики [38, с. 673–674]. С достижением Южной Кореей конкурентоспособности на большинстве мировых рынков вошло в обиход понятие «идентичности продуктовых пространств» [1, с. 136] Японии и Республики Корея — структура экспорта двух стран стала близка по своему составу, бизнесмены и потребители всего мира видят в странах привлекательных поставщиков товаров и услуг в схожих отраслях, например микроэлектронные компоненты, бытовая электроника, косметика, автомобили и автокомпоненты и т. д. Несмотря на то что важность Японии как торгово-экономического партнёра для Южной Кореи постепенно ослабевает¹, научно-техническое сотрудничество с этой страной имеет важное значение для южнокорейской экономики, а вклад Японии в становление научно-технической политики Республики Корея заслуживает отдельного рассмотрения.

Важно отметить появившуюся с начала торговых отношений и продолжающуюся до сих пор [42] проблему торгового дисбаланса между Кореей и Японией. Исторически сложилось, что Япония экспортирует в Южную Корею больше товаров, чем импортирует из нее. Это было источником напряженности между двумя странами, когда Южная Корея обвиняла Японию в нечестной торговой практике, а Япония обвиняла Южную Корею в протекционизме. Торговый дисбаланс усугубляется политической напряженностью между двумя странами, включая споры по историческим вопросам и территориальным претензиям. В последние годы были предприняты усилия по устранению торгового дисбаланса путем переговоров и соглашений, но вопрос остается нерешенным.

Со времен подписания «Договора об основных отношениях между Республикой Корея и Японией» Республика Корея так и не достигла торгового баланса: размер торгового дефицита Республики Корея уже в 1974 году превысил 1 млн долл., и эта цифра впоследствии только увеличивалась, достигнув, в частности, показателя с 20 млрд до 30 млрд долл. после 2004 года.

---

¹ Сегодня в южнокорейской торговле Япония занимает 3-е место по объёмам импорта и 5-е место по объёмам экспорта, уступая таким, например, странам, как Вьетнам [41]. Тем не менее экономическое значение Японии для Республики Корея будет искусственно повышаться новой южнокорейской администрацией [18].

Некоторые южнокорейские историки¹ признают, что период японской администрации 1910—1945 годов, несмотря на его «колониальный» характер, в целом стал периодом экономического роста и запомнился в Корее не только этническими притеснениями (выражавшимися, например, в запрете изучения родного языка, в смене имен на японские, в принудительной трудовой мобилизации корейцев в Японию, в проблеме вианбу) и политическими репрессиями, но и некоторым улучшением качества жизни. Потребление зерна на душу населения сократилось, что послужило серьезным основанием для традиционной критики японского колониализма, однако реальное потребление на душу населения увеличилось из-за роста потребления незерновых продуктов [28]. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в Корее при рождении в конце 1920-х годов составляла 37 лет, в 1945 году она увеличилась до 43 лет [28]. Особенно развивались отрасли, которые были необходимы для поставок в Японию: 1911 по 1940 год доля обрабатывающей промышленности в ВВП увеличилась с 6 до 28%, а доля сельского хозяйства снизилась с 76 до 41% [28]. Японская империя проводила в Корее ограниченную научно-техническую политику в интересах развития сельского хозяйства, рыболовства, здравоохранения, образования, лесного хозяйства. Например, Мун Ман-Ён полагает, что созданные в Корее по указанию Токио специальные учреждения (научные станции и лаборатории) явились прообразом нынешних отраслевых институтов развития — символа научно-технической политики Республики Корея [27, с. 433—434]. Несмотря на то что главной целью этих учреждений был сбор данных, проведение опросов и внедрение в Корее японских технологий, небольшое число южнокорейских учёных и инженеров имели возможность работать в их системе и проводить исследования. После обретения страной независимости в 1945 году они не только приняли на себя руководство созданными японцами учреждениями, но и вместе с сотрудниками Императорского университета Кэй-

¹ В публичной сфере вклад Японии нередко замалчивается. См., например, сайт Сеульского университета (<https://en.snu.ac.kr/about/history/timeline>) — первого университета Республики Корея, созданного в 1946 году на базе императорского университета Кэйдзё, основанного японской администрацией в 1924 году. Хронология Сеульского университета на сайте ведётся от юридической школы, открытой в 1895 году, затем «прерывается» в 1904-м и «возобновляется» в 1946 году, при этом ни возникшие в годы японской администрации колледжи, вошедшие в состав Сеульского университета, ни сам университет Кэйдзё никак не упоминаются.

дзё и ряда ведущих колледжей страны составили научный и педагогический костяк открытого 15 октября 1946 года на их базе Сеульского университета [17].

Таким образом, на кадры, воспитанные для нужд Японской империи, по японским стандартам¹, сохранившие академические контакты с бывшей метрополией, была возложена задача по формированию и реализации научно-технической политики страны².

Учёные и преподаватели, начавшие свою карьеру при японской администрации, могли продолжать свою деятельность³ вплоть конца 1980-х годов. Примечательно, что в освобождённой Корее (так же, как и во многих других странах, получивших независимость в 40—60 гг.) получило развитие явление, которое Мидзуно Хироми назвал «научным национализмом» [26, с. 181].

Национальная элита освободившихся стран верила, что развитие науки и техники является важнейшей и неотложной задачей для укрепления суверенитета страны и достижения благосостояния. Перед глазами южнокорейского общества был мотивирующий пример реставрации (её еще называют «революцией») Мейдзи, с которой связывают не только становление национального государства и национальной идентичности современной Японии, но и промышленную революцию, поставившую Японскую империю в ряд мировых держав. Сопутствовавшие ей научно-техническое развитие и победа над Российской империей в войне 1904—1905 годов помогли Японии установить свою власть над обширными территориями в Юго-Восточной Азии, включая саму Корею. Осмысление японского опыта, использование его во благо своей страны стало важной тенденцией в Южной Корее с первых дней её независимости. Уже 1946 году профессор Сеульского университета Ри Те Гю предложил план создания

¹ Например, преподавание в университете Кэйдзё велось исключительно на японском языке [24, с. 6].

² Хорошей иллюстрацией служит биография профессора Ри Те Гю (Ree Taikyue 이태규, 1902—1992): после окончания школы в Корее (Кёнсон, г. Сеул) он продолжил обучение в Японии, получил степени бакалавра, магистра и доктора наук в Императорском университете Киото, профессором которого являлся с 1931 по 1945 год. С 1945—1946 годов возглавлял департамент науки и техники Кёнсонского (Сеульского) университета. В 1946 году был избран первым президентом Корейского химического общества. С 1954 года — пожизненный член Академии наук Республики Корея. С 1965 года — член национального Нобелевского комитета Республики Корея. В 1973~1992 годы — Почетный профессор KAIST.

³ Хонг Сэн Джу в своей работе, посвящённой становлению научно-технической политики Республики Корея, приводит целую таблицу с именами таких корейских учёных [16, с. 17].

в Корею Министерства науки и технологий и Объединённого исследовательского института, причем Ри Те Гю предлагал взять за образец японский центр Физико-химических исследований (RIKEN) [36, с. 10—15].

Военные, пришедшие к власти в результате переворота 16 мая 1961 года, в этом отношении разделяли точку зрения южнокорейской интеллигенции. В середине XX века большинство старших офицеров южнокорейской армии, подобно своим соотечественникам-учёным, были людьми, сформировавшимися и сделавшими карьеру в Японской империи. Они отмечали важность развития науки и техники [33, с. 108] и видели в Стране восходящего солнца потенциального донора требуемых для этого ресурсов¹.

Тем не менее попытки нормализации отношений с Японией среди основных масс населения были встречены многочисленными протестами — 3 июня 1964 года на улицы Сеула вышли порядка 10 тыс. человек, требовавших от Президента Пак Чон Хи оставить свой пост. Правительство страны на эти протесты ответило введением военного положения, запрещавшим любые формы собрания и введившим комендантский час [23, с. 193].

Для образованного сословия Южной Кореи середины XX столетия Япония была близким (в прямом и переносном смысле) примером для подражания, наглядным доказательством возможности успешного проведения реформ и модернизации и одновременно давним (и более удачливым) соперником, с которого можно и нужно было получить «компенсацию за пережитое» в 1910—1945 годах. В результате не только научно-техническое сотрудничество, но и прямое копирование Японии в самых разных сферах воспринималось корейским аппаратом правления, скорее, как взыскание репараций.

Со временем перенимание и копирование японского опыта утратили эмоциональную окраску и получили широкое распространение не только в Южной Корее, но и по всей Юго-Восточной Азии. Корейская война 1950—1953 годов, затормозившая развитие страны, одновременно послужила новому сближению

---

¹ Южнокорейские офицеры острее других ощущали и то, что страны-победители в большинстве своем воспринимали послевоенную Корею не как жертву Японии, но как её союзника. Подобным образом воспринимались, например, страны центральной Европы — Австрия, Румыния, Венгрия.

Японии и Республики Корея и вызвала экономический подъем в Стране восходящего солнца. Япония поставляла на корейский фронт боеприпасы и технику, осуществляла ремонт танков и самолётов. Японский флот осуществлял логистическое обеспечение снабжения союзных войск в Корею [3, с. 337].

В середине XX века до 40% промышленной базы Кореи являлось японским «наследством» [37, с. 211]. Хорошо знакомые с японским вооружением и техникой южнокорейские военнослужащие, рабочие и специалисты, а также спешно создаваемые на юге Кореи производственные и логистические мощности принимали и обслуживали японские поставки на месте. Считается, что благодаря Корейской войне получили заметное развитие такие компании, как, например, «Hyundai Construction» и «Joongang Industry» [6, с. 34]. Можно предположить, что Корейская война могла, таким образом, способствовать ещё и становлению чеболей — конгломератов, созданных по образцу японских дзайбацу, многие из которых возникли на базе промышленного «наследия» Японии на Корейском полуострове¹ [37, с. 205]. Хотя львиная доля этого «наследия» Японии относилась к текстильной промышленности, в нём также присутствовали предприятия пищевой, химической и строительной отраслей² (например, Korean Chemicals, Tongyang Cement, Tongyang Beer).

По данным «Нихон сихонсюги кодза» (Лекции по японскому капитализму), доходы «демилитаризованной» Японии от военных заказов в Корею в 1951 году составили 151 млн долл., в 1952 году — 592 млн долл., в 1953 году — 824 млн долл. [5].

С приходом к власти военных в Южной Корее 16 мая 1961 года тенденция к сближению с Японией получила новый импульс. В 1961 году в Японии был создан специальный альянс компаний (JECC), который в том числе помогал развитию промышленности Республики Корея. В него вошли такие крупные компании, как, например, «Oki Electric», «Tokyo Shibaura Denki» (Toshiba), NEC, «Hitachi», «Fuji Telecommunications Equipment Manufacturing» (Fujitsu), «Matsushita Electric Industrial», «Mitsubishi Electric» [11].

¹ Интересно, что практически в это же самое время американская администрация в Японии проводила активную кампанию, нацеленную на ликвидацию дзайбацу [12, с. 6].

² Показательно, что текстильная промышленность до 1980-х годов играла важную роль в экономике Южной Кореи, была одним из главных источников южнокорейского экспорта (41%, по данным 1970-х гг.) [46], а в 1950-е годы обладала «самым современным в стране оборудованием и самым лучшим менеджментом» [21, с. 202].

Влияние США на формирование научно-технической политики между Японией и Республикой Корея

Вряд ли случайным совпадением стал тот факт, что впоследствии роль Южной Кореи, а именно южнокорейской промышленности, во Вьетнамской войне напоминала во многом роль Японии в Корейской войне¹. Во время Вьетнамской войны правящая партия Республики Корея пошла на условие США и приняла в ней свое участие, несмотря на недовольство со стороны оппозиции. После очередного витка эскалации, вызванного инцидентом в Тонкинском заливе в августе 1964 года², это предложение было принято. Если Корейская война, несмотря на сокрушительные последствия для экономики страны, заложила фундамент военной промышленности Южной Кореи, то Вьетнамская война стала её звездным часом. Приток инвестиций и технологий вместе с оборонными заказами нарастал в течение всей кампании. Уильям Портер, бывший посол США в Южной Корее, назвал отправку южнокорейских войск во Вьетнам «волшебной лампой Аладдина» для экономики Южной Кореи [35]. Стоит также отметить, что таким образом Правительство Республики Корея рассчитывало на возмещение своего вклада в войну, и хотя американская сторона сомнительно относилась к этим претензиям, однако уже в 1966 году она всё же его предоставила. Вместе с этим администрации Кеннеди и Джонсона активно действовали в интересах сближения ключевых союзников в регионе, и 22 июня 1965 года при посредничестве США был подписан «Договор об основных отношениях между Республикой Корея и Японией». Важным шагом со стороны Правительства Японии стало признание права Сеула выступать «от имени всего народа Кореи», объявив Правительство Южной Кореи «единственным законно учреждённым

¹ Главным отличием от Японии было наличие у Республики Корея собственных вооружённых сил, которые с 1965 году активно действовали во Вьетнаме [20, с. 29], став в итоге вторым по численности после США иностранным воинским контингентом, сражавшимся на стороне Южного Вьетнама [14].

² 2 августа 1964 года эсминец «Меддокс» проводил операцию по электронной разведке «De Soto» вдоль побережья Северного Вьетнама и вторгся в территориальные воды Демократической Республики Вьетнам (ДРВ). Северовьетнамские катера попытались оттеснить эсминец в международные воды, однако «Мэддокс» открыл огонь. США использовали эту ситуацию и сфабриковали инцидент, который позволил им напасть на ДРВ [4, с. 153]. Согласно версии США, 2 августа северовьетнамские катера безосновательно напали на «Мэддокс» и 4 августа повторно попытались напасть на эсминцы (однако поднятые самолеты не обнаружили никаких катеров) [2, с. 156—158].

правительством на Корейском полуострове»¹ [8, с. 35]. Япония обязалась предоставить 300 млн долл. безвозмездно в качестве репараций, государственный заём в размере 200 млн долл. под 3,5 % годовых и коммерческий кредит в размере 300 млн долл. на 20 лет [8, с. 35].

Эти события не только открыли новую страницу в отношениях двух стран, но и серьёзно повлияли на научно-техническую политику страны. Роль Японии в технологическом развитии Республики Корея стала возрастать, инвестиции и японские технологии (хотя основная часть поставляемых технологий не была передовой) приходили не только в новые проекты, но активно замещали американские даже в проектах, прошедших предварительное одобрение². Видный американский экономист и государственный деятель Уолт Уитмен Ростоу, один из идеологов политики США в Юго-Восточной Азии, оказавший влияние на трех американских президентов (Кеннеди, Джонсона, Никсона), «крестный отец» южнокорейских экономических реформ, еще в 1957 году в работе «Ключ к эффективной внешней политике» призывал США переложить на Японию задачу развития государств Юго-Восточной Азии и оказания им экономической помощи [25, с. 83]. США, таким образом, не только не возражали против японского экономического «патронажа» над странами региона, но всё более настаивали на нём по мере усиления эскалации во Вьетнаме и увеличения связанных с нею расходов. Это, например, отразилось на структуре иностранной экономической помощи развитию, направлявшейся в Южную Корею. Если в период с 1961 по 1975 год доля США в общем объёме составляла более 63 %, то в период с 1976 по 1990 год доля США составила всего 14,6 %, что в разы меньше доли Японии в тот же период (57,4 %) [7, с. 114—115].

¹ Однако статья 3 Договора ссылалась на резолюцию № 195 Генеральной ассамблеи ООН от 12 декабря 1948 г., согласно которой Япония могла иметь экономические отношения и с Северной Кореей.

² Характерна история компании POSCO, создание которой изначально рассматривалось экспертами Всемирного банка и американскими компаниями. Уже в сентябре 1965 года Министерство промышленности Японии в сотрудничестве с Японской федерацией стали и шестью крупнейшими сталелитейными компаниями Японии направили группу из девяти специалистов в Южную Корею. В результате переговоров Япония предоставила 73,7 млн долл. США в виде помощи и 50 млн долл. в виде коммерческого кредита. Впоследствии, 3 декабря 1969 года, Ким Хак Рел, заместитель премьер-министра Республики Корея по экономическому планированию, и Масахидэ Канаяма, посол Японии в Республике Корея, подписали соглашение о строительстве Pohang Iron and Steel Company (POSCO). Компании «Yawata Steel», «Fuji Steel» и «Nihon Steel Pipe» осуществляли трансфер технологий, в том числе передовых, ещё не внедрённых тогда в самой Японии [40, с. 31].

В менее политизированной сфере потребительских товаров частная инициатива делала успехи. Осенью 1966 года южнокорейская компания «Kumsung Company» представила первый в истории южнокорейский телевизор (на 75% состоявший из японских компонентов), изготовленный под руководством специалистов японской компании «Hitachi». В 1966 году Доко Тошио, президент компании «Toshiba», посетил резиденцию Президента Республики Корея, где прошли переговоры между южнокорейской и японской сторонами по вопросам развития южнокорейской электронной промышленности. Через два года, в сентябре 1969 года, японский бизнесмен корейского происхождения Гвак Тхэ Сок (Gwak Tae-Seok) открыл в Южной Корее офис Toshiba Korea, разместив его в городе Гуми (Gumi), выбранном Правительством Республики Корея для создания кластера электронной промышленности [31, с. 312].

30 мая 1967 года KEIC¹ выступил с проектом закона «О развитии электронной промышленности» — адаптированным для Южной Кореи аналогом одноименного закона, принятого в Японии ещё 11 мая 1957 года [30, с. 141].

Официальная статистика Республики Корея утверждает, что доля электроники в экспорте страны выросла с 1 до 6,9% всего за четыре года (с 1965 по 1969 г.) [31, с. 312]. В итоге уже в 1968 году объем накопленных японских инвестиций в страну был сопоставим с аналогичными инвестициями США за период с 1959 года (410 млн долл. и 588 млн долл. соответственно). Причем коммерческие займы Японии давались на более выгодных условиях, чем американские, и пользовались существенно более высоким спросом [8, с. 37].

Президент Р. Никсон в 1969 году во время встречи с премьер-министром Японии Эйсаку Сато открыто призвал Японию «повысить свою роль в Северо-Восточной Азии». В свою очередь японский премьер заявил, что угроза безопасности Республике Корея несёт угрозу безопасности Японии [29, с. 21].

Эти заявления приветствовали и реваншистские круги в Японии, и прояпонские круги в Республике Корея, тем более что прозванный впоследствии «японским чудом» экономический

---

¹ Корейский кооператив электронной промышленности, образованный 12 января 1967 года. В октябре 1967 года KEIC направил первую делегацию «по обмену опытом» в Японию, а в июле 1970 года открыл собственный офис в Токио.

подъём, длившийся около 20 лет (с середины 1950-х до начала 1970-х гг.), в те годы серьёзно укрепил авторитет Страны восходящего солнца в Юго-Восточной Азии. Отношения двух стран получили новый импульс. Японо-южнокорейские соглашения по «нормализации отношений», заключённые в 1965 году, изначально фокусировали экономическое сотрудничество Республики Корея и Японии на развитии аграрного сектора Республики Корея. Выделение ресурсов на развитие других отраслей требовало дополнительного согласия японского Правительства. Состоявшаяся в августе 1969 года первая межправительственная комиссия завершилась получением одобрения Правительством Японии подготовленного KIST¹ плана строительства сталелитейного завода (POSCO).

Президент Республики Корея Пак Чон Хи прилагал все усилия для того, чтобы не просто получать от США ресурсы для ведения войны во Вьетнаме и компенсации от Японии, но, пользуясь ситуацией, создать в стране полноценный военно-промышленный комплекс и, прежде всего, выстроить для него базу — химическую и металлургическую промышленности [22]. Ким Чжон Ре (Kim Jeong-Ryeom), министр торговли и промышленности в Правительстве Пак Чон Хи, приводит слова последнего: «Япония смогла начать войну на Тихом океане потому, что у них были сталелитейные заводы, благодаря которым они могли производить танки, пушки и военные корабли». Ким Чжон Ре утверждает, что сталелитейный завод Kawasaki Steel Corporation (Kawasaki Seitetsu) был «образцом для Кореи» и «мечтой» Пак Чон Хи [39].

Японская модель развития тяжелой химической промышленности (HCI), успешно действовавшая с 1957 года, была заимствована Правительством Республики Корея для подготовки собственного плана развития данной отрасли, который был принят в конце 1972 года. Планом, в частности, предусматривалось интенсивное развитие машиностроения в период с 1973 по 1981 год с акцентом на нужды военно-промышленного комплекса страны. Успешная реализация этого плана открыла стране возможность самостоятельно производить не только

¹ Корейский институт науки и технологий (The Korea Institute of Science and Technology, KIST; 한국과학기술연구원) — многопрофильный исследовательский институт, расположенный в Сеуле (Южная Корея). Основанный в 1966 году, он был первым многопрофильным научно-исследовательским институтом в Корее и внес значительный вклад в экономическое развитие страны, особенно в годы ускоренного роста в 1970-х и 1980-х годах.

боеприпасы и легкое вооружение, но и сложную военную технику. Здесь образцом для подражания (а также источником технологий) стала компания «Hitachi» [31, с. 570].

Сокращение американской программы экономической помощи странам-союзникам и намерения США сократить военное присутствие в Южной Корее из-за сложностей в американской экономике принесли южнокорейским компаниям технологии и инвестиции из Японии, а японским компаниям — новые проекты в Республике Корея. Только в рамках первого этапа проекта POSCO (1970—1973 гг.) Япония предоставила 60 % финансирования строительства и большую часть оборудования. Специально созданная коалиция японских сталелитейных компаний Japan Group активно консультировала своих южнокорейских коллег в вопросах комплектования производства и обучения персонала [34, с. 9].

1970-е годы ознаменовались активным приходом в Южную Корею крупнейших японских судостроителей, производителей автомобилей, электроники, создававших в основном сборочные производства. Углубление их локализации (а значит, и полноценный трансфер технологий производства) невозможно без активного притока в страну малого и среднего бизнеса — поставщиков «второго» и «третьего» уровней. Понимая это, Правительство Пак Чон Хи стремилось создать условия для привлечения в страну не только крупного, но также малого и среднего иностранного бизнеса. Начиная с 1970 года активное развитие получили свободные экономические зоны, внутри которых действовал льготный режим. Географическая близость, традиционные связи в сочетании с дешевой рабочей силой в Республике Корея и жестким трудовым законодательством делали Южную Корею привлекательной «гаванью» для небольших японских компаний. Упрощенное регулирование и налоговые льготы привлекали технологические предприятия, в том числе стартапы. В течение первых 10 лет «нормализации отношений» (1965—1975 гг.) японские инвестиции составили около 60 % всех иностранных инвестиций в промышленность Республики Корея [15, с. 1090].

В 1973 году южнокорейские инвестиции в производственное и машиностроительное оборудование, в процентах от ВВП (8,1%), впервые превысили аналогичные инвестиции Японии

(6,8%) [10, с. 352]. Более сложной задачей стало обеспечение растущей экономики с ограниченным внутренним рынком собственными исследованиями и разработками. Только в 2010 году южнокорейские инвестиции в исследования и разработки, в процентах от ВВП, достигли аналогичного показателя Японии [32].

Несмотря на то что ВВП Японии и в настоящее время в несколько раз выше южнокорейского, политика, сопровождавшаяся длительным ростом экономики Республики Корея, сделала страну привлекательным партнёром по научно-техническому сотрудничеству как для японских технологических компаний, так и для отдельных учёных, чьи идеи и разработки по тем или иным причинам не получали развития в Японии.

Заключение

Становление научно-технической политики Республики Корея, проходившее в 1960—1970-е годы XX века, сопровождалось бурным экономическим ростом, вызванным так называемой поздней индустриализацией [9]. Важнейшей чертой индустриализации данного типа является опора на зарубежные технологии, «заимствуемые» для её осуществления. Элис Эмсдэн называет подобную индустриализацию «индустриализацией через обучение» [9, с. 3]. Это определение, наилучшим образом характеризует процессы, происходившие в Южной Корее в описываемый период. Главные «учителя» Республики Корея — США и Япония, — оказавшие в рассматриваемый период наибольшее влияние на становление её научно-технической политики, и по сей день сохраняют это влияние, активно используя его в своих интересах. И если сотрудничество с США в рассматриваемый период имело сильную «государственную» окраску и выраженный акцент в научной и оборонной сферах, то сотрудничество с Японией, заложившей в начале XX века основы научно-технического потенциала Республики Корея, официально возобновившись в середине 1960-х годов, сразу же акцентировалось на практических шагах в прикладных сферах — базовых отраслях промышленности, производстве бытовой электроники, сельском хозяйстве и т. п., и ведущая роль отводилась в нём частному бизнесу. В научно-техническом сотрудничестве Японии и Южной Кореи проявился целый ряд сильных сторон.

Во-первых, большая часть населения Республики Корея, успевшего получить образование или ученую степень до 1945 года, были воспитаны японской системой образования или, по крайней мере, владели японским языком. Японское наследие в Корее в буквальном смысле было живо, в том числе в остатках инфраструктуры и промышленности, сохранившихся после разрушительной Корейской войны. Например, построенные в годы японской администрации (прежде всего текстильные) предприятия стали наиболее успешным бизнесом в 1950-е годы, обеспечивали существенное количество рабочих мест в промышленности и играли важную роль в экономике страны вплоть до 1980-х годов [10, с. 345].

Во-вторых, успехи японской экономики (японское «экономическое чудо»), а также руководство США, видевшее в Республике Корея надежного военного союзника и стремившееся переложить на «демилитаризированную» Японию часть расходов на его содержание и развитие, подтолкнули Южную Корею к нормализации отношений с Японией [8, с. 33]. В результате Япония была одним из ключевых партнеров научно-технического развития Республики Корея.

Завершение японской программы экономической помощи Южной Корее в конце 1980-х годов знаменовало собой переход стран к новому уровню экономических отношений. Из Японии по-прежнему поступало порядка 30% импорта в страну [19, с. 23], но предприятия двух стран всё чаще выступали как партнёры или конкуренты. В рассматриваемый период сложилась одна из основных черт научно-технической политики Республики Корея — нацеленность на решение прикладных задач и развитие экспортоориентированных отраслей экономики. Тесное партнёрство с Японией способствовало бурному росту в стране числа наукоёмких производств, создавших со временем спрос на собственные научные исследования и разработки. В наши дни Южная Корея является мировым лидером технологического развития и во многих отраслях опережает Японию¹.

Литература

1. Агабеков С.И., Левина Е.А. Корпорации и экономический рост. Опыт Южной Кореи // ЭКО. — 2017. — № 3. — С. 134—146.

¹ Например, в глобальном рейтинге мирового инновационного развития Республика Корея занимает 6-е место, а Япония — только 13-е [13, с. 19].

2. Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме (1946—1975). — М.: Изобрафус : Эксмо, 2002. — 816 с.
3. Жуков Е.М. и др. Очерки новейшей истории Японии / Е.М. Жуков, А.Л. Гальперин, А.В. Варшавский, П.П. Топеха; Ин-т востоковедения. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. — 368 с.
4. Ильинский М.М. Индокитай: Пепел четырех войн (1939—1979 гг.). — М.: Вече, 2000. — 512 с.
5. Нихон сихонсюги кодза [Лекции по японскому капитализму]. — Токио: Иванами сётэн, 1954. — Т. 2. — 360 с.
6. Подобова З.С., Титова А.М. Чеболь как основа экспортно ориентированной экономики Республики Корея // Азия и Африка сегодня. — 2018. — № 3. — С. 33—40.
7. Суслина С.С. Республика Корея: от реципиента до донора официальной помощи развитию // Вестник МГИМО — Университета. — 2011. — № 4 (19). — С. 114—118.
8. Суслина С.С. Экспансия иностранного капитала в промышленности Южной Кореи. — М.: Наука, 1979. — 168 с.
9. Amsden A.H. Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization. — Oxford University Press, 1989.
10. Amsden A.H. Big Business and the Wealth of Nations. South Korea: Enterprising groups and entrepreneurial government. — Cambridge University Press, 2010. — 596 p.
11. Establishment of Japan Electronic Computer Company (JECC) / IPSJ Computer Museum. — URL: <http://museum.ipsj.or.jp/en/computer/dawn/0068.html> (accessed: 26.05.2023).
12. Final Report on Zaibatsu Dissolution: Being the Report by the Holding Company Liquidation Commission Upon Completion of Its Mission in The Economic Democratization Program / Japan. The Holding Company Liquidation Commission, 1951. — 204 p.
13. Global Innovation Index 2022 // WIPO. — 2022. — 266 p.
14. Greenspan J. Which Countries Were Involved in the Vietnam War? // History. — 14.06.2019. — URL: <https://www.history.com/news/vietnam-war-combatants> (accessed: 23.05.2023).
15. Hahn Bae-ho. Korea-Japan Relations in the 1970s // Asian Survey. — Vol. 20. — 1980. — No. 11. — P. 1087—1097.
16. Hong Sung Ju. 한국 과학기술정책의 형성과 과학기술 행정체 계의 등장 «Han'guk gwahak gisul jeongchaek ui hyeongseong gwa gwahak gisul haengjeong chaegae ui deungjang» [Formation of a Science and Technology Policy in South Korea and Its Administrative System, 1945—1967]: Ph.D. diss. — Seoul: Seoul National University, 2010. — 211 p.
17. Hwang Kyung Moon. History and the problem of universities: Structural impediment to reform of universities // The Korean Times. — 2015. — 4 Apr. — URL: http://www.korea-times.co.kr/www/opinion/2020/10/633_174572.html (accessed: 24.05.2023).
18. Johnson J. Can South Korea and Japan repair their strained relationship? // The Japan Times. — 2023. — 29 Jan. — URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/01/29/national/politics-diplomacy/japan-south-korea-improving-ties/> (accessed: 07.04.2023).
19. Kim Gyu-Pan. Korea's economic relations with Japan // Korea's Economy. — Vol. 31. — P. 23—29.
20. Kim Joungwon Alexander. Korean Participation in the Vietnam War // World Affairs. — Vol. 129. — 1966. — No. 1. — P. 28—35. — URL: <http://www.jstor.org/stable/20670745> (accessed: 02.04.2023).
21. Kim Young Bong. Macroeconomic and Industrial Development in Korea, Essays on the Korean Economy. The Growth and Structural Change of Textile Industry. — Seoul, Korea: Development Institute, 1980. — Vol. 3. — P. 185—276.
22. Kwon Peter Banseok. The Anatomy of Chaju Kukpang: Military-Civilian Convergence in the Development of the South Korean Defense Industry under Park Chung Hee, 1968—1979. — Harvard University, Graduate School of Arts & Sciences, 2016.
23. Lee Eun-Jeung. The 1960s in South Korea. Modernisation, Nationalism and the Pursuit of Democratisation // International Quarterly for Asian Studies. — Vol. 52. — 2021. — No. 3—4. — P. 187—205.
24. Lee Jeong-Kyu. Japanese Higher Education Policy in Korea During the Colonial Period (1910—1945) // Education Policy Analysis Archives. — Vol. 10. — 2002. — No. 4. — 27 p.

25. *Millikan M.F., Rostow W.W.* A Proposal: Key to an Effective Foreign Policy. — N.Y.: Harper and Brothers, 1957. — 170 p.
26. *Mizuno Hiromi.* Science for the Empire: Scientific Nationalism in Modern Japan. — Stanford: Stanford University Press, 2009. — P. 288.
27. *Moon Manyong.* Understanding Compressed Growth of Science and Technology in South Korea: Focusing on Public Research Institutes // The Korean Journal for the History of Science, Chonbuk National University. — Vol. 37. — 2015. — No. 2. — P. 431—453.
28. *Myung Soo Cha.* The Economic History of Korea // Economic History Services. — URL: <https://eh.net/encyclopedia/the-economic-history-of-korea/> (accessed: 24.05.2023).
29. *Narushige Michishita.* Changing security relationship between Japan and South Korea. Frictions and Hopes // Asia Pacific Review. — Vol. 21. — 2014. — No. 2. — P. 19—32.
30. *Nishino Junya.* Learning from Japan and Transforming the South Korean Industrial Policy: Focusing on the 1960—1970s. — Yonsei University, 2004. — 160 p.
31. *Oh Won-Chul.* The Korea Story: President Park Jung-he's Leadership and the Korean Industrial Revolution // Seoul Wisdom Tree. — 2009. — 807 p.
32. Organization for Economic Co-operation and Development. Gross domestic spending on R&D. — URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (accessed: 14.05.2023).
33. *Park Chung Hee.* To build a nation. — Washington D.C: Acropolis Books, 1971. — 216 p.
34. *Park Tae Gyun.* Bridging the technology gap: historical perspectives on modern Asia / Institute of Historical Research of Seoul National University. — 2013. — 226 p.
35. *Park Tae-kyun.* 파병군은 박정희에게 '알라딘의 램프'였다 «Pabyeong-gun-eun bagjeonghuiege 'Alladin-ui laempeu'yeossna» [Was the dispatched army 'Aladdin's lamp' to Park Chung-hee?] // The Hankyoreh. — 14.02.2014. — URL: https://www.hani.co.kr/arti-society/society_general/624215.html (accessed: 25.05.2023).
36. *Ree Taikyue.* 건국설계의 하나로 과학기술부를 설치하자 «Geon'guk seolgye ui hanaro gwahak gisulbu reul seolchi haja» [Let's Establish the Ministry of Science and Technology as a Planning for Nation Building] // 현대과학 Hyeondae gwahak (Modern Science). — 1946. — 201 p.
37. *Rhyu Sang-young.* The Origins of Korean Chaebols and their Roots in the Korean War // The Korean Journal of International Relations. — Vol. 45. — 2005. — No. 5. — 227 p.
38. *Sakakibara Mariko, Cho Dong-Sung.* Cooperative R&D in Japan and Korea // Research Policy. — 2002. — Vol. 31. — P. 673—692.
39. *Song Sungsoo.* 전 국민의 과학화 운동을 아십니까 «Jeon gugmin-ui gwahaghwa undong-eul asibnikka» [Do you know the whole nation's scientific movement?] // Korea Foundation for the Advancement of Science & Creativity. — 13.01.2004. — URL: <https://www.sciencetimes.co.kr/news/%EC%A0%84-%EA%B5%AD%EB%AF%BC%EC%9D%98-%EA%B3%BC%ED%95%99%ED%99%94-%EC%9A%B4%EB%8F%99%EC%9D%84-%EC%95%84%EC%8B%AD%EB%8B%88%EA%B9%8C/> (accessed: 24.05.2023).
40. *Song Sungsoo.* 논문: 한국 종합제철사업계획의 변천과정 «Nonmun: hangug jonghabecheolsa-eobgyehoeg-ui byeoncheongwajeong», 1958 ~ 1969 [The Historical Development of Integrated Steelworks Plans in Korea, 1958—1969] // Korean Journal for the History of Science. — 2002. — P. 3—39.
41. The Observatory of Economic Complexity (OEC). South Korea. — URL: <https://oec.world/en/profile/country/kor> (accessed: 16.05.2023).
42. The Observatory of Economic Complexity (OEC). South Korea (KOR) and Japan (JPN) Trade. — URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/kor/partner/jpn> (accessed: 26.05.2023).
43. 남이나 구리 등의 금속으로 만든 활자 [Металлическая печать (свинец и медь)] // Encyclopedia of Korean Culture. — URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0007871> (accessed: 25.05.2023).
44. 인간의 언어를 기록하기 위한 시각적인 기호체계 [Система визуальных знаков для записи человеческого языка] // Encyclopedia of Korean Culture. — URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0019637> (accessed: 25.05.2023).
45. 다수거주국가 [Страны проживания зарубежных корейцев] / Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. — URL: https://www.mofa.go.kr/www/wpge/m_21509/contents.do (accessed: 25.05.2023).
46. 纖維工業 [Текстильная промышленность] // Encyclopedia of Korean Culture. — URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0029136> (accessed: 24.05.2023).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сидорова Галина Михайловна,

доктор политических наук, доцент,
Дипломатическая академия МИД России,
Московский государственный лингвистический университет,
ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, Москва.

Galina M. Sidorova,

Doctor of Political Sciences (Ph.D., Dr. Habil),
professor of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry
of Foreign Relations,
professor of the Moscow State Linguistic University,
scientific associate of the Institute for African Studies, Moscow.

E-mail: gal_sid@mail.ru

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ НАЦИИ В АЗИИ И АФРИКЕ

POSTCOLONIAL NATIONS IN ASIA AND AFRICA

Аннотация: статья посвящена монографии африканиста, социального антрополога, историка Дмитрия Михайловича Бондаренко «Постколониальные нации в историко-культурном контексте», вышедшей в конце 2022 года. На основании значительного числа научной литературы и личных впечатлений, полученных в ходе исследовательских экспедиций в страны Азии и Африки, автор поднимает важные темы современности — формирование нации в эпоху массовых миграций, а также влияние их политкультурности на ход общественного развития. Сочетание исторического анализа и полевого антропологического материала позволили автору представить объективную картину формирования наций в странах Азии и Африки в постколониальный период, дать оценку их значимости в рамках историко-культурного процесса.

Ключевые слова: Азия, Африка, Запад, колониализм, постколониальные страны, нация.

Abstract: the article is devoted to the work of the African studies scientist, social anthropologist, historian Dmitry Mikhailovich Bondarenko «Postcolonial nations in a historical and cultural context», published at the end of 2022. Based on a significant amount of scientific sources and personal experience obtained during research expeditions to the countries of Asia and Africa, the author raises one of the most complex and controversial topics of our time — the formation of a nation in the era of mass migrations, as well as the impact of their political culture on the course of social development. Bringing together historical analysis and field

anthropological material allowed the author to give an fair picture of the formation of nations in Asia and Africa in the post-colonial period, as well as to assess their importance in the historical and cultural process.

Key words: Asia, Africa, the West, colonialism, post-colonial countries, nation.

Введение

В конце 2022 года вышла в свет книга члена-корреспондента Российской академии наук Дмитрия Михайловича Бондаренко «Постколониальные нации в историко-культурном контексте» под эгидой Института Африки РАН [4]. В монографии ставится ряд вопросов, затрагивающих современное состояние азиатских и африканских обществ, включая политкультурность отдельных стран, которым уделяется особое внимание. Акцентируя внимание на том, что колонизаторы «не стремились способствовать становлению наций в своих владениях, а, напротив, желали привить азиатам и африканцам чувство лояльности метрополии» [4, с. 266], автор доказывает, что освободившиеся от колониальной зависимости государства названных регионов изначально являются поликультурными, поскольку унаследовали границы колоний, в которых, как правило, объединялось множество народов. На конкретных примерах показано, что «национализм и колониализм имеют между собой глубинную социоисторическую связь, определяющуюся их эссенциальной значимостью для эпохи модерна, значимости ее культуры в самом широком смысле данного понятия» [4, с. 46].

Основу научного издания составляют исторический анализ и полевые антропологические исследования, проведенные в Танзании, Нигерии, Бенине, Руанде, Замбии и Уганде. Кроме того, в своих научных изысканиях Д. М. Бондаренко опирается на многочисленные научные труды авторитетных отечественных и зарубежных авторов, среди которых А. С. Балезин, Н. В. Громова, Н. А. Жерлицына, Р. Н. Исмаилова, Ю. М. Кобищанов, Н. Б. Кочакова, Л. Е. Куббель, И. В. Следзевский, А. М. Васильев, В. Р. Филиппов, а также D. V. Anderson, V. Andrews, C. E. Arthur, H. Becker, C. Beneke, V. R. Dorman, A. Eckert, O. Frahm, I. Geiss, A. Mohiddin, J. R. Saul и многие другие.

В структуру книги включены такие логично последовательные разделы, как «Феномен нации и эпоха модерна (Нового времени)», «Колониализм — постколониализм — нации», «Постколо-

ниальные нации в историко-культурном контексте: три примера», «Сложение наций в постколониальных странах в историко-культурном контексте нашего времени».

Нациеобразующие элементы в Новое время

Образование нации как «надэтнической общности людей, верящих в свое единство (т.е. общую для них национальную идентичность)» [4, с. 15] — довольно сложный и противоречивый процесс, вызывающий различные споры и толкования. Например, в Демократической Республике Конго уже длительное время идут дискуссии на тему конголезской нации, конголитэ (congolité). При этом в стране зафиксировано 450 этносов. Власти страны категорически запрещают образование партий или других объединений по этническому принципу, тем самым как бы стремясь к созданию конголезской идентичности в целом. Однако при знакомстве конголезцы обязательно поинтересуются тем, из какой провинции их собеседники, сразу же определив их этническую принадлежность. Это подтверждает живучесть этнических традиций и одновременно создает проблему объединения этносов в единую нацию.

Прежде чем перейти к анализу процесса нациеобразования в странах Азии и Африки, автор задается вопросом: что же называть на самом деле нацией? «Правильно ли считать “государственно оформленным этносом” [например] французскую нацию, если в ней до сих пор сохраняются элементы донационального культурного деления на Лангедок и Лангедойль» [4, с. 15]? Или, скажем, можно ли считать единой нацией итальянцев, проживающих на континентальной части и на острове Сардиния? При общении с «сардинцами» они будут рассказывать вам историю своего воинственного народа, о достоинствах островитян перед континентальными итальянцами, подчеркивая тем самым этническую разницу со всем остальным народом.

Так в чем же заключается проблема формирования нации? Автор монографии пытается дать ответ на этот вопрос и связывает данный процесс с пониманием того, что есть некая фундаментальная характеристика нации, обязательное условие (*sine qua non*). И этим неперенным условием является осознание себя гражданским обществом, «то есть наличие гражданского

общества и есть та самая характеристика нации *sine qua pop*» [4, с. 18]. Анализируется философская традиция понимания гражданского общества и его неизбежных амбивалентных отношений с государством, идущая от мыслителей раннего Нового времени, включая Т. Гоббса, Дж. Локка, а также деятелей эпохи Просвещения — Ш. Л. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, Т. Пейна. Вместе с рассуждениями о связи нации с гражданским обществом дается оценка демократическому, авторитарному и тоталитарному обществам, которые так или иначе влияют на формирование нации. Приводится и иная точка зрения, например Ю. Хабермаса о том, что не демократия порождает гражданское общество и нацию, а наоборот [4, с. 19]. Прослеживая тенденции и закономерности развития государственности отдельных стран на протяжении длительного исторического периода, от Античности до эпохи Просвещения, автор приходит к выводу о том, что «нация — феномен эпохи модерна (Нового времени)» [4, с. 38], поскольку именно в то время основой сплочения общества стал выступать принцип национальности.

Колониализм и его наследие

Большая глава монографии посвящена эпохе колониализма. И это важно для понимания феномена нации, поскольку именно в колониальный период в пределах той или иной колонии за редким исключением насильно объединялось множество народов зачастую с отличавшимися друг от друга культурами, ранее не образующих региональных политико-экономических систем, находившихся на разных уровнях социокультурной сложности. В результате этническое многообразие обществ не стало основой для формирования единой нации: «в типичном случае в азиатских и особенно африканских странах нет “государствообразующего народа”, как, скажем, русские в России, испанцы (кастильцы) в Испании или англичане в Великобритании, хотя бы потому, что ныне постколониальные афро-азиатские государства создавались не местными народами, а колонизаторами» [4, с. 53].

Таким образом, колониальное государство не создало этничность как форму групповой и индивидуальной идентичности и солидарности в Азии или Африке. Более того, колониальные власти часто сталкивали одни народы с другими, выделяя при

этом элитные народы и привлекая их к местному управлению. Так было, например, в Руанде и Демократической Республике Конго, где колонизаторы считали этнос тутси более способным и покладистым в отличие от хуту, что породило этническую ненависть и привело к масштабному конфликту в 1994 году в Руанде. По разным данным, там было вырезано около 1 млн тутси [5].

Одним из факторов влияния на формирование нации является институт традиционных вождей, который сохранил в отдельных странах далеко не декоративную функцию. Хотя на этот счет имеется и другая точка зрения. Например, Дж. Л. Комарофф (J. L. Comaroff) считает, что «традиционность» современных традиционных правителей — это всего лишь «полуправда» [4, с. 131]. Главная мысль, которую проводит автор, это степень интеграции традиционной власти в современную систему государственных институтов. Недостаточное их вливание в систему общенациональных институтов на адекватном им уровне местного и регионального управления порождает трайбализм — лояльность граждан, направленную, прежде всего, на локальный (племенной, этнический, региональный), а не национальный уровень существования социума.

Во многих постколониальных странах, в частности арабских и африканских, сохранились племена и вождества. Так, например, в Демократической Республике Конго в парламенте можно встретить депутатов с явными признаками традиционного вождя. Это — наличие символа власти в виде кисточки из хвоста слона, характерной косынки или каких-либо других атрибутов могущества. Колониальные власти ослабили этот традиционный институт, но не уничтожили, придав ему новые черты. Доминирование современного государства над традиционной властью не лишает вождей и старейшин их авторитета у подопечной им общины. Обычаи и традиции, хотя и уходят в прошлое, тем не менее продолжают играть важную роль в современном обществе [9].

Автохтонные правители, по мнению автора монографии, «хорошо интегрируются в систему современных политических, экономических и социальных отношений, получают большие личные выгоды, в том числе материальные от нахождения между своими подданными и государством, в чем поднаторели еще их предшественники в колониальный период» [4, с. 130].

Несмотря на то что традиционная власть призвана проводить политику действующего режима, с ее стороны известны многие случаи протестных акций, в том числе и сепаратистского характера. В одном из писем, обращенном к Генсекретарю ООН, Президенту Демократической Республики Конго Ж. Кабиле, председателю Совета Безопасности ООН, постоянным членам Совета Безопасности ООН и главам дипломатических миссий в Киншасе, старейшины провинции Катанга настойчиво проводили мысль о необходимости образования шести независимых республик вместо целостного государства — Демократическая Республика Конго, — включая исторические провинции Леопольдвиль, Экватор, Восточную, Киву, Касаи и Катангу. «Разрешением политического кризиса может быть только раздел страны», — утверждали они [8]. Тем не менее, по мнению автора, власть вождей-правителей сегодня видится менее авторитарной и более консенсусальной, чем ее было принято считать ранее [4, с. 94].

Таким образом, этнические связи с их вождизмом и «племенной» психологией продолжают оставаться крепкими, несмотря на влияние, а иногда и прямое давление на них современных институциональных структур. «В подавляющем большинстве постколониальных обществ, как и в доколониальные и колониальные времена, распространена большая (иначе — расширенная) семья» [4, с. 50], — утверждает автор монографии. Этой же проблеме посвящена недавно вышедшая в свет книга Э. С. Львовой «Традиции в постколониальной Африке южнее Сахары» [6].

Возвращаясь к теме колониального наследия стоит отметить важность поднятого в книге вопроса о преградах, которые чинили колонизаторы на пути к формированию нации. «Колониальные державы не имели ни желаний, ни возможностей создать в Африке работающие “модели” своих собственных политических институтов», — цитирует автор известного африканиста П. Шабалья [4, с. 51, 318]. Более того, реальным препятствием в колониальные времена было поощрение этнического плюрализма, построенного на превосходстве одних народов над другими. Западные «лекала» по национальному вопросу также не подошли государствам Азии и Ближнего Востока. Таким образом, формирование нации в постколониальных государствах происходит не по европейскому образцу в отличие, например, от государственно-

го устройства или конституционных основ, а при опоре на собственные исторические традиции. Часто национальное единство постколониального общества определялось деятелями национально-освободительного движения «не как наличная социальная и культурная реальность, а как цивилизационный проект, призванный поднять африканские общества до уровня требований и международных норм национального государства», — ссылается автор на слова И. В. Следзевского [4, с. 58]. Хотя на самом деле процесс этот довольно болезненный, противоречивый, вызывающий бурные дискуссии и, по всей видимости, затяжной, поскольку многие африканские и азиатские общества по-прежнему остаются полиэтничными. А политэтничность стран Африки и Азии имеет значительные отличия от европейских государств.

В связи с этим возникает другой вопрос — об определении этничности и ее происхождения. Автор придерживается мнения о том, что в странах Азии и Африки «этничность существовала до и помимо его [колониализма] влияния» [4, с. 54]. С этим суждением вполне можно согласиться, поскольку, как видится, принадлежность к тому или иному этносу или народности определяется самим индивидом как устоявшаяся осознанная его убежденность в этом, основанная на историческом прошлом, а также известной (редко далее четвертого колена) генеалогии родства или поддерживаемых клановых традиций.

На примере Нигерии автор рассуждает о проблемах с построением национальной идентичности на внутригосударственном уровне. Так, в результате полевых исследований автору удалось установить, что нигерийцы обнаруживают черты нации, доминирующие над этническими: проживание по обе стороны нигерийско-нигерской границы хауса уже на рубеже 1980—1990-х годов разделяли гражданства Нигерии и Нигера [4, с. 63]. То же самое наблюдалось у нигерийских и бенинских йруба в начале 2000-х годов. Ярким является высказывание Президента Габона О. Бонго: «Я ненавижу, когда говорят: я фанг, я батекке, я ишира. Ты габонец, а уже потом ты традиционно принадлежишь к какому-то кругу» [4, с. 59]. Таким образом, предпосылки к созданию африканских наций существуют. И эти тенденции становятся всё более очерченными по мере развития демократических процессов в государствах. Есть примеры и искусственного принуждения

к объединению нации. Например, Эритрея, возникшая как государство позднее других на континенте, когда уже шла третья волна демократизации. Как верно подметил автор, «власть откровенно игнорирует ею же написанную конституцию и использует в том числе прямые методы фактически принуждения граждан к национальному единению, характерные для однопартийных и откровенно диктаторских режимов» [4, с. 73].

Конечно, формирование демократии в отдельных странах Азии и Африки не всегда развивается в позитивном ключе. По этому поводу мнения ученых расходятся. Автор не в полной мере согласен, например, с высказыванием Т. С. Денисовой, которая утверждает, что «ожидания, связанные с начавшейся в Африке в конце XX в. демократизацией, ...оказались необоснованными» [4, с. 69]. Несомненно, африканцы добились определенного прогресса на пути к демократии. Об этом свидетельствуют легитимные выборы президента в большинстве стран континента, а также созданная вертикаль власти. Более того, например, в Демократической Республике Конго к власти законным путем в конце 2019 года пришел лидер оппозиции Феликс Чисекеди, сын известного оппозиционера Этьена Чисекеди. 20—30 лет назад об этом трудно было даже подумать и представить, как изменится политический ландшафт страны. Во властных структурах всё больше появляется грамотных и образованных политиков, способных самостоятельно мыслить и управлять государственными делами. И было бы правильно думать, что в Африке демократия как форма правления ныне имеет широкую общественную поддержку даже в странах, «в которых она на данный момент не установилась» [4, с. 91].

Тем не менее после обретения африканскими странами независимости, демократические политические режимы, учрежденные в поздний колониальный период, «оказались абсорбированными и перекодированными установившимися в них однопартийными авторитарными и попросту диктаторскими режимами» [4, с. 69]. По утверждению автора, вследствие копирования, добровольного или под давлением извне, этих институтов постколониальное государство не может автоматически усвоить присущего ей содержания [4, с. 69]. Таким образом, в постколониальных странах, следуя выводам Д. М. Бондаренко, строитель-

ство наций с самого начала — с момента получения колониями независимости — «было инициировано и направлялось внешней по отношению к обществу, вставшей над ним силой» [4, с. 72].

И еще один важный фактор нациообразования, на котором акцентирует внимание автор. Это признание государства как главного инструмента этого процесса. Автор соглашается с рядом авторов, включая мнение Э. Е. Лебедевой о том, что африканское государство в целом не смогло выполнить эту задачу, то есть общая направленность основных социокультурных потоков «сверху вниз» сохраняется, но это работает плохо. В результате ведущей роли государства в образовании постколониальных наций меняются сама сущность стран, их природа и характер в отличие от сложения наций на Западе. По мнению автора, суть проблемы в том, что постколониальное государство «зачастую оказывается недостаточно эффективным с точки зрения своей собственной исторической и социокультурной логики» [4, с. 90]. А выборы в постколониальных странах часто оказываются не механизмом сплочения общества вокруг национальных ценностей и разрешения накопившихся противоречий, но, напротив, «провокаторами или детонаторами тяжелых социально-политических кризисов» [4, с. 95].

Политический плюрализм стран Азии и Африки не является гарантом стабильной демократии и часто становится псевдодемократией. Это происходит в силу того, что многие партии создаются на этнической основе, а не на общенациональной идее. Результат очевиден. Декларативные лозунги о демократии и многопартийности скрывают нередко сущность авторитарных политических систем, которая всё же всплывает на поверхность и приводит к затяжным кризисам. Так было в Республике Конго, например, где переход в 1990 году к многопартийности приобрел «декоративный характер» [4, с. 98] и привел к политическому хаосу. Другой пример — Мозамбик, где, несмотря на переход от однопартийности к многопартийности, государственное устройство так и не поменяло своей сущности. В результате государство лишь персонифицируется с его главой, «живым воплощением, можно сказать, вместилищем души нации и гарантом благополучия каждого гражданина» [4, с. 98]. Президент Габона Омар Бонго правил страной 42 года, Мобуту Сесе Секо в Заире находился у власти

32 года. За несколько месяцев до его свержения был провозглашен характерный лозунг «Единственный народ, единственная партия, единственный вождь!». Статус пожизненного главы государства имели Хабиб Бургиба (Тунис), Кване Нкрума (Гана), Сукарно (Индонезия) и другие. Исходя из результатов проведенного опроса жителей Уганды из разных слоев общества, автор делает заключение, что в целом низкий образовательный уровень населения в афро-азиатских странах является важным препятствием на пути подлинной демократии и сложения наций [4, с. 100]. С этим вполне можно согласиться, поскольку население многих африканских стран южнее Сахары, особенно в сельской местности, не понимает смысла ни конституции, ни роли властных структур, ни политики, проводимой в стране. Даже красочно изданные брошюры в картинках в помощь избирателям не всегда бывают эффективным инструментом предвыборных кампаний. Единовождь страны куда понятнее для большинства африканцев! Преодолеть этот стереотип взаимодействия граждан и властей вряд ли можно в одночасье, поскольку традиции, передаваемые из поколения в поколение, гораздо более живучи, чем какие-либо институциональные изменения (нововведения). Хотя, конечно, современная молодежь, занятая в управленческой сфере, получившая образование в институтах Европы и Америки, так называемая националистически настроенная интеллигенция, мыслит иначе и может противостоять традиционным устоям.

Историко-культурный контекст постколониальных наций (на примере Танзании, Замбии и Уганды)

Автор монографии, опираясь на своей большой практический опыт полевых исследований в Африке, утверждает, что сегодня Танзания ближе, чем большинство африканских стран подошла к появлению нации в ее классическом понимании как сообщества сограждан, принадлежащих к одной национальной культуре, где «общегражданская идентичность доминирует над частными и локальными идентичностями» в отличие от Уганды и Замбии, где частные и локальные идентичности значимее общегражданской [3]. Разница кроется в их историческом прошлом — доколониальном и колониальном. В Танзании социокультурная основа начала формироваться еще задолго

до установления колониального режима. Ее сущность составила культура суахили с ее письменным языком и богатой литературной традицией [1]. Важную роль сыграли европейские миссионеры, которые проповедовали на суахили и сделали его языком преподавания в миссионерских школах [4, с. 152]. Язык суахили стал интегрирующим элементом национально-освободительного движения в стране в 1950-е годы. И сегодня большая часть танзанийцев «с гордостью причисляет себя к носителям суахилийской культуры, воспринимая ее как автохтонную — однозначно африканскую, не связанную с колониальным наследием» [2]. Язык суахили, как и в целом вся суахилийская культура, это, по убеждению танзанийцев, — «исток и основа танзанийской нации, ...не обязанной своим происхождением европейцам и европейскому колониализму» [4, с. 155—156].

В книге отмечается, что в Танзании наблюдается низкий уровень значимости этнической самоидентификации по сравнению с другими странами Африки. Об этом свидетельствует, например, большое число межэтнических браков, высокая степень интенсивности позитивного общения с людьми разного этнического происхождения, практически отсутствие конфликтогенных факторов. Отмечается, что «в большинстве случаев регионы, воспринимаемые танзанийцами как родные, полиэтничны [4, с. 155].

По сравнению с Танзанией перспектива построения наций в Замбии и Уганде иная. Там имеются некоторые сдерживающие этот процесс факторы. Власть традиционных вождей, о которых уже упоминалось, в этих странах — современная реальность. «Традиционные правители не стали просто колониальными чиновниками, но в большинстве случаев одновременно оказались и чиновниками, и правителями» [4, с. 177].

И сегодня, по утверждению автора, институт традиционности есть результат сочетания преемственности от доколониального института правителей с изменениями, произошедшими в нем по воле колонизаторов и постколониальных государственных властей. В качестве иллюстрации приводится система косвенного управления, изобретенная Фредериком Лугардом, которая изменила во владениях Великобритании сущность традиционных политических институтов и функции вовлеченных в их деятельность людей — носителей традиционной власти — в весьма

немалой степени [4, с. 177]. Таким образом, туземная администрация, как правило из привилегированных этносов, стала частью аппарата управления, которая назначала вождей. Лишь изредка вожди действительно были выходцами из традиционной знати. Назначенцы помогали колониальным властям эффективно управлять местным населением. И «это был своего рода великий обман миллионов простых жителей колоний», как справедливо отмечает автор [4, с. 180]. Впоследствии Президент Замбии Кеннет Дэвид Бучайзья Каунда предпринял попытку преодоления этнических разногласий, выступил за консолидацию нации, однако в стране продолжался процесс формирования партий по этническому принципу. В 1990-х годах власть и влияние традиционных институтов усилились.

Похожая картина наблюдается и в Уганде, где Президент Йовери Мусевени официально признает традиционных правителей, опирается на них в стремлении утвердить возглавляемое им Движение национального сопротивления как единственную политическую силу в стране. Как и в Замбии, в Уганде институт традиционных вождей повторно признавался государством именно как «церемониальный, как дань народным традициям и должен был стать институтом сугубо культурным, а не политическим» [4, с. 192], и это объяснялось неспособностью властей сплотить вокруг себя нацию. Однако в результате, как в Замбии, так и в Уганде, традиционные вожди быстро заняли место в политической нише этих стран. Помимо прочих проблем образования единой нации выделяется проблема севера Уганды, где уже несколько десятилетий идет гражданская война. В отличие от юга страны, где существенным препятствием нациеобразования является трайбализм, в северных районах едва прослеживается тенденция народов к признанию легитимности государства [4, с. 196].

Путь к сплочению нации у многих африканских стран сопровождается многочисленными побочными проблемами, без решения которых существенно тормозятся демократические преобразования. Помимо наследия колониализма это также многочисленные локальные и межгосударственные конфликты, социальные неурядицы, эпидемии и многое другое. Кроме того, у африканцев в отличие от европейцев — другие политические культуры, социальные институты, системы ценностей. Однако,

как утверждает автор, в подходе к идентичности есть некая парадоксальность [4, с. 212]. Выступая против засилья Запада, идеологи независимости в Азии и Африке одновременно видели путь к подлинному самоопределению и строительству наций именно по западному образцу, то есть «чтобы сделать освободившиеся страны, пусть и культурно специфическими, но сущностно подобными странам Запада» [4, с. 212].

Наряду с этими факторами поднимается также вопрос влияния миграций на размывание связи между территорией и нацией. В постколониальных странах-донорах «национальные сообщества чаще всего еще только формируются и потому уже на стадии сложения включают в себя экстерриториальность как важный признак, поскольку значительная часть членов этих сообществ оказывается вне его исходных территориальных рамок» [4, с. 230]. При этом мигранты поддерживают тесные связи со своими родственниками и оказывают им поддержку, а также пытаются участвовать в политической жизни родной страны.

Заключение

Д. М. Бондаренко в своей академической работе «Постколониальные нации в историко-культурном контексте», написанной на обширном полевом материале, собранном автором монографии в целом ряде постколониальных государств, а также опираясь на анализ авторитетных отечественных и зарубежных авторов, последовательно исследует предысторию постколониальных государств, вскрывает глубинные проблемы построения национальных государств в Азии и Африке. На примере отдельных стран автор теоретически обосновывает неразрывную связь суверенных азиатских и африканских стран с их колониальным прошлым и анализирует проблемный характер развития афроазиатских обществ в целом. Помимо этого монография видного ученого-африканиста ставит новые задачи для поиска их научного разрешения, дает «пищу» для размышления и осмысления современных политических процессов в мире.

Литература

1. *Бондаренко Д.М.* Историко-культурные аспекты формирования наций в постколониальных государствах Африки // Вестник Российской академии наук. — Т. 92. — 2022. — № 1. — С. 86—96.

2. *Бондаренко Д.М.* Образование и толерантность в Танзании (по материалам Российской антропологической экспедиции 2003 и 2005 гг.) // Джулиус Камбараге Ньерере — первый президент свободной Танзании / ред. Ю.Н. Винокуров. — М.: Институт Африки РАН, 2010. — С. 56—62.
3. *Бондаренко Д.М.* Постколониальный мир: формирование наций и историческое прошлое // Культурная сложность современных наций / ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. — М.: Политическая энциклопедия. — 2016. — С. 224—240.
4. *Бондаренко Д.М.* Постколониальные нации в историко-культурном контексте. — М.: Изд. дом ЯСК. — 2022. — 400 с.
5. *Кривушин И.В.* Сто дней во власти безумия. Руандийский геноцид 1994 г. — М.: Изд. дом «Высшая школа экономики». — 2015. — 527 с.
6. *Львова Э.* Традиции в постколониальной Африке южнее Сахары. — М., 2022. — 96 с.
7. *Филиппов В.Р.* «Советская теория этноса». Историографический очерк. — М.: Институт Африки РАН, 2010. — 214 с.
8. Lettre des Notables katangais. Groupe d'opinion qui lutte pour l'indépendance du Katanga. — Lubumbasha, le 26 janvier 2012. — P. 4.
9. *Mambi Tunga-Bau Héritier.* Pouvoir traditionnel et pouvoir d'Etat en R.D.Congo contemporaine. — Kinshasa: Médiapaul, 2010. — 375 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий:* Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий:* Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– *для интернет-источников:*

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах. Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**, с. 12] или [**8**, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2023. № 2 (36)

Редактор *Н.В. Багорова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 14.06.2023. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 10.625
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5